

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г.

2023. Том 7. № 2
Сквозной номер выпуска – 26

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России (с 25.12.2020 г.), по юридическим научным специальностям 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4 (с 01.11.2022). Категория К2. Индексируется РИНЦ, CrossRef, размещен в НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Зелепукин Роман Валерьевич** – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андрияшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Барановичский государственный университет (г. Барановичи, Республика Беларусь), доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления интеллектуальной собственностью

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета

Ельцов Николай Сергеевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности; Управление Росреестра по Тамбовской области, руководитель; заслуженный юрист Российской Федерации

Золотухин Александр Дмитриевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности

Иванова Нелли Александровна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского права Института права и национальной безопасности

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., доцент. Юридический институт Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (г. Черкесск, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор. Юридический институт (г. Санкт-Петербург, РФ), научный руководитель; Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права (г. Москва, РФ), президент; Башкирский государственный университет (г. Уфа, РФ), профессор кафедры теории государства и права

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Воронежской области (г. Воронеж, РФ), председатель суда

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (г. Саратов, РФ), директор

Овсянников Игорь Владимирович – д.ю.н., доцент. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой

Соловьева Виктория Викторовна – д.и.н., профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (г. Липецк, РФ), профессор кафедры теории и истории государства и права

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Института права и национальной безопасности

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., доцент. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), и. о. заведующего кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. 192 с. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2>

Издание журнал «Актуальные проблемы государства и права / Aktual'nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Телефон редакции +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). Электронная почта: lexnauka.tgu@yandex.ru

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов *И.В. Ильина*

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*

Редакторы английских текстов: *Д.Г. Самодуров, М.А. Сенина*

Дизайн обложки *Т.О. Прокофьевой*

Администратор сайта *М.И. Филатова*

Прием статей:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209. Институт права и национальной безопасности

Телефон: +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). **Электронная почта:** lexnauka.tgu@yandex.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (на русском языке)
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (на английском языке)

Распространяется бесплатно и по подписке. Индекс 80661 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Подписано в печать 27.06.2023. Дата выхода в свет

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 24,0. Усл. печ. л. 23,28. Тираж 1000 экз. Заказ 23177. Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2023
Все права защищены

© Редакционная коллегия журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2023

© Редакция журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2023

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical law journal

Established in February, 2017

2023, vol. 7, no. 2

Issued 4 times a year

Continuous issue number – 26

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia (from December 25, 2020), in law scientific specialties 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4 (from November 1, 2022). Category K2.
Indexed by the RSCI, CrossRef, uploaded to eLIBRARY.RU, CyberLeninka

The establisher and publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”
(33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF: **Zelepukin Roman Valerevich** – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Constitutional and International Law Department of Law and National Security Institute

EDITORIAL BOARD:

Andryashka Maryna Vasilevna – PhD (Law), Associate Professor. Baranovichi State University (Baranavichy, the Republic of Belarus), Associate Professor of General Legal Disciplines and Public Administration Department

Afanasev Sergey Fedorovich – Dr. habil. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Head of the Arbitral Procedure Department

Blinkova Elena Viktorovna – Dr. habil. (Law), Professor. Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil and Business Law Department of Intellectual Property Management Faculty

Voronov Alexander Fedorovich – Dr. habil. (Law), Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Procedure Department, Faculty of Law

Eltsov Nikolay Sergeevich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Theory and History of State and Law Department of Law and National Security Institute; Federal Registration Service in the Tambov region, Head of the Office; Honored Lawyer of the Russian Federation

Zolotuhin Aleksandr Dmitrievich – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil and Arbitral Procedure Department of Law and National Security Institute

Ivanova Nelli Aleksandrovna – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil Law Department of Law and National Security Institute

Kamyshanskiy Vladimir Pavlovich – Dr. habil. (Law), Professor. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Professor of the Civil and Private International Law Department

Klimenko Tazhan Mikailovna – Dr. habil. (Law), Associate Professor. North Caucasian State Academy Law Institute (Cherkessk, Russian Federation), Professor of Criminal Law and Procedure Department

Komarov Sergey Aleksandrovich – Dr. habil. (Law), Professor. Private Educational Institution of the Higher Training “Institute of Law” (St. Petersburg, Russian Federation), Scientific Advisor; The Interregional Association of Theorists of State and Law (Moscow, Russian Federation), President; Bashkir State University (Ufa, Russian Federation), Professor of State and Law Theory Department

Kochetkov Aleksandr Viktorovich – PhD (Law), Associate Professor. Arbitral Court of Voronezh Region (Voronezh, Russian Federation), Court President

Lagutin Igor Borisovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Head of the Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedure Department

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Dr. habil. (Law), Professor. Saratov State Law Academy, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department; Saratov Research Centre for Organized Crime and Corruption Issues (Saratov, Russian Federation), Director

Ovsyannikov Igor Vladimirovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center

Osokin Roman Borisovich – Dr. habil. (Law), Professor. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Russian Federation), Head of the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training

Panko Kirill Konstantinovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Professor of Criminal Law Department

Polishchuk Nikolay Ivanovich – Dr. habil. (Law), Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of the State and Law, International and European Law Department

Rybakova Svetlana Viktorovna – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Professor of the Financial, Banking and Customs Law Department Named After Professor Khimicheva Nina Ivanovna

Solovyova Viktoriya Viktorovna – Dr. habil. (History), Professor. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation), Professor of the Theory and History of the State and Law Department

Trofimov Vasilii Vladislavovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Research Institute of State Legal Research, Professor of the Theory and History of the State and Law Department of Law and National Security Institute

Chunyaeva Vera Anatolevna – PhD (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Law and National Security Institute

Yudin Andrew Vladimirovich – Dr. habil. (Law), Associate Professor. Samara National Research University (Samara, Russian Federation), Acting Head of the Civil Procedure and Business Law Department of the Law Faculty

For citation:

Current Issues of the State and Law. 2023. Vol. 7, no. 2. 192 p. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2>

The journal “Aktual’nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), the mass media registration certificate ПИИ no. ФС 77-69827 dated May 18, 2017.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 (extension 3117). E-mail: lexnauka.tgu@yandex.ru

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals *I.V. Ilyina*

Editors: *Y.A. Biryukova, M.I. Filatova*

English texts editors: *D.G. Samodurov, M.A. Senina*

Cover design *T.O. Prokofeva*

Web-site administrator *M.I. Filatova*

Article acceptance:

Office 209, 181 B, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Derzhavin Tambov State University, Law and National Security Institute. **Telephone:** +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). **E-mail:** lexnauka.tgu@yandex.ru

Web site: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (In Russian)
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (In English)

Distributed free of charge and by subscription. Index 80661 in the catalogue LLC “Ural-Press”

Signed for printing 27.06.2023. Release date

Format A4 (60×84 1/8). Typeface «Times New Roman». Printed on risograph.

Pr. sheet 24,0. Conv. pr. sheet 23,28. Copies printed 1000. Order no. 23177. Free price.

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy”

FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2023.

All rights reserved

© Editorial board of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2023

© Editorial of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Завгородняя А.А.</i> Природа интересов в праве	171
<i>Зарубина К.А., Колотков М.Б.</i> Организационно-правовые основы функционирования Корпуса жандармов России в XIX – начале XX века	182
<i>Кузнецов А.А., Кузнецов П.А., Кузьменко Э.Ю.</i> Правовые основы цифровой экономики в Российской Федерации	190
<i>Кузубова А.Ю.</i> Аксиологический статус государственно-правовой доктрины русского консерватизма	198
<i>Соловьёва В.В.</i> Государство всеобщего благосостояния: философско-правовой аспект	205
<i>Ушаков А.В.</i> Теоретические и нормативно-правовые основы понятия и сущности общественного контроля в Российской Федерации	212

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Абрамова В.И.</i> Теоретические и сравнительно-правовые аспекты правового регулирования миграционных процессов в контексте уголовно-правового регулирования	220
<i>Астахов А.И.</i> Генезис правовых основ деятельности гражданской авиации как перспектива решения проблем правового регулирования обеспечения безопасности авиационных пассажирских перевозок	229
<i>Булгаков В.В., Булгакова Д.В.</i> Правовые аспекты договора лизинга и особенности лизинговых правоотношений в современной России	238
<i>Воробьёва С.В.</i> Экономическая безопасность Российской Федерации в свете криминализации экономических отношений	249
<i>Головин К.С.</i> Предложения по реформированию гражданско-правовой охраны искусственного интеллекта как единого объекта интеллектуальной собственности	263
<i>Горбוצова Ю.О.</i> Дифференциация уголовной ответственности за неосторожное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью с выделением квалифицирующего признака	275
<i>Латынцев А.В.</i> Учет приоритетности принципов охраны здоровья в патентных правоотношениях	287
<i>Муркитис М.И.</i> Теоретические аспекты вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости субъекта преступления	295

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Гавриленко В.А.</i> Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона	303
<i>Медведева С.В., Ментюкова М.А., Попов А.М.</i> Эффективность применения к несовершеннолетним мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста	319
<i>Овсянников И.В.</i> Вправе ли несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства давать показания избобличающего характера?	331
<i>Перетьяко Н.М., Федюнин А.Е.</i> Вопросы совершенствования правовой регламентации института ходатайств в уголовном судопроизводстве России	338
<i>Потапов С.А.</i> Значение психологического портрета в раскрытии неочевидных преступлений	348

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 2023, vol. 7, no. 2 Issued 4 times a year

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

<i>Anastaciya A. Zavgorodniaia</i> , The nature of interests in law	171
<i>Kristina A. Zarubina</i> , Organizational and legal foundations for the functioning of the Russian Gendarme Corps in the 19th – early 20th centuries	182
<i>Alexander A. Kuznetsov, Pavel A. Kuznetsov, Ella Y. Kuzmenko</i> , Legal basis of the digital economy in the Russian Federation	190
<i>Angelina Yu. Kuzubova</i> , The axiological status of the state-legal doctrine of Russian conservatism	198
<i>Victoria V. Solovieva</i> , Welfare state: philosophical and legal aspect	205
<i>Anton V. Ushakov</i> , Theoretical and regulatory foundations of the concept and essence of public control in the Russian Federation	212

SUBSTANTIVE LAW

<i>Vasilisa I. Abramova</i> , Theoretical and comparative legal aspects of the legal regulation of migration processes in the context of criminal law regulation	220
<i>Anatoly I. Astakhov</i> , The genesis of the legal foundations of civil aviation as a prospect for solving the problems of legal regulation of ensuring the safety of aviation passenger transportation	229
<i>Vladimir V. Bulgakov, Daria V. Bulgakova</i> , Legal aspects of the leasing agreement and features of leasing legal relations in modern Russia	238
<i>Svetlana V. Vorobyova</i> , Economic security of the Russian Federation in the light of criminalization of economic relations	249
<i>Kirill S. Golovin</i> , Proposals for reforming the civil law protection of artificial intelligence as a single object of intellectual property	263
<i>Yulia O. Gorobtsova</i> , Differentiation of criminal liability for negligent infliction of death or grievous bodily harm with the allocation of a qualifying feature	275
<i>Alexander V. Latyntsev</i> , Accounting the priority of health protection principles in patent legal relations	287
<i>Maryus Y. Murkshtis</i> , Theoretical aspects of sanity, insanity and limited sanity of crime subject	295

PROCEDURAL LAW

<i>Vladimir A. Gavrilenko</i> , Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of the states of Arctic region	303
<i>Svetlana V. Medvedeva, Maria A. Mentukova, Alexey M. Popov</i> , The effectiveness of the application of measures of restraint to minors in the form of detention and house arrest	319
<i>Igor V. Ovsyannikov</i> , Are juvenile participants in criminal proceedings entitled to testify incriminatingly?	331
<i>Natalya M. Peretyatko, Anton E. Fedyunin</i> , Issues of improving the legal regulation of the institute of petitions in Russian criminal proceedings	338
<i>Sergey A. Potapov</i> , The importance of a psychological portrait in unobvious crimes disclosure	348

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.01

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-171-181>

Шифр научной специальности 5.1.1

Природа интересов в праве

© ЗАВГОРОДНЯЯ Анастасия Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет юстиции», Донецкая Народная Республика, 283049, г. Донецк, ул. Лебединского, 9, <https://orcid.org/0000-0001-5120-7018>, nastacija@mail.ru

Аннотация

Рассмотрена природа интересов в праве. В исследовании обращено внимание на то, что провести разграничение между объективными и субъективными факторами формирования социального интереса не представляется возможным. Это объясняется тем, что субъективные (сознательные и неосознанные, автоматические) факторы зависят от внешней среды, но степень их влияния на необходимость обладания личностью определенными благами установить сложно. Дифференциация и/или единство (скорее – это взаимосвязь) указанных факторов крайне усложнена и может быть сконструирована лишь в общих чертах в рамках анализа закономерностей формирования потребностей, мотивов, влияния стимулов на конкретную личность. В связи с этим природа социального интереса является интересусубъективной. Предметом работы является анализ природы интересов в праве в рамках интересусубъективного подхода, и прежде всего с позиции их согласования, конкуренции, постоянной динамики в правотворческой и правоприменительной деятельности. Цель работы – определение природы интересов с позиции различных подходов, являющихся отправными для исследования интересов, имеющих правовое значение. Методологической основой проведенного исследования стали: общие и частнонаучные методы, а именно логический; использованы такие приемы, как описание, анализ, обобщение, абстрагирование, применен системно-функциональный подход. Рассматривая интерес с точки зрения субъективного, объективного, субъективно-объективного подходов, в исследовании отмечается, что ни одна из этих позиций не соответствует закономерности формирования интереса ни социального, ни правового. Также и субъективность невозможно признать характеристикой интереса, как и субъектоцентризм, субъектную ориентированность правопонимания. В данном случае необходимо различать природу *правовых интересов, правовые средства, механизм формирования* (истоки, закономерности) и *реализации* их в социально-правовых практиках. Сделан вывод о том, что общие интересы детерминируются необходимостью в определенных благах социально значимой необходимости или социальной пользы, состояниями, статусами, становятся юридически значимыми в связи с институционализацией. Правовые же интересы, как следствие, в своей основе должны иметь особую социальную значимость и признание обеспечения благ, способов и средств их получения. Формулируется вывод о необходимости признания интересусубъективности как важнейшего свойства интересов социального и правового характера в современном обществе.

Ключевые слова

интерес, социальный интерес, мотив, стимул, потребность, воля, волеизъявление, стремление, целеполагание

Для цитирования

Завгородняя А.А. Природа интересов в праве // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 171-181. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-171-181>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-171-181>

The nature of interests in law

© Anastacija A. ZAVGORODNIAIA,

PhD (Law), Associate Professor of Civil Law Disciplines Department, Donbass State University of Justice, 9 Lebedinsky St., Donetsk, 283049, Donetsk People's Republic, <https://orcid.org/0000-0001-5120-7018>, nastacija@mail.ru

Abstract

The nature of interests in law is considered. The study draws attention to the fact that it is not possible to distinguish between objective and subjective factors in the development of social interest. This is explained by the fact that subjective (conscious and unconscious, automatic) factors depend on the external environment, but it is difficult to establish the degree of their influence on the need for a person to possess certain benefits. The differentiation and/or unity (rather, it is a relationship) of these factors is extremely complicated and can be constructed only in general terms within the framework of the analysis of the patterns of development of needs, motives, and the influence of incentives on a particular person. In this regard, the nature of social interest is intersubjective. The subject of work is the analysis of the nature of interests in law within the framework of an intersubjective approach, and above all from the standpoint of their coordination, competition, constant dynamics in law-making and law enforcement activities. The purpose of work is to determine the nature of interests from the standpoint of various approaches that are the starting point for the study of interests that have legal significance. The methodological basis of the study is: general and particular scientific methods, namely logical; such techniques as description, analysis, generalization, abstraction are used, a system-functional approach is applied. Considering interest from the point of view of subjective, objective, subjective-objective approaches, the study notes that none of these positions corresponds to the patterns of formation of interest, either social or legal. Also, subjectivity cannot be recognized as a characteristic of interest, as well as subjectocentrism, the subjective orientation of legal understanding. In this case, it is necessary to distinguish between the nature of *law interests*, *law means*, *development mechanism* (origins, patterns) and their *implementation* in social and law practices. It is concluded that common interests are determined by the need for certain benefits of socially significant necessity or social benefit, states, statuses, become legally significant in connection with institutionalization. Law interests, as a consequence, should basically have a special social significance and recognition of the provision of benefits, ways and means of obtaining them. The conclusion is formulated about the need to recognize intersubjectivity as the most important property of social and law interests in modern society.

Keywords

interest, social interest, motive, incentive, need, will, will expression, aspiration, goal-setting

For citation

Zavgorodniaia, A.A. (2023). The nature of interests in law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 171-181 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-171-181>

Введение. Постановка проблемы

Природа интересов обуславливает различные концепции, объясняющие не только сущность интересов, но и их роль в праве.

Практически каждое научное исследование, посвященное интересам в праве, основано на том или ином подходе к определению их природы. В доктрине права представлено

несколько соответствующих теорий: *объективная, субъективная и различные сочетания объективной и субъективной*. Данные теории, несмотря на традиционность и определенность, подлежат критическому рассмотрению с точки зрения *интерсубъективной составляющей интересов* (или, как указывают некоторые авторы, *надындивидуальной, интерактивной*) [1, с. 85], которая имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку обусловлена, прежде всего, правовыми стимулами и ограничениями, усвоенными субъектом в социальных и правовых практиках.

Результаты исследования

1. Природа интереса

Определяющим для формирования и содержания интереса, имеющего значение в целеполагании (волеформировании) и волеизъявлении, является учет субъектом условий, на основании которых в совокупности с другими факторами интерес возникает. Данное обстоятельство вызвало возникновение множества различных концепций, объясняющих *природу* и, тем самым, *сущность интересов в праве*.

Исследуя в рамках инструментального подхода *цели в праве* и *целеполагание*, С.Ю. Филиппова определяет *интерес как одну из стадий* последнего, отмечает, что возникновение потребности является объективным явлением, а за ее осознанием как субъективным фактором следует появление интереса и мотива [2, с. 39-40].

Как *объективное явление интересы* рассматриваются в связи с существованием *независимых от осознания субъектом, существующих в объективном мире* потребностей, средствами удовлетворения которых являются блага [3, с. 19-20, 25]. Н.М. Мусаев, в частности, обращает внимание на то, что интересы возникают на основании объективных потребностей, а также детерминированы объективными отношениями в обществе. Эти суждения дают автору основание сделать сомнительное умозаключение о том, что интересы существуют вне сознания их носителей. Следующие за этими аргументы автора, такие как «*публичный интерес — признанный*», «*единство всеобщности и единичности обеспечивается также осознанием индивидами*» того обстоятельства, что «об-

щее благо является также и моим благом», свидетельствуют о признании зависимости интереса от осознания [4, с. 139-140]. Как и большинство авторов, Н.М. Мусаев неоднозначно и не четко разграничивает формирование и реализацию индивидуального социального интереса, институционализацию интересов, следствием которой являются общие (публичные), и правовые средства их охраны, что приводит его к противоречивым выводам.

По мнению А.Я. Курбатова и А.С. Подмаркова, основу любого субъективного права составляет «*признанный законодателем социально значимый*» интерес, который авторы считают объективным, проводя эту идею в тех своих исследованиях, предметом которых являются интересы в праве [5, с. 104]. В то же время в таком подходе учитывается правореализационная функция интересов, но не учитывается важная правообразующая функция социальных интересов, связанная с механизмом их институционализации и затем правового признания. Сущность социальных интересов правообразовательного значения не может быть определена от производных правовых.

По мнению О.Ю. Кравченко, объективный интерес «*выражает то, что объективно способствует упрочению и позитивному изменению социального положения субъекта общественных отношений*», становится таким, «*когда закон признает интерес объектом правовой охраны и критерием правомерности действий субъектов*» [6, с. 12]. Автор этой позиции ставит в один ряд с интересом и блага, и социальные условия и нормы; затем связывает его объективную характеристику с законодательным закреплением правовых средств его реализации, после чего субъект может оценить способы реализации субъективного интереса через «*критерии правомерности*». Описываемые автором средства объективного способствования улучшению социального положения субъекта необоснованно приравниваются к «*интересу*», поскольку контекстно идет речь о средствах, что дальше автор и подтверждает, приравнивая объективный интерес к законному, который «*фиксирует в общественном сознании меры (средства)*» [6, с. 13]. Существование «*объективных*» средств (условий,

в том числе институционализированных) является одним из элементов формирования интересов. Таким образом, «объективные» интересы в праве определяются некоторыми исследователями как те, что одобрены и получили законодательное закрепление реализации, либо сами нормы, в которых средства закреплены.

При анализе интересов в праве их также *позиционируют как некую предпосылку*. Как более приемлемую в этом отношении стоит отметить позицию Ю.С. Завьялова, *который интересы рассматривает и с позиции предпосылки, и фактора*, влияющего на законодательную волю, цели, которая выбрана субъектом и достигается через использование норм права [7, с. 153].

В доктрине права объективные подходы к определению природы интереса, кроме признания объективного интереса, могут варьироваться в зависимости от того, с позиции блага или потребности ее оценивать: благо – это явление лишь условно объективное (находящееся вне субъекта или вызванное жизненной необходимостью), а необходимость (потребность) и отношение к ней – субъективно, хотя тоже условно. В контексте понимания блага, верно отмечает В.И. Плохова, что объект интереса будет совпадать с предметом потребности в том случае, если субъекту для его удовлетворения необходимо вступать во взаимодействие (вне взаимодействия предмет потребности не становится объектом интереса) [8, с. 213].

2. Субъективный подход

Традиционно в правоведении *интересы как субъективную категорию* обуславливают *осознанием потребности* субъектом. Считается аксиоматичным, что *без осознания нет смысла говорить и о самом интересе*. Подобный подход с акцентом на осознание, по нашему мнению, справедливо критиковался А.Г. Малиновой [9, с. 95].

Потребностью является состояние психологического или функционального ощущения недостаточности в благе, которое человеком осознается в любом случае. Однако на данном этапе мотивационно-волевая сфера психики человека еще не задействована. Таким образом, закономерность возникновения потребности, а в дальнейшем и интереса, обусловлена отношением к нему субъекта:

значимостью объекта. Как следствие, мы видим в юридической литературе мнение ряда исследователей о том, что считается обоснованной взаимосвязь объективных и субъективных сторон возникновения интереса. Так, по мнению А.И. Экимова, взаимосвязь объективного и субъективного в интересе проявляется в признании единства субъективного (психологического) и объективного (социального) аспектов как качественно самостоятельных явлений. Сложившееся понимание природы интереса в праве как единства субъективного и объективного [10, с. 4], является приоритетным [11, с. 19; 12, с. 239]. Но существует определенная дифференциация некоторых положений в отношении объективно-субъективных составляющих интереса, которая проявляется в правоведении через синтез или разделение объективных и субъективных его сторон формирования и существования, но следует понимать, что эти концепции не являются монистическими. Часто исследователи говорят о диалектическом единстве объективного и субъективного элементов в интересе [13, с. 4-6].

На синтез объективных и субъективных аспектов в правовом интересе указывает А.В. Кузьмина. С одной стороны, автор обосновывает объективные правовые интересы, обусловленные положением различных субъектов в правовом пространстве, с другой стороны, субъективные – как осознаваемые конкретным индивидом юридические благаяценности [14, с. 55]. С.В. Михайлов, поддерживая позицию, высказанную Г.Е. Глезерманом, отмечает, что *единство объективного и субъективного не в интересе, а в процессе его реализации* [15, с. 21; 16, с. 25].

А.В. Малько и В.В. Субочев, определяя природу *социального интереса*, осуществляют дальнейшее обоснование позиции в отношении единства *объективного и субъективного* в его сущности. Как утверждают авторы, по своей природе интерес не призван разделять личные и объективные факторы, которые являются взаимодополняющими и взаимно детерминируемыми.

Среди *детерминант интереса* (составляющих его структуры) исследователи выделяют:

- социальные факторы, в частности, положение в обществе;
- осознание этого положения, от чего зависят методы, формы и средства удовлетворения потребностей;
- стимулы и мотивы; действия, направленные на удовлетворение потребностей [17, с. 14-15].

Не соглашаясь с отнесением указанных факторов к структуре интереса, отметим, что исследователи совместили не только факторы формирования интереса, но и его закономерный результат – волеизъявление, однако, точно не определив место объективного критерия как материального (внешнего) фактора интереса и потребности.

Объективно-субъективное понимание интереса, по сути, сводится к субъективному подходу, на что указывает такой фактор, как осознание потребности. Кроме того, признание научного понятия двойственным неверно с позиции логического закона противоречия как ложности одного из двух противоположных суждений. Тем не менее, нельзя отрицать сами детерминанты, которыми обусловлено формирование интереса, значимого для права.

Отделяя интерес в праве от социального интереса, от интереса как элемента мотивационно-потребностной сферы психики человека, отметим, что его конститутивным фактором является не только объект и субъективное к нему отношение, но и социальные интеракции, которые необходимы для его удовлетворения. Интересы возникают и существуют не просто на основании осознания их индивидами, по сути, осознания потребностей, а на основании их взаимоотношений в обществе [18, с. 260], и именно *необходимостью в коммуникации и взаимоотношениях и «вызываются»*.

В ином случае потребности не становятся интересами, в целеполагании не задействованы, остаются на стадии идеи, ценности, мотива как психического (не социального) элемента. Формирование интереса осуществляется при осознании и намерении осуществить социальное взаимодействие, в связи с чем необходимо уяснить предмет притязаний, социально-правовой контекст деятельности и необходимые действия для получения данного предмета [1, с. 91]. В данном

процессе одинаковое значение имеют и нужды субъекта, и ценностные ориентации, иные мотивационные установки, социальный, правовой контекст.

Отметим, что *в правоведении интерес часто определяется через необходимость удовлетворения потребности, ее связывают с осознанием*, а А.В. Малько, В.В. Субочев говорят о ней как об уже сложившейся и развивающейся в социальных отношениях [17, с. 16]. Обратим внимание на несоответствие таких умозаключений общепринятому пониманию потребности и интереса. Если сформированный интерес изначально социогенен, в отношении необходимости как понятия отметим, что она, по сути, и есть нужда, потребность. *Необходимость* можно рассматривать и как систему связей субъекта (с объектом потребности) и *отношений* (с другими субъектами), которыми детерминруется динамика достижения результата. Желаемый результат (через его модель в виде цели) характеризуется: конкретикой и обязательностью; определяет значение, важность и приоритет в иерархии потребностей; предопределяет *необходимость* вступления в социальные связи для ее удовлетворения; предполагает соотнесение явлений эмоциональной, потребностной, мотивационной и волевой сфер с социальными факторами.

Таким образом, при определении интереса через «осознанную необходимость потребности» (что встречается часто в правоведении в результате приверженности различных авторов указанной выше теории) совершается ошибка в определении понятия (круг в определении), которое, по сути, *сводится к «осознанию субъектом осознанной нужды в необходимости»*.

Исходя из того, что *интерес отличается от потребности как еще не опредмеченной необходимости* (здесь мы имеем в виду и внутренние, и внешние стимулы), не прошедшей этапы поисковой активности, выбора предмета, средств и цели, следует критично отнестись к утверждениям А.В. Кузьминой о том, что сущностный признак *субъективного* правового интереса – это «осознанность ресурсами соответствующего правосознания» [14, с. 55]. Кроме того, правовой интерес не как правовое средство не корректно определять как *«осознанную потребность»*.

дееспособного субъекта добиваться правовыми средствами определенных *правовых благ*» [14, с. 51], поскольку осознание нужды, затем потребности – это лишь элементы одной из стадий формирования интереса. В указанном определении не учитывается то обстоятельство, что благодаря внутренней поисковой активности (которая не может быть не сознательной, неосознанной у дееспособного лица) сформировано намерение, побуждение к достижению цели в получении блага через осуществление взаимодействия, способного удовлетворить потребность.

Интерес индивидуального характера как субъективный в получении индивидуальной *необходимости или пользы* в результате социального взаимодействия, по своей сути является осознаваемым, иначе можно утверждать о несформированной мотивационно-волевой сфере личности в силу возраста или же о ее нарушениях. В этом отношении, в частности, В.П. Грибанов говорит, что интерес – это «*потребность, принявшая форму сознательного побуждения* и проявляющаяся в жизни в виде желаний, намерений, стремлений...» [12, с. 240]. Автор делает точный акцент не на осознании потребности, а на *сознательности побуждения (к действию)*, которое может быть в некоторых случаях неосознанным. Эти особенности функционирования сферы человеческой психики учтены и охраняются правом. В таких случаях при формировании системы правовых средств обеспечения «интересов» соответствующих субъектов исходят из условно объективного подхода к ним (институциональности интереса): с точки зрения понимания их как необходимости для соблюдения формального равенства, являющегося одной из характеристик справедливости в обществе.

Наличие потребности (нужды) субъекта предполагается в определенных ситуациях, отношениях. Таковую необходимость «признает» право, поэтому интересам придается в нем объективное значение. Это является важным аспектом правовой охраны интересов, для которых оно и выполняет свою основную функцию. В частности, в связи с этим «интерес» (а по сути – потребность) даже в случае неосознавания лицом (отсутствие первичного абстрактного мотива, внешней и внутренней поисковой активно-

сти), институционально презюмируется, охраняется правовыми средствами, а нормы права содержат указание на принадлежность «интереса» тому или иному субъекту, возлагают на других лиц обязанности по его обеспечению. Право имеет специальные нормы для защиты интересов определенных субъектов, которые не осознают, или слабо, неправильно представляют свои интересы (малолетние, престарелые, недееспособные) [19, с. 135]. В данном случае идет речь не об интересах в психологическом, социальном понимании, а о правовых средствах, природа которых не может быть сведена к объективной, субъективной или двойственной.

В связи с этим не согласимся с С.В. Михайловым в том, что существование интересов возможно без осознания субъектом, однако которые, как у малолетних, «объективно существуют и, следовательно, защищаются законом» [16, с. 18]. Поскольку речь идет не о несформированном интересе, а о потребности, которая обеспечивается правовыми средствами и лексически передается через термин «интерес», не согласимся и с умозаключением А.В. Рыжика о том, что «потребности – это самостоятельная научная, но не гражданско-правовая категория, свидетельствующая о социальных (а не правовых) нуждах носителя интереса» [20, с. 71]. *Именно потребности, не сформированные в социальный интерес, подлежат правовой охране, и эта охрана осуществляется.*

Поскольку некоторые потребности (нужды) базового характера (необходимость в получении благ особой значимости для жизнедеятельности человека и функционирования общества) признаются независимо от отношения субъектов к ним (с учетом психической способности), в доктрине права они рассматриваются как «объективные» [4, с. 138]. В частности, Э.И. Девицкий говорит о них (потребностях) как о *жизненно важных потребностях граждан*, обеспечение которых «...и должно составлять основу публичного интереса в праве» [21, с. 14].

Н.Н. Черногор, А.С. Емельянов приходят к выводу, что *интерес и потребность следует разграничивать*. Недопустимо определять первое понятие через второе без учета осознания направления преобразования окру-

жающего мира или даже, как пишут исследователи, «отражение потребности в индивидуальном и общественном сознании ...пути ее удовлетворения...». При этом отмечается, что интерес условно субъективен. Его сущность составляет отражение «объективной данности – потребности – в сознании, причем не только и не столько индивидуальном, а, в первую очередь, в общественном». В этом контексте авторы признают объективность интереса, который может существовать независимо от определенного субъекта и не всегда характеризуется осознанием [22, с. 17].

Как следует из приведенных выше доктринальных позиций, за *интересом* признается *природа объективная* в том случае, когда исследователь берет за основу *потребность или благо как источник формирования интереса*, чаще – *жизненно значимое благо, либо интерес как правовое средство*¹, объект правового регулирования¹, *нормативно отраженную возможность*. Однако ни одна из этих позиций не соответствует закономерности формирования интереса ни социального, ни правового. Также и субъективность невозможно признать характеристикой интереса, как и субъектоцентризм, субъектную ориентированность правопонимания.

В данном случае необходимо различать природу *правовых интересов, механизм формирования* (истоки, закономерности) и *реализации* в социально-правовых практиках, а также *правовые средства их установления и реализации*.

При исследовании сущности, содержания социальных интересов в правоведении необходимо учитывать отношение личности к благам, их иерархию и мотивы в получении благ имущественного и неимущественного характера, *которые зависят от влияния социального окружения*, уже не говоря о социальных и правовых стимулах. Важное суждение для понимания условности объективности интереса изложено О.Ю. Кравченко, который сам стоит на позиции объектив-

ности их природы (как независимости от влияния самого субъекта, вводит фактор «объективных законов развития общества»), однако отмечает, что возникновение субъективных интересов обусловлено объективными условиями, под которыми он понимает общественные условия [6, с. 11-12].

А.Я. Курбатов, как и другие исследователи, выделяет *субъективные* (явление сознания субъекта, играют роль в формировании воли и волеизъявления) и *объективные интересы*. По мнению автора, только последние являются охраняемыми правом (объектами правовой охраны) в пределах, которые были признаны законодателем общественно значимыми². В то же время, при таком подходе остается вопрос о критериях подобной объективности либо признания значимости. Кроме того, субъективные (индивидуальные, групповые) интересы имеют правообразующее (в случае типичности, группового значения, статистической значимости), правопреобразовательное, право-реализационное значение, поэтому утверждать об отсутствии их правовой охраны нет оснований.

«Объективные» потребности или интересы воспринимаются таковыми в связи с типичными, долговременными социальными практиками благодаря снижению уровня неопределенности, наличию основ для прогнозирования поведения субъектов, что выступает фактором стабильности и признаком минимального благополучия личности и общества. «Объективными» подобные потребности становятся благодаря их неформальной институционализации, а затем и формальной, юридической. Удовлетворение «объективных» базовых потребностей человека в жизнедеятельности и потребностей обеспечения безопасности общества «должно» (подобное долженствование также явилось следствием институционализации) происходить независимо от осознания и желания индивидов и их групп. Соответствующая необходимость не объективна, не

¹ Объективная природа интереса обусловлена пониманием его как элемента предмета правового регулирования, могут быть отдельные нормативные предписания, по сути, отграничивающие интерес от его непосредственного носителя. URL: <https://pravo-izdat.com.ua/image/data/Files/140/1-27.pdf>

² Курбатов А.Я. Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности // Черные дыры в Российском законодательстве. 2001. № 1. URL: https://www.cfin.ru/press/black/2001-1/03_01_kurbatoff.shtml

аксиологична (этична), а также не субъективна. Она стала следствием самоорганизации общества и управления в обществе, выработки норм взаимодействия в процессе его развития. При этом некоторые «объективные» потребности и интересы могут существенным образом отличаться в государствах различного типа (например, социальное обеспечение в государствах патерналистского типа).

Институционализация интересов объясняет и природу квазипотребностей (долженствования). В данном случае происходит деиндивидуализация интересов, подчинение их групповым или общим. Значимые потребности для функционирования социума (безопасность различного типа) и типичные базовые потребности для жизнеобеспечения человека, различные виды безопасности человека представляют собой общее благо, являются основой публичных интересов. Подобное следствие институционализации интересов является объективным явлением лишь условно постольку, поскольку социум – это самоорганизующаяся система, имеющая свои закономерности. Разумный выбор либо бессознательные побудительные импульсы как источники активности человека в социуме (<http://www.dslib.net/soc-filosofia/samoorganizacija-socialnoj-sistemy.html>) сводятся к коммуникации и согласованию, что исключает объективный и субъективный подход к социальным и правовым интересам, обуславливает признание их интерсубъективной природы.

«Объективные» блага могут не определять направленность отдельных индивидов, в определенных случаях противоречить субъективным интересам лица, однако, признаваясь общими благами (как необходимыми, независимо от отношения к ним индивидов), становятся критерием для выделения общих потребностей и интересов как тех, которые можно реализовать лишь

сообща, а не сугубо индивидуально (что обуславливает налоговую политику, воинскую обязанность). В этой связи следует согласиться с предложением о признании «объективно значимых потребностей» [23, с. 11], но именно потребностей исходя из необходимости, но не интересов.

Заключение

Таким образом, общие интересы особой социальной значимости или особой социальной пользы детерминируются определенными благами, состояниями, статусами, нуждаются в обеспечении, становятся юридически значимыми. Правовые же интересы, как следствие, в своей основе должны иметь особую социальную значимость и признание обеспечения благ, способов и средств их получения.

Критерий «объективности потребности» позволяет снижать некоторое напряжение дискуссии в правоведении о критериях принадлежности определенных интересов к общим, которые признаются публичными. Но подобный критерий, отсылающий к «объективности», необходимости блага, не способен выдержать критики с позиции определения контекстной значимости определенного интереса при определенных социальных условиях, в частности: в ситуации противостояния, конкуренции такого интереса с частными или другими публичными интересами. В итоге, в контексте динамики различных интересов «объективность» может приводить к их субъективной оценке, в частности, законодателем или судом. Признание интерсубъективности как свойства социальных и правовых интересов, установления условий их реализации в рамках социально-правовой динамики предопределяет способы установления правовых средств реализации интересов посредством дискурсивных практик, демократических процедур, государственно-социального партнерства в различных формах.

Список источников

1. Трофимов В.В. Интересы в праве: социально-интерактивная природа и роль в формировании элементов правовой материи // Интересы в праве. Жидковские чтения: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. М.В. Немытина. М.: РУДН, 2017. С. 82-98. <https://elibrary.ru/yrjluy>
2. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013. 350 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006581799>

3. Мальцев Г.В. Соотношение субъективных прав, обязанностей и интересов советских граждан // Советское государство и право. М.: Наука, 1965. № 10. С. 19-26.
4. Мусаев Н.М. Понятие интереса, его виды и соотношение публичного и частного интереса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2000. № 1. С. 137-142. <https://elibrary.ru/hrnpwz>
5. Курбатов А.Я., Подмаркова А.С. Недопустимость злоупотребления правом как общеправовой принцип реализации прав // Хозяйство и право. 2009. № 2. С. 104-115. <https://elibrary.ru/ukiood>
6. Кравченко О.Ю. Публичные и частные интересы в праве: политико-правовое исследование: автореф. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 32 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002849568?page=1&rotate=0&theme=white>
7. Завьялов Ю.С. Проблема интереса в марксистской теории социалистического права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968. 298 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010346541>
8. Плохова В.И. О целесообразности рассмотрения интереса, блага (правового блага), субъективного права в качестве объекта преступлений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 2. С. 212-216. <https://elibrary.ru/hrowdb>
9. Малинова А.Г. Интерес и потребность: критический взгляд на их отождествление в отечественном правоведении // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 10 (167). С. 91-105. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.167.10.091-105>, <https://elibrary.ru/szmboa>
10. Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л.: Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1984. 134 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008003017>
11. Субочев В.В. Законные интересы. М.: Норма, 2008. 495 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003329341>
12. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000699102?ysclid=lht4xpxf3t323440215>
13. Здравомыслов А.Г. Проблема интереса в социологической теории. Л.: Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1964. 74 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006194381>
14. Кузьмина А.В. О типологии правовых интересов // Журнал российского права. 2011. № 3. С. 49-56. <https://elibrary.ru/ndoqfx>
15. Глезерман Г.Е. Интерес как социологическая категория // Вопросы философии. 1966. № 10. С. 15-26.
16. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. 205 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009831554>
17. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. 359 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002474970>
18. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 2. М., 1956. 824 с. URL: https://archive.org/details/k-n_nm_1956/page/n11/mode/2up
19. Малинова А.Г. Проблемы юридической классификации интересов // Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О.А. Кузнецова. Пермь, 2013. С. 134-135. <https://elibrary.ru/sxarwj>
20. Рыжик А.В. Теория интереса собственника в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 485 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01011141709>
21. Девицкий Э.И. Публичный и частный интерес в правотворчестве: критерии ограничения // Пролог: журнал о праве. 2020. № 1 (25). С. 2-16. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2020.1.1>, <https://elibrary.ru/xxhvfj>
22. Черногор Н.Н., Емельянов А.С. Правопорядок и интерес в контексте развития сравнительного правоведения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3. С. 5-25. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2020.016>, <https://elibrary.ru/vfwupi>
23. Галкин В.И. Соотношение частных и публичных интересов при осуществлении права собственности на недвижимое имущество: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 31 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010946728?page=1&rotate=0&theme=white>

References

1. Trofimov V.V. (2017). Interests in law: the social and interactive nature and role in the formation of legal matter. In: Nemytina M.V. (executive ed.). *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Interesy v prave. Zhidkovskie chteniya»* [Proceedings of All-Russian Scientific Conference "Interests in Law. Zhidkov's Readings"]. Moscow, Peoples Friendship University of Russia Publ., pp. 82-98. <https://elibrary.ru/yrjluy>

2. Filippova S.Yu. (2013). *Instrumental'nyi podkhod v nauke chastnogo prava* [Instrumental Approach in the Science of Private Law]. Moscow, Statut Publ., 350 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006581799>
3. Mal'tsev G.V. (1965). Sootnoshenie sub'ektivnykh prav, obyazannostei i interesov sovetskikh grazhdan [Correlation of subjective rights, duties, and interests of soviet citizens]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], Moscow, Nauka Publ., no. 10, pp. 19-26.
4. Musaev N.M. (2000). Ponyatie interesa, ego vidy i sootnoshenie publichnogo i chastnogo interesa [The concept of interest, its types and the ratio of public and private interest]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Law*, no. 1, pp. 137-142. <https://elibrary.ru/hrnpwz>
5. Kurbatov A.Ya., Podmarkova A.S. (2009). Nedopustimost' zloupotrebleniya pravom kak obshche-pravovoi printsip realizatsii prav [Inadmissibility of abuse of the right as a general legal principle of the realization of rights]. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*, no. 2, pp. 104-115. <https://elibrary.ru/ukiood>
6. Kravchenko O.Yu. (2004). *Publichnye i chasnye interesy v prave: politiko-pravovoe issledovanie: avtoref. ... kand. yurid. nauk* [Public and Private Interests in Law: Political and Legal Research. PhD (Law) diss. abstr.]. Kazan, 32 p. Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002849568?page=1&rotate=0&theme=white>
7. Zav'yalov Yu.S. (1968). *Problema interesa v marksistskoi teorii sotsialisticheskogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk* [The Problem of Interest in the Marxist Theory of Socialist Law. PhD (Law) diss.]. Moscow, 298 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010346541>
8. Plokhova V.I. (2001). O tselesoobraznosti rassmotreniya interesa, blaga (pravovogo blaga), sub'ektivnogo prava v kachestve ob'ekta prestuplenii [On the expediency of considering interest, benefit (legal benefit), subjective right as an object of crimes]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Law*, no. 2, pp. 212-216. <https://elibrary.ru/hrowdb>
9. Malinova A.G. (2020). Interest and need: critical look at their identification in Russian law. *Lex Russica*, vol. 73, no. 10 (167), pp. 91-105. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.167.10.091-105>, <https://elibrary.ru/szmbao>
10. Ekimov A.I. (1984). *Interesy i pravo v sotsialisticheskoy obshchestve* [Interests and Law in a Socialist Society]. Leningrad, Leningrad State University, named after A.A. Zhdanov Publ., 134 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008003017>
11. Subochev V.V. (2008). *Zakonnye interesy* [Legitimate Interests]. Moscow, Norma Publ., 495 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003329341>
12. Griбанov V.P. (2000). *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Exercise and Protection of Civil Rights]. Moscow, Statut Publ., 411 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000699102?ysclid=llt4xpxf3t323440215>
13. Zdravomyslov A.G. (1964). *Problema interesa v sotsiologicheskoy teorii* [The Problem of Interest in Sociological Theory]. Leningrad, Leningrad State University, named after A.A. Zhdanov Publ., 74 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006194381>
14. Kuz'mina A.V. (2011). Of typology of legal interests. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 3, pp. 49-56. <https://elibrary.ru/ndoqfx>
15. Glezerman G.E. (1966). Interes kak sotsiologicheskaya kategoriya [On the typology of legal interests]. *Voprosy filosofii = Philosophy Issues*, no. 10, pp. 15-26.
16. Mikhailov S.V. (2002). *Kategoriya interesa v rossiiskom grazhdanskom prave* [Category of Interest in Russian Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 205 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009831554>
17. Mal'ko A.V., Subochev V.V. (2004). *Zakonnye interesy kak pravovaya kategoriya* [Legitimate Interests as a Legal Category]. St. Petersburg, Legal Center-Press Publ., 359 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002474970>
18. Plekhanov G.V. (1956). *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 5 t. T. 2* [Selected Philosophical Works: in 5 vols. Vol. 2]. Moscow, 824 p. Available at: https://archive.org/details/k-n_nm_1956/page/n11/mode/2up
19. Malinova A.G. (2013). Problemy yuridicheskoy klassifikatsii interesov [Problems of legal classification of interests] In: Kuznetsova O.A. (executive ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoy konferentsii «Chetvertiy permskii mezhdunarodnyi kongress uchennykh-yuristov»* [Proceedings of the International Scientific and Practice Conference "Fourth Perm International Congress of Lawyers"]. Perm, pp. 134-135. <https://elibrary.ru/sxarwj>
20. Ryzhik A.V. (2022). *Teoriya interesa sobstvennika v rossiiskom grazhdanskom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk* [The Theory of the Owner's Interest in Russian Civil Law. PhD (Law) diss.]. Moscow, 485 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01011141709>

21. Devitskii E.I. (2020). Public and private interest in law-making: criteria of differentiation. *Prolog: zhurnal o prave* = *Prologue: Law Journal*, no. 1 (25), pp. 2-16. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2020.1.1>, <https://elibrary.ru/xxhvfp>
22. Chernogor N.N., Emel'yanov A.S. (2020). Law and order and interest in the context of comparative law development. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, no. 3, pp. 5-25. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2020.016>, <https://elibrary.ru/vfwupi>
23. Galkin V.I. (2021). *Sootnoshenie chastnykh i publichnykh interesov pri osushchestvlenii prava sobstvennosti na nedvizhimoe imushchestvo: avtoref. ... kand. yurid. nauk* [The Ratio of Private and Public Interests in the Exercise of Ownership of Real Estate. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, 31 p. Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010946728?page=1&rotate=0&theme=white>

Поступила в редакцию / Received 12.03.2023

Поступила после рецензирования / Revised 11.05.2023

Принята к публикации / Accepted 19.05.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-182-189>

Шифр научной специальности 5.1.1

Организационно-правовые основы функционирования Корпуса жандармов России в XIX – начале XX века

© ЗАРУБИНА Кристина Александровна,

преподаватель кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305003, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94,
<https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>, kris1996z@mail.ru

© КОЛОТКОВ Михаил Борисович,

доктор юридических наук, главный научный сотрудник Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29,
<https://orcid.org/0000-0002-0349-9789>, mkolotkov@yandex.ru

Аннотация

Необходимым условием обеспечения стабильного внутреннеполитического развития страны является наличие в аппарате государства действенных механизмов борьбы с факторами, порождающими социальную напряженность в обществе. С этой целью постоянно ведется поиск новых способов и методов предупреждения политической преступности, представляющей наибольшую опасность для действующего в тот или иной исторический период режима правления. Это обуславливает необходимость исследования исторического опыта правовой регламентации деятельности специализированных органов государственной власти, занимающихся борьбой с различными формами противостояния власти политических групп и отдельных лиц. Особую актуальность имеет анализ организационно-правового механизма функционирования политической полиции России в XIX – начале XX века (период активизации оппозиционно настроенных общественно-политических движений). Целью настоящего исследования является анализ организационно-правовых основ функционирования Корпуса жандармов России как высшего органа политической полиции в стране в XIX – начале XX века. В процессе исследования использовались исторический, хронологический, логический методы, а также метод синтеза и анализа, систематизации и обобщения. Рассмотрены основные нормативные правовые акты, обеспечивающие порядок функционирования системы жандармских учреждений страны (например, Положение о Корпусе жандармов от 28 апреля 1827 г., Положение о Корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г., Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений от 19 мая 1871 г. и некоторые другие). Сделан вывод об эффективности работы жандармских учреждений в России в исследуемый период.

Ключевые слова

жандармы, жандармское управление, политическая полиция, политическое дознание, политическое преступление, охранное отделение

Благодарности

НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Для цитирования

Зарубина К.А., Колотков М.Б. Организационно-правовые основы функционирования Корпуса жандармов России в XIX – начале XX века // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 182-189. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-182-189>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-182-189>

Organizational and legal foundations for the functioning of the Russian Gendarme Corps in the 19th – early 20th centuries

© **Kristina A. ZARUBINA,**

Lecturer of Theory and History of State and Law Department, The Southwest State University, 94 50 Let Oktyabrya St., Kursk, 305003, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>, kris1996z@mail.ru

© **Mikhail B. KOLOTKOV,**

Dr. habil. (Law), Chief Research Scholar of Higher School of Law and Forensic Technical Expertise, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnicheskaya St., St. Petersburg, 305003, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0349-9789>, mkolotkov@yandex.ru

Abstract

A necessary condition for ensuring stable internal political development of the country is the presence in the state apparatus of effective mechanisms to combat the factors that generate social tension in society. To this end, a constant search is being made for new ways and methods of preventing political crime, which poses the greatest danger to the regime of government operating in one or another historical period. This makes it necessary to study the historical experience of legal regulation of the activities of specialized public authorities engaged in combating various forms of opposition to the current government of political groups and individuals. Particular relevance is the analysis of the organizational and legal mechanism of the functioning of the political police of Russia in the 19th – early 20th centuries (the period of activation of oppositional socio-political movements). The purpose of this study is to analyze the organizational and legal foundations of the functioning of the Russian Gendarme Corps as the highest body of political police in the country in the 19th – early 20th centuries. In the course of work, historical, chronological, logical methods are used, as well as the method of synthesis and analysis, systematization and generalization. We consider the main normative legal acts ensuring the functioning of the system of gendarmerie institutions of the country (for example, the Regulations on the Gendarmes Corps of April 28, 1827, the Regulations on the Gendarmes Corps of September 9, 1867, the Rules on the Procedure for the ranks of the Gendarmes Corps to investigate crimes of May 19, 1871, and some others). The conclusion is made about the effectiveness of work of gendarmerie institutions in Russia during the study period.

Keywords

gendarmes, gendarmerie department, political police, political consciousness, political crime, security department

Acknowledgements

The research is prepared within the framework of the state task for 2023 “Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state” (number 0851-20200033).

For citation

Zarubina, K.A., & Kolotkov, M.B. (2023). Organizational and legal foundations for the functioning of the Russian Gendarme Corps in the 19th – early 20th centuries. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 182-189 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-182-189>

...До случая, когда я побывал
в Жандармском управлении,
я понятия не имел, что такое жандармы,
и, признаться, их синий мундир внушал мне,
как и многим другим,
даже некоторый страх...
Записки жандармского офицера.
Раздел 3. Мемуары.
Жандармы России [1, с. 482]

Введение

Необходимость исследования исторического опыта правовой регламентации деятельности специализированных органов государственной власти, занимающихся борьбой с различными формами противостояния политических групп и отдельных лиц действующей в тот или иной исторический период власти, обусловлена имеющимися проблемами в сфере нормативно-правового обеспечения функционирования современных механизмов борьбы с факторами, порождающими социальную напряженность в обществе. В настоящее время постоянно ведется поиск новых способов и методов предупреждения политической преступности, представляющей открытую форму противостояния верховной власти, наибольшую опасность для стабильного развития общества и государства. Особую актуальность имеет анализ организационно-правового механизма функционирования высшей политической полиции России в XIX – начале XX века (период активизации оппозиционно настроенных общественно-политических движений).

Цель настоящего исследования – выявление и анализ организационно-правовых основ функционирования Корпуса жандармов России в XIX – начале XX века.

В процессе работы над исследованием использовались методы: исторический, хронологический, логический, а также метод синтеза и анализа, систематизации и обобщения.

Результаты исследования

Эпоха Николая I ознаменована не только значимыми государственными преобразованиями в экономической, социальной, культурной и политической сферах жизни общества, но и изменением структуры центрального государственного аппарата, ключевую роль в котором стала играть Собственная Его Императорского Величества Канцелярия (далее – СЕИВК), учрежденная для работы с делами, требовавшими личного участия императора. В царствование Николая I ее функции были существенно расширены. Она подразделялась на несколько самостоятельных отделений. Особо печальную известность в России имело III Отделение СЕИВК, осуществлявшее в рассматриваемый период сыск и следствие по политическим делам (Указ об учреждении III отделения СЕИВК от 3 июля 1826 г.). Также III Отделение СЕИВК боролось с сектантством и старообрядчеством, фальшивомонетничеством, занималось высылкой «подозрительных и вредных» людей, контролировало деятельность «мест заточения», въезд и выезд иностранцев, общественно-политическую ситуацию в стране¹. По сути, это был высший орган политической полиции, державший в страхе все население империи.

28 апреля 1827 г. было принято Положение о Корпусе жандармов (ранее была учреждена должность шефа жандармов, которую занял дворянин, военачальник, видный государственный деятель А.Х. Бенкендорф). В соответствии с данным правовым актом страна разделялась на жандармские округа. Чины жандармерии осуществляли надзорные функции, осведомляли монарха о беспорядках, происходивших в государстве, злоупотреблениях чиновников на службе, контролировали общественно-политические настроения.

В обязанности жандармов входило: приведение в исполнение законов и приговоров суда (в случае надобности); поимка беглых, воров, преследование разбойников и «разсеяние» законом запрещенных скопищ; усмирение «буйств» и восстановление нарушенного повиновения; преследование и поимка людей с запрещенными и тайно провозимыми товарами; препровождение «необыкновенных» арестантов и преступников; сохранение порядка на ярмарках, торжищах, церковных, народных гуляниях, праздниках,

¹ Указ об учреждении III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии от 3.07.1826. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3107/> (дата обращения: 25.11.2022)

иных публичных мероприятиях и др.² Как мы видим, осуществление функций политического сыска и следствия по делам политического характера еще не выделяется среди иных полномочий в качестве определяющей задачи деятельности данного ведомства. Хотя учреждение Корпуса жандармов (позднее переименованного в Отдельный Корпус жандармов) и было связано с политической активизацией народных масс, в первую очередь, просвещенного дворянства (яркий пример – восстание декабристов в 1825 г. на Сенатской площади).

После утверждения на престоле императора Александра II и проведения целого комплекса значимых либеральных преобразований в стране, в том числе отмены крепостного права в феврале 1861 г., вместе с освобождением в лице крестьянства большей части населения страны от крепостной зависимости высвободилась и «реакционная сила». 60–70-е гг. XIX века отмечены распространением народничества, открытых форм сопротивления власти. В фарватер политической борьбы были вовлечены не только дворяне, но и разночинцы, иные категории населения страны. Закономерным следствием стало ужесточение государственной политики в деле противодействия политической преступности. И, несомненно, наиболее действенным «инструментом» в организации сопротивления народным выступлениям стала жандармерия.

Важнейшим нормативным правовым документом, регламентирующим принципы организации «обновленной» жандармерии, стало Положение о Корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г. В соответствии с данным положением в стране были упразднены окружные управления жандармских округов, образованы губернские жандармские управления, прочие части. По справедливому замечанию отдельных исследователей, губернские жандармские управления стали «ключевым субъектом полицейской системы обеспечения внутренней безопасности в государстве» [2, с. 183]. В положении подчеркивалось, что жандармы несут наблюда-

тельные обязанности, содействуя полиции в восстановлении нарушенного порядка. Для контроля за политической обстановкой жандармы должны были регулярно объезжать вверенные им территории (пункт 32 Положения о Корпусе жандармов 1867 г.)³.

С развитием революционной ситуации и вовлечением в фарватер политической борьбы все новых и новых политических сил чины жандармерии приобретают нетипичные ей процессуальные функции. 19 мая 1871 г. Александром II утверждены специальные Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений. Этим нормативным правовым актом с целью предоставления судебной власти содействия жандармских чинов по обнаружению преступных деяний, установления порядка действий данных чинов при производстве дознаний о преступлениях государственных на основании Судебных Уставов 1864 г. предписывалось: всем чинам дополнительного штата губернских жандармских управлений, чинам уездных жандармских управлений сообщать местной полиции и местному прокурору о «всяком замеченном ими происшествии, заключающем в себе признаки преступления или проступка, подсудного общим судебным установлениям»; местным жандармам при необходимости производить меры, предупреждающие уничтожение следов преступления, уклонение подозреваемого от следствия; по поручению прокурора (в устной или письменной форме) чинам жандармерии надлежало производить дознание по политическим преступлениям (дознание необходимо было проводить офицерам Корпуса жандармов и лишь в чрезвычайных случаях – нижним чинам жандармерии). При производстве дознаний жандармам надлежало руководствоваться Судебными Уставами 1864 г.⁴ В свою очередь, полиция немедленно обязана была сообщать начальникам местных губернских жандармских управлений или их помощникам «о всех об-

² Высочайше утвержденное положение о Корпусе жандармов от 1.07.1836 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 11. Спб., 1837. С. 772-782. Ст. 9355.

³ Высочайше утвержденное Положение о Корпусе жандармов от 9.09.1867 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 42. Спб., 1871. С. 73-80. Ст. 44956.

⁴ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 25.11.2022)

наруженных в круге ее ведомства нарушений, заключающих в себе признаки государственного преступления», а в случае отсутствия чинов Корпуса жандармов предпринимать все необходимые меры по расследованию таких преступлений. Контроль за производством дознания осуществляли лица прокурорского⁵. Так, данный нормативный правовой акт вводил жандармерию в России в число участников уголовного процесса [3].

Однако принимаемые меры демонстрировали свою малую эффективность в борьбе с революционным движением. Один из ярких примеров – убийство в 1878 г. шефа Корпуса жандармов, начальника III Отделения СЕИВК Н.В. Мезенцева. Вследствие этого верховной властью был принят курс на усиление контроля за общественно-политической обстановкой в стране. Принято решение о создании особого органа власти – Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия. Эта комиссия должна была консолидировать в стране деятельность по борьбе с распространяющимся революционным движением. Данную комиссию возглавил М.Т. Лорис-Меликов [4]. В дополнение 14 августа 1881 г. принято Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (далее – Положение 1881 г.). Были усилены карательные функции Министерства внутренних дел, расширена сеть органов политической полиции, усовершенствованы ее формы и методы работы. В соответствии с пунктом 21 данного нормативного правового акта начальникам жандармских управлений и их помощникам, как и местным начальникам полиции, предоставлялось право делать распоряжения: о предварительном задержании на срок не более 2-х недель лиц, внушающих подозрение в совершении государственного преступления или в причастности к нему, принадлежности к запрещенным законом сообществам; о производстве в любое время обысков во всех заводах, фаб-

риках, помещениях и т. п.; о наложении на различного рода имущество, указывающее на преступность намерений или действий заподозренного лица, ареста вплоть до распоряжения начальства. В пункте 29 Положения 1881 г. также сообщалось о предоставлении начальникам жандармских управлений и их помощникам, а равно и местным начальникам полиции права подвергать предварительному аресту на срок не более 7 дней лиц, подозреваемых в прикосновенности к государственным преступлениям или совершении государственных преступлений, а равно в принадлежности к сообществам, запрещенным законом. Также у данных лиц разрешалось производить обыски и выемки. О случаях «заарестования и освобождения от оногo» жандармам, чинам полиции необходимо было немедленно составлять постановление по надлежащей форме, копию которого предоставлять лицам прокурорского надзора. Донос о «за арестовании или освобождении» того или иного лица также нужно было адресовать местному градоначальнику или губернатору, с письменного распоряжения которых возможно было продление срока предварительного ареста до 1 месяца со дня задержания⁶. Так, наряду с расширением полномочий генерал-губернаторов, губернаторов, градоначальников, полиции, важнейшими надзорными функциями были наделены жандармы.

С целью укрепления аппарата политической полиции империи активную роль в предотвращении развития революционной ситуации во второй половине XIX – начале XX века в России начинают играть жандармские полицейские управления железных дорог, поскольку именно железнодорожные пути сообщения обеспечивали высокую «скорость» распространения по территории государства политически опасной литературы, выполнявшей роль инструмента воздействия на общественное сознание, а забастовки на железнодорожном транспорте могли парализовать движение, деятельность многих промышленных объектов.

⁵ Высочайше утвержденные Правила о порядке действий чинов Корпуса Жандармов по исследованию преступлений от 19.05.1871 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 46. СПб., 1874. С. 591-594. Ст. 49615.

⁶ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г. URL: <http://xn--elaaejmenocxq.xn--plai/node/13672> (дата обращения: 20.11.2022).

Одним из первых нормативных правовых актов, регулировавших деятельность жандармских управлений на железных дорогах, становится Положение о полицейских управлениях на Санкт-Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорогах 1861 г. Данным положением на жандармско-полицейские управления железных дорог возлагались функции надзора и обеспечения безопасности на транспорте. Позднее все полицейские управления, существующие на железных дорогах империи, были изъяты из ведения Министерства путей сообщения и подчинены жандармерии. На жандармские полицейские управления железных дорог, «независимо от обязанностей наружной полиции», возлагались наблюдательные полномочия. Данные функции чины жандармерии осуществляли на всей территории подведомственного участка⁷. В соответствии с Правилами о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений от 19 мая 1871 г. чинам Жандармских Полицейских Управлений железных дорог предписывалось в районе их действия в отношении совершаемых на данной территории преступлений и проступков «вполне заменять общую полицию». Надзор за осуществлением данных полномочий производили лица прокурорского надзора⁸.

Однако в полном объеме функции политической полиции с возможностью осуществления производства дознаний по делам политического характера (государственным преступлениям) чины жандармских полицейских управлений железных дорог начинают выполнять с 1906 г. (после принятия Приказа по Отдельному Корпусу жандармов № 145 от 1906 г.). Им предоставляется право осуществлять следственные мероприятия при расследовании всех преступных действий, совершенных на железной дороге. Чи-

новники данного ведомства, в свою очередь, непосредственно подчинялись губернским жандармским управлениям. В том же 1906 г. на железных дорогах был создан специальный агентурный аппарат, осуществляющий секретно-надзорные функции, в том числе в контрразведывательных целях [5; 6].

Начало XX века в России характеризовалось обострением социальных противоречий, в связи с этим происходит дальнейшее расширение сети жандармских учреждений, приоритетным направлением деятельности жандармов становится агентурная работа [7, с. 12]. В крупных российских городах создаются специальные розыскные пункты, увеличивается число охранных отделений жандармерии. В 1906 г. принимается Положение о районных охранных отделениях, в соответствии с которым в ряде округов учреждаются районные охранные отделения с предоставлением им права осуществлять на вверенных территориях агентурную работу, «освещать деятельность революционных обществ вверенной его надзору области» [8]. С целью усовершенствования методов и форм работы жандармерии разрабатываются специальные секретные инструкции, иные ведомственные документы, разъясняющие основные способы ведения наблюдения за политической ситуацией (например, инструкция Департамента полиции жандармским и розыскным учреждениям по организации и ведению наружного наблюдения и правила для филеров от 1914 г.) [9; 10].

Заключение

После того как Россию в феврале 1917 г. захлестнула волна революции, жандармские управления фактически перестали действовать. Они демонстрировали недостаточную неэффективность в борьбе с оппозиционными политическими движениями и со временем были ликвидированы. Хотя справедливости ради стоит отметить, что по мере усиления развития революционной ситуации в стране чинам жандармерии «по максимуму» передавали полномочия, совершенно не свойственные военно-полицейским органам управления: от наблюдательных функций с момента создания Корпуса жандармов до процессуальных обязанностей (после учреждения 19 мая 1871 г. Александром II специальных Правил о порядке действий чинов

⁷ Именной, объявленный в приказе Военного Министра «Об обязанностях и подчинении Жандармских Полицейских Управлений железных дорог» от 31.12.1867 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 41. СПб., 1868. С. 532. Ст. 44071.

⁸ Высочайше утвержденные Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений от 19.05.1871 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 46. СПб., 1874. С. 591-594. Ст. 49615.

Корпуса жандармов по исследованию преступлений). Аппарат жандармских управлений с течением времени также заметно расширяется. Порядок функционирования данной сети учреждений определяли такие нормативные правовые акты, как Положение о Корпусе жандармов от 28 апреля 1827 г., Судебные Уставы 1864 г., Положение о Корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г., Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений

от 19 мая 1871 г., Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. и некоторые другие.

Однако, как показала практика, остановить приближение революции жандармы так и не смогли, и императивные начала сдерживания развития революционной ситуации в отсутствие значимых, а главное, ощутимых для общества либеральных преобразований не привели к позитивным результатам.

Список источников

1. Жандармы России. Политический розыск в России XV–XX век / сост. В.С. Измозик. Санкт-Петербург: Нева; Москва: ОЛМА-Пресс, 2002. 640 с. URL: <http://booksshare.net/index.php?id1=4&category=history&author=izmokin-vs&book=2002>
2. Рыжова Ю.В. Элементы полицейской системы обеспечения внутренней безопасности в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 183-193. <https://elibrary.ru/sejyjdk>
3. Пащенко А.П. Губернское жандармское управление, как основа структуры Отдельного корпуса жандармов (на примере Самарского губернского жандармского управления) // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 2. С. 251-253. <https://elibrary.ru/koiaavl>
4. Рыжова Ю.В. К вопросу о правовых основах регулирования деятельности политической полиции по борьбе с революционным движением в России в конце XIX – начале XX в. // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 164-169. <https://elibrary.ru/ymidsh>
5. Никонов К.О. К вопросу о становлении Жандармских Полицейских Управлений железных дорог на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.) // Современная научная мысль. 2021. № 3. С. 26-32. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2021-3-26-32>, <https://elibrary.ru/arlfjl>
6. Чудакова М.С. Жандармско-полицейские управления железных дорог и их роль в борьбе с оппозицией в конце XIX – начале XX в. (на примере Ярославской губернии) // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. С. 39. <https://elibrary.ru/ofujyh>
7. Страхов Л.В. Воронежское губернское жандармское управление: организация и деятельность (1867–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. 24 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01006658398?page=1&rotate=0&theme=white>
8. Рыжова Ю.В. Правовые основы деятельности Отдельного корпуса жандармов по обеспечению внутренней безопасности во второй половине XIX – начале XX в. // Научные междисциплинарные исследования: 5 Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.В. Емельянов. Саратов, 2020. С. 190-205. <https://elibrary.ru/atbocp>
9. Зарубина К.А. Курское губернское жандармское управление в XIX – начале XX в. // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4 (50). С. 52-59. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-52-58>, <https://elibrary.ru/eooxjm>
10. Чудакова М.С. Секретная агентура Департамента полиции (1907–1917 гг.) // Новый исторический вестник. 2010. № 23. С. 23. <https://elibrary.ru/mlzxsp>

References

1. Izmozik V.S. (compiler). (2002). *Zhandarmy Rossii. Politicheskii rozysk v Rossii XV–XX vek* [Gendarmes of Russia. Political Search in Russia 15th–20th Century]. St. Petersburg, Neva Publ., Moscow, OLMA-Press Publ., 640 p. (In Russ.) Available at: <http://booksshare.net/index.php?id1=4&category=history&author=izmokin-vs&book=2002>
2. Ryzhova Yu.V. (2021). Elements of the police system of internal security in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*, no. 2 (58), pp. 183-193. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sejyjdk>

3. Pashchenko A.P. (2009). The Principal Gendarme Department as the basis of the special gendarme corps structure (the Samara Principal Gendarme Department as example). *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* = *Gaps in Russian Legislation*, no. 2, pp. 251-253. (In Russ.) <https://elibrary.ru/koiavl>
4. Ryzhova Yu.V. (2017). To the question about activity regulation basics of the political police for a struggle with the revolutionary movement in Russia at the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* = *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*, no. 4 (44), pp. 164-169. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ymidsh>
5. Nikonov K.O. (2021). To the question of the formation of Zhandarmsky Police Departments of railways in the far east of Russia (late 19th – beginning 20th century). *Sovremennaya nauchnaya mysl'* = *Modern Scientific Thought*, no. 3, pp. 26-32. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2021-3-26-32>, <https://elibrary.ru/arlfjl>
6. Chudakova M.S. (2011). Gendarme-police administrations of railways and their role in struggle against opposition in the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries (the example of the Yaroslavl province). *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* = *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 1, p. 39. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ofujyh>
7. Strakhov L.V. (2017). *Voronezhskoe gubernskoe zhandarmское управление: organizatsiya i deyatel'nost' (1867–1917 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Voronezh Provincial Gendarmerie Administration: Organization and Activities (1867–1917). PhD (Hist.) diss. abstr.]. Voronezh, 24 p. (In Russ.) Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01006658398?page=1&rotate=0&theme=white>
8. Ryzhova Yu.V. (2020). Pravovye osnovy deyatel'nosti Otdel'nogo korpusa zhandarmov po obespecheniyu vnutrennei bezopasnosti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Legal foundations for the activities of the Separate Corps of Gendarmes to ensure internal security in the second half of the 19th – early 20th centuries.]. In: Emel'yanov N.V. (executive ed.). *5 Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Nauchnye mezhdistsiplinarnye issledovaniya»* [The 5th International Scientific and Practical Conference “Scientific Interdisciplinary Research”], pp. 190-205. (In Russ.) <https://elibrary.ru/atbocp>
9. Zarubina K.A. (2021). Kursk provincial gendarmerie department in the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *The Bryansk State University Herald*, no. 4 (50), pp. 52-59. (In Russ.) <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-52-58>, <https://elibrary.ru/eooxjm>
10. Chudakova M.S. (2010). Sekret'naya agentura Departamenta politsii (1907–1917 gg.) [Secret agents of the Police Department (1907–1917)]. *Novyi istoricheskii vestnik* = *The New Historical Bulletin*, no. 23, p. 23. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mlzxsp>

Поступила в редакцию / Received 12.01.2023

Поступила после рецензирования / Revised 01.04.2023

Принята к публикации / Accepted 14.04.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.096

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-190-197>

Шифр научной специальности 5.1.1

Правовые основы цифровой экономики в Российской Федерации

© КУЗНЕЦОВ Александр Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет», Российская Федерация, 398055, г. Липецк, ул. Московская, 30, <https://orcid.org/0000-0002-4740-0277>, kuznetsovaa69@mail.ru

© КУЗНЕЦОВ Павел Александрович,

инженер факультета инфокоммуникационных технологий, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет ИТМО», Российская Федерация, 197101, г. Санкт-Петербург, Кроверкский пр., 49, лит. А, <https://orcid.org/0000-0002-3801-1317>, mickeloc@yandex.ru

© КУЗЬМЕНКО Элла Юрьевна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33; профессор кафедры гражданского права и процесс, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 106/5, <https://orcid.org/0000-0001-7886-7948>, ella.yurevna1010@mail.ru

Аннотация

Раскрыты актуальные вопросы, связанные с развитием цифрового общества и цифровизацией современной системы ведения финансово-хозяйственной деятельности, которые привели к необходимости формирования и реализации нормативно-правовых актов в области цифровой экономики. Цифровая экономика является важной составляющей четвертой промышленной революции. Цель исследования – рассмотреть цифровые технологии и новые цифровые возможности, которые стали появляться у хозяйствующих субъектов, органов государственной власти и управления, а также потребителей товаров, работ и услуг. Появляются новые бизнес-модели, формируются нематериальные активы, основанные на использовании технологии больших данных. В качестве основного источника формирования стоимости выступает высокоскоростная обработка огромных массивов данных. Все это требует определенного правового регулирования. В качестве методов исследования были использованы общенаучные и специально юридические методы. Основное внимание было уделено методу анализа. В исследовании установлено, что в основном вопросы правовой основы цифровой экономики направлены на урегулирование экономической безопасности цифровых платформ личности, бизнеса и государства в цифровой экономике. Они связаны с защитой личных данных, цифровой идентичностью, защитой электронной коммерции, онлайн-безопасностью, финансово-хозяйственной деятельностью и т. п. Конечно, не все вопросы цифровой экономики урегулированы нормами права, что является основой для формирования научно-практической основы для анализа и законодательной инициативы.

Ключевые слова

цифровизация, цифровая экономика, нормативно-правовые акты, законодательная инициатива, кодификация, правоотношения, бизнес-модели, хозяйствующие субъекты, нематериальные активы

Для цитирования

Кузнецов А.А., Кузнецов П.А., Кузьменко Э.Ю. Правовые основы цифровой экономики в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 190-197. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-190-197>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-190-197>

Legal basis of the digital economy in the Russian Federation

© Alexander A. KUZNETSOV,

PhD (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law and Process, Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398055, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4740-0277>, kuznetsovaa69@mail.ru

© Pavel A. KUZNETSOV,

Engineer of the Faculty of Infocommunication Technologies, ITMO University, 49 Kroverksky Ave., St. Petersburg, 197101, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-3801-1317>, mickeloc@yandex.ru

© Ella Y. KUZMENKO,

Dr. habil. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Tambov State Technical University, 106/5 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-7886-7948>, ella.yurevna1010@mail.ru

Abstract

Topical issues related to the development of a digital society and the digitalization of the modern system of financial and economic activities, which led to the need for the formation and implementation of regulatory legal acts in the field of the digital economy, are revealed. The digital economy is an important component of the fourth industrial revolution. The authors set themselves the goal of considering digital technologies and new digital opportunities that have begun to appear among business entities, public authorities and administrations, as well as consumers of goods, works and services. New business models are emerging, intangible assets are being formed based on the use of big data technology. The main source of cost formation is high-speed processing of huge data arrays. All this requires certain legal regulation. General scientific and special legal methods were used as research methods. The main attention was paid to the method of analysis. The study found that basically the issues of the legal basis of the digital economy are aimed at resolving the economic security of digital platforms of the individual, business and the state in the digital economy. They are related to the protection of personal data, digital identity, protection of e-commerce, online security, financial and economic activities, etc. Of course, not all issues of the digital economy are regulated by law, which is the basis for the formation of a scientific and practical basis for analysis and legislative initiatives.

Keywords

digitalization, digital economy, legal acts, legislative initiative, codification, legal relations, business models, business entities, intangible assets

For citation

Kuznetsov, A.A., Kuznetsov, P.A., & Kuzmenko, E.Y. (2023). Legal basis of the digital economy in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 190-197 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-190-197>

Введение. Постановка проблемы

Актуальность темы настоящей публикации связана с тем, что цифровые инновации развиваются очень быстро, цифровые технологии в экономике получили широкое приме-

нение, что требует определенной правовой основы.

В зарубежных странах имеется определенный положительный опыт формирования правовой основы цифровой экономики.

В США цифровая экономика является частью общей системы кибербезопасности. Это связано с тем, что основная цель федеральных ведомств в Америке – это обеспечение безопасности бизнеса. Цель создания такого конгломерата – обеспечить продвижение американских правовых и технологических стандартов по всему миру [1]. За 30 лет в США была создана и реализована сильная правовая база для цифровой экономики.

В Великобритании был принят так называемый «Билль о цифровой экономике», в котором определены основные направления ее развития, которые опять же связаны с кибербезопасностью. Следует обратить внимание, что 90 % компаний Соединенного Королевства не имеют четкой концепции в случае киберугроз.

Этот пример свидетельствует о том, что не все вопросы цифровой экономики в США и Великобритании урегулированы должным образом. Многие происходящие бизнес-процессы до сих пор не имеют четкой правовой основы.

Анализируя вопросы правовой основы цифровой экономики ряда зарубежных стран, определенный интерес представляет Китай, который является бесспорным лидером в этой области. 50 китайских предприятий занимают лидирующие положения по уровню капитализации среди мировых технологических компаний. Такое положение на мировом рынке достигнуто благодаря именно четкой правовой регламентации отношений не только между хозяйствующими субъектами, но и между государством и бизнесом.

Вопрос правовых основ цифровой экономики был предметом исследования в работах таких ученых, как И.Л. Бачило, А.Ю. Быков, Н.В. Василенко, Д.В. Грибанова, Е.В. Елютина, А.С. Киселев, Н.Н. Лебедева, М.И. Столбова, Н.Н. Разумович, А.А. Тадеева, С.М. Шахрай.

Вместе с тем в российской правовой науке отсутствуют научные изыскания, позволяющие провести комплексный анализ состояния и перспектив информационно-правового регулирования правовых основ цифровой экономики.

Цель настоящего исследования – определить пути формирования правовых основ

цифровой экономики в современных реалиях правового и экономического развития Российской Федерации.

Используемые методы исследования – общенаучные и специально юридические методы, метод анализа.

Результаты исследования

Как известно, экономика представляет собой определенную совокупность общественных отношений и социальных практик, которые происходят в системе хозяйственной деятельности человека, производства, распределения, обмена, потребления и накопления материальных благ, а также управления этими процессами.

Впервые понятие «цифровая экономика» было введено специалистом в области информатики американцем Николасом Негропonte. Он определил ее как экономическую деятельность посредством цифровых технологий [1]. Такое простое определение не раскрывает всей сущности и всех особенностей цифровой экономики, включая ее правовую основу.

Отечественные ученые предложили свою трактовку понятия «цифровая экономика». Оно определено как новые методы получения, обработки, хранения и последующей передачи данных в цифровой форме в сфере экономической деятельности [2; 3].

Представляет интерес еще одно определение цифровой экономики. Она определяется как определенная цифровая модель развития информационных и коммуникационных технологий в национальной экономике. Цифровые технологии являются основой для стабильного экономического развития страны, которое невозможно представить без правового базиса [4–14].

В научно-практической литературе можно встретить мнение о том, что цифровизация формирует новые возможности для хозяйствующих субъектов, но не является бесспорной основой для развития цифровой экономики¹. Как справедливо указали Л.П. Гончаренко и С.А. Сыбачин, субъекты хозяйствования обязаны внедрять современные цифровые технологии» в условиях, ко-

¹ Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 01.12.2022).

гда «практически стерты границы рынков» [4, с. 32].

Цифровизация тесно связана с инновациями и инновационными технологиями, которые определены как инновационная деятельность. Это бесспорная аксиома, которая основана на том, что эта деятельность состоит из достижений цифровизации и направлена на развитие цифровой экономики. Ведь инновация является одним из видов экономической деятельности.

Таким образом, из анализа представленных определений цифровой экономики можно сделать вывод, что «основной ресурс повышения эффективности различных видов экономической деятельности связан с цифровой формой представления данных хозяйствующими субъектами» [5, с. 71].

Основная цель формирования и реализации правовых основ цифровой экономики в Российской Федерации – сделать ее наиболее надежной для ведения бизнеса и бизнес-процессов. Из этой цели формируется концепция, которая определяет, что экономическая система Российской Федерации изыскивает наиболее действенные варианты правовых основ использования цифровизации для экономического развития.

Важность цифровой экономики как для бизнеса, так и для государства определена в Посланиях Президента Федеральному Собранию Российской Федерации².

Основной помехой для развития цифровой экономики в нашей стране является своеобразная невосприимчивость российской экономики к инновациям и научно-технологическому развитию.

Во всей системе формирования и реализации цифровой экономики важное место занимает ее правовая основа. Она включает в себя две важные составляющие – это невмешательство и жесткое юридическое вмешательство в определенную сферу обще-

ственных отношений, в данном случае экономик.

Анализируя концептуальную основу правоотношений в области информационных технологий, права и экономики, следует определить основные направления формирования правовых основ цифровой экономики, которые представляют особую актуальность в современных условиях.

1) Цифровая экономика тесно связана с имущественными отношениями, которые имеют в своей основе экономическое содержание. В этой связи следует отдельно закрепить правовое регулирование имущественных отношений в цифровой экономике. Они приобретают особую форму, меняются их сущность, появляются новые их виды. Определенным лицам принадлежит право собственности на инновационные технологии, которые используются в бизнес-процессах. Особое место занимает вопрос управления имуществом субъектов бизнеса, используемого в условиях цифровизации, а также переход права собственности.

2) Формат цифровой экономики предусматривает использование цифровых денег, поэтому денежная составляющая является также предметом правового регулирования. Появление криптовалюты требует законодательного регулирования, поскольку она используется как система расчетов между хозяйствующими субъектами. Цифровые деньги приобретают статус самостоятельной экономической категории. При замене полноценных денежных знаков электронными средствами платежа лишаются вещественного носителя всеобщего эквивалента, формируется их новая родовая природа. Цифровые или электронные деньги представляют собой отражение на электронном носителе информации о всеобщем эквиваленте. Формирование правовой основы электронных денег в условиях цифровой экономики позволит измерять объемы функционирования денежных средств и регулировать их оборот.

3) Цифровая экономика оказывает влияние на бюджетные правоотношения. Бюджетные правоотношения выступают в качестве площадки, благодаря которой разрабатываются и апробируются новые цифровые технологии. В бюджетной сфере цифровизация экономики рассматривается с

² Послание Президента Федеральному Собранию – 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 01.11.2022); Послание Президента Федеральному Собранию – 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 01.12.2022); Послание Президента Федеральному Собранию – 2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 01.12.2022).

двух позиций: во-первых, это один из способов управления денежными средствами бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, во-вторых, все данные о бюджетах бюджетной системы страны преобразуются в электронно-цифровую форму и это считается особым способом отражения действительности. «Бюджетная сфера представляется самым удачным началом для реализации следующего этапа информатизации государственного управления. С правовой точки зрения бюджет представляет собой правовой акт (документ), главной особенностью которого является его содержание, состоящее из нормы-расчетов, включающих цифровые показатели доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов. Это возникло и сохранилось с момента появления бюджетных правоотношений в России. Следует оценить роль и значение права в процессе цифровизации бюджетных правоотношений. На современном этапе ее уже нельзя рассматривать исключительно как техническую, состоящую в описании регламентов работы с автоматизированными системами, поскольку существует вероятность того, что цифровизация процессов управления публичных финансов повлияет на сущность бюджетных правоотношений, изменив их структурные элементы и внутренние связи между ними посредством внедрения цифровых технологий» [6, с. 41].

4) Формирование нормативно-правовой основы в области информации, информационных технологий и защиты информации. Информация является важной составляющей цифровой экономики. Имеет место постулат о том, что кто владеет информацией, тот владеет миром. Информация превратилась в своеобразный товар, который участвует в деловом обороте. Развитие современного общества, общественных отношений невозможно представить себе без информационной поддержки, тем более формирование цифровой экономики. В основу следует заложить следующие конституционные начала:

– обеспечение неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, тайны телефонных переговоров, переписки, включая электронные письма, телефонных и

иных сообщений, что определено статьей 23 Конституции РФ;

– без согласия лица не допускается сбор, поиск, получение, передача информации о его частной жизни, статья 24 Конституции РФ;

– каждый наделен правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом, что определено в статье 29 Конституции РФ;

– всеобщее право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (статья 42 Конституции РФ)³.

5) Правовые основы обеспечения и защиты прав личности, общества и государства в условиях цифровой экономики. Развитие цифровой экономики непосредственно затрагивает права и законные интересы личности, общества и государства, например, обработка персональных данных при производстве платежей или получении социальных выплат. Экономика трансформировалась в цифровое пространство, используются инновационные технологии и новые средства коммуникации. Киберпространство стало полем противозаконной деятельности отдельных криминальных структур с целью совершения противоправных действий. Цифровая экономика действует в рамках информационного общества, в основу развития которого положена особая субстанция, условно именуемая «информацией», обладающая свойством взаимодействия как с духовным, так и с материальным миром человека. Последнее свойство особенно важно для понимания сущности цифровой экономики. С одной стороны, информация формирует материальную среду жизни человека, выступая в роли инновационных технологий, компьютерных программ, платформенных решений для улучшения качества жизни и т. п. С другой стороны, она выступает основным средством межличностных взаимоотношений, постоянно возникая, видоизме-

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 8.12.2020): [принят Государственной Думой 21.10.1994]. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

няясь и трансформируясь в процессе перехода от одного человека к другому [7, с. 182].

6) Уголовно-правовая охрана правоотношений в сфере цифровой экономики. Цифровую экономику невозможно представить без надлежащей охраны общественных отношений и недопущения определенного противоправного поведения. «Основная задача уголовно-правовой охраны общественных отношений в цифровой экономике – недопущение использования цифровых технологий в противоправных целях и защита добросовестных участников возникающих отношений. Цифровизация общественных отношений привела к появлению цифровой преступности, которая является новой формой противоправного деяния, связанная с использованием компьютерных технологий. Сегодня необходимо обратить внимание на новые «цифровые» посягательства, которые с точки зрения закона преступлениями не являются ввиду отсутствия регулирования. И вот тут возникает настоящая проблема, которую уголовное право решить пока не в состоянии» [8, с. 14]. Появление «виртуальных активов» вызвало необходимость противодействия системе легализации доходов, нажитых преступным путем и используемых для финансирования преступных сообществ и террористической деятельности. Важным моментом будет формирование и реализация эффективного механизма защиты интересов всех участников отношений в цифровой экономике, этого возможно добиться только с помощью комплексного подхода и обеспечения баланса между различными отраслями права.

Таким образом, представленные основные направления формирования правовых основ цифровой экономики позволят устранить существующие правовые пробелы.

Еще один важный момент, который следует учитывать при реализации концепции цифровой экономики, – это обеспечение интересов работников в трудовых отношениях. Ведь труд является своеобразным двигателем экономического благополучия страны и основой общественного прогресса.

Существуют определенные квалифицированные требования к различным категориям работников. При этом отсутствует упоминание об использовании искусствен-

ного интеллекта. Все компании пытаются отобрать кандидатов на работу по ряду критериев. Очевидно, что сегодня роботы выполняют свою работу намного лучше людей по ряду специальностей. Робототехника несет в себе меньше затрат по сравнению с обучением и управлением деятельностью людей. На наш взгляд, необходимы отдельные законодательные гарантии трудоустройства человека, что подразумевает вмешательство государства в сферу частных интересов бизнеса. Отдельным и довольно сложным вопросом является этический аспект поведения начальника или руководителя, которым выступает искусственный интеллект [9, с. 20].

Формирование законодательной инициативы, касающейся трудовых отношений в условиях цифровой экономики, следует решать следующим образом:

- более последовательная унификация правовых категорий;
- на законодательном уровне определить список профессий, где допускается замена труда человека на труд роботов с искусственным интеллектом;
- сформировать систему правовых норм, регламентирующую совместную трудовую деятельность роботов и человека на одном рабочем месте;
- установить соотношение количества рабочих мест для робота и человека.

Заключение

Подводя итог, можно определить, что для развития цифровой экономики необходимо создание грамотного и четкого понятийного аппарата, включая более четкое правовое определение самого понятия «цифровая экономика». Также необходимо принятие единого кодифицированного нормативно-правового акта, в котором будут конкретно определены принципы, цели, задачи и основные направления реализации правового обеспечения цифровой экономики.

Законодательно закрепить следующее определение «цифровая экономика» – это новый формат общественных отношений в области экономики, связанный с использованием цифровых технологий и формирующий новые цифровые умения, навыки, ком-

петенции и возможности у личности, общества, государства. Цифровая экономика является своеобразной формой экономической активности, которая формируется с помощью инновационных технологий и их использования в бизнес-процессах.

Также следует отметить, что низкий уровень инновационной активности тормозит развитие цифровой экономики в связи с тем, что использование информационных технологий, так же как и их наличие, не

приводит к созданию эффективных экономических процессов в обществе. Для этого необходимо четкое правовое определение и правовое регулирование инноваций как одного из видов экономической деятельности.

Таким образом, формирование и реализация нормативно-правового обеспечения в области цифровизации и использования информационных технологий является важным моментом для развития цифровой экономики в Российской Федерации.

Список источников

1. *Negroponte N.* Being Digital. N. Y.: Knopf, 1995. 256 p. URL: <https://archive.org/details/beingdigital1995negr/page/n9/mode/2up>
2. *Василенко Н.В.* Цифровая экономика: концепции и реальность // Информационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика: труды науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 147-151. <https://doi.org/10.18720/IEP/2017.3/20>, <https://elibrary.ru/zfcrzz>
3. *Урманцева А.* Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин // Интернет-портал: РИА. URL: <https://ria.ru/20170616/1496663946.html> (дата обращения: 01.12.2022)
4. *Гончаренко Л.П., Сыбачин С.А.* Цифровизация национальной экономики // Вестник университета. 2019. № 8. С. 32-38. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-8-32-38>, <https://elibrary.ru/uzmedg>
5. *Жаркова Е.А.* Цифровая экономика России в контексте развития глобальной цифровой экономики // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2022. № 4 (15). С. 69-79. https://doi.org/10.52170/2618-7949_2022_15_69, <https://elibrary.ru/finlmj>
6. *Номерова М.А.* Цифровая экономика. Факторы развития цифровой экономики // Интернаука. 2022. № 46-1 (269). С. 40-42. <https://elibrary.ru/rksmlu>
7. *Жаворонкова И.О.* Возрастание роли цифрового права в экономике: тенденции правового регулирования цифровой экономики // Инновационная парадигма экономических механизмов хозяйствования: сб. науч. трудов 7 Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Симферополь, 2022. С. 181-183. <https://elibrary.ru/zkftqr>
8. *Кокурхаева Р.М.Б., Газдиева Е.Х.* Цифровая экономика – экономика будущего // Журнал прикладных исследований. 2022. № 4-1. С. 12-15. https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_4_1_12, <https://elibrary.ru/exiwfy>
9. *Шагульев Ш.А.* Цифровые технологии в современной экономике // Вестник науки. 2022. Т. 2. № 10. С. 19-21. URL: <https://www.вестник-науки.рф/archiv/journal-10-55-2.pdf>
10. *Быков А.Ю.* Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. М.: Проспект, 2021. 24 с. URL: <https://bykov.law/wp-content/uploads/2022/06/pravo-cifrovoy-economiki.pdf>
11. *Киселев А.С.* Формирование идеи электронного государства и особенности ее реализации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2019. 22 с. <https://elibrary.ru/jopejr>
12. *Корнев А.В.* Дигитализация права: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 11-18. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.011-018>, <https://elibrary.ru/twki fh>
13. *Русскевич Е.А.* Об уголовно-правовой политике в условиях построения цифровой экономики Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 163-168. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10034>, <https://elibrary.ru/mfkgum>
14. *Столбова М.И., Бренделева Е.А.* Основы цифровой экономики. М.: Изд. дом «Научная библиотека», 2018. 237 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009609824>

References

1. *Negroponte N.* (1995). *Being Digital*. New York, Knopf Publ., 256 p. Available at: <https://archive.org/details/beingdigital1995negr/page/n9/mode/2up>

2. Vasilenko N.V. (2017). Digital economy: concepts and reality. *Trudy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Informatsionnye klasteri v tsifrovoi ehkonomie: teoriya i praktika»* [Proceedings of the Scientific and Practical Conference with International Participation "Information Clusters in the Digital Economy"]. St. Petersburg, Politechnical University Publ., pp. 147-151. (In Russ.) <https://doi.org/10.18720/IEP/2017.3/20>, <https://elibrary.ru/zfcrzz>
3. Urmantseva A. Tsifrovaya ehkonomika: kak spetsialisty ponimayut ehtot termin [Digital Economy: How Experts Understand this Term]. *Internet portal: RIA*. (In Russ.) Available at: <https://ria.ru/20170616/1496663946.html> (accessed 01.12.2022)
4. Goncharenko L.P., Sybachin S.A. (2019). Digitalization of national economy. *Vestnik universiteta = University Bulletin*, no. 8, pp. 32-38. (In Russ.) <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-8-32-38>, <https://elibrary.ru/uzmedg>
5. Zharkova E.A. (2022). The digital economy of Russia in the context of the development of the global digital economy. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya: Gumanitarnye issledovaniya = The Siberian Transport University Bulletin: Humanitarian Research*, no. 4 (15), pp. 69-79. (In Russ.) https://doi.org/10.52170/2618-7949_2022_15_69, <https://elibrary.ru/finlmj>
6. Nomerova M.A. (2022). Digital economy. The factors in the development of the digital economy. *Internauka [Interscience]*, no. 46-1 (269), pp. 40-42. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rksmlu>
7. Zhavoronkova I.O. (2022). Vozrastanie roli tsifrovogo prava v ehkonomie: tendentsii pravogo regulirovaniya tsifrovoy ehkonomiki [The growing role of digital law in the economy: trends in the legal regulation of the digital economy]. *Sbornik nauchnykh trudov 7 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Innovatsionnaya paradigma ehkonomicheskikh mekhanizmov khozyaistvovaniya»* [Collection of Scientific Works of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Innovative Paradigm of Economic Mechanisms of Management"]. Simferopol, pp. 181-183. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zkftqr>
8. Kokurkhaeva R.M-B., Gazdieva E.Kh. (2022). Digital economy is the economy of the future. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*, no. 4-1, pp. 12-15. (In Russ.) https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_4_1_12, <https://elibrary.ru/exiwyf>
9. Shagulyev Sh.A. (2022). Tsifrovye tekhnologii v sovremennoi ehkonomie [Digital technologies in the modern economy]. *Vestnik nauki [Bulletin of Science]*, vol. 2, no. 10, pp. 19-21. (In Russ.) Available at: <https://www.вестник-науки.рф/archiv/journal-10-55-2.pdf>
10. Bykov A.Yu. (2021). *Pravo tsifrovoy ehkonomiki: nekotorye narodno-khozyaistvennye i politicheskie riski* [Digital Economy Law: Some Economic and Political Risks]. Moscow, Prospekt Publ., 24 p. (In Russ.) Available at: <https://bykov.law/wp-content/uploads/2022/06/pravo-tsifrovoy-ekonomiki.pdf>
11. Kiselev A.S. (2018). *Formirovanie idei ehlektronnogo gosudarstva i osobennosti ee realizatsii: teoretiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Formation of the Idea of an Electronic State and Features of its Implementation: Theoretical and Legal Research. PhD (Law) diss. abstr.]. Belgorod, 22 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jopejr>
12. Kornev A.V. (2019). Digitalization of law: challenges and prospects. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, no. 6 (103), pp. 11-18. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.011-018>, <https://elibrary.ru/twkifh>
13. Russkevich E.A. (2019). On the criminal law policy in the construction of the digital economy of the Russian Federation. *Vestnik ehkonomicheskoi bezopasnosti = Vestnik of Economic Security*, no. 1, pp. 163-168. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10034>, <https://elibrary.ru/mfkgum>
14. Stolbova M.I., Brendeleva E.A. (2018). *Osnovy tsifrovoy ehkonomiki* [Fundamentals of the Digital Economy]. Moscow, Publishing House "Nauchnaya biblioteka", 238 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009609824>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 12.01.2023

Поступила после рецензирования / Revised 02.03.2023

Принята к публикации / Accepted 14.04.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-198-204>

Шифр научной специальности 5.1.1

Аксиологический статус государственно-правовой доктрины русского консерватизма

© КУЗУБОВА Ангелина Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет», Российская Федерация, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86, <https://orcid.org/0000-0002-6903-1628>, angelinakuzubova@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены особенности аксиологического статуса государственно-правовой доктрины русского консерватизма, оказывающие воздействие на национальные алгоритмы ценностно-мотивированной организации правовой деятельности. Обосновано, что консервативная доктрина представляет собой взаимосвязь иррациональных правовых образов и рациональных идей, восходящих из религиозных установлений и государственно-правовых традиций общества, опирающихся на концепты приоритета этических начал над формально-юридическими основаниями. Доказано, что российское правовое мышление существенно отличается от западного, что наиболее полно воплощено в модусе отечественного консерватизма с присущей ему теомной этикой и метафизикой всеединства. На основе анализа отечественной правовой традиции сформулировано определение консервативных правовых ценностей как обусловленных культурно-цивилизационным своеобразием представлений о правовой реальности, выраженных в правовом сознании и правовой культуре, воспринимаемых в единстве с нравственными ценностями. Целью исследования является установление аксиологического статуса государственно-правовой доктрины русского консерватизма. Методологическая основа включает в себя использование специально юридических методов: исторического, формально-логического, сравнительного, в то же время историко-юридический характер работы обусловил необходимость привлечения теоретико-правовой интерпретации и оценки государственно-правовых идей, структурного и компаративного методов. Констатируется, что аксиологический потенциал государственно-правовой доктрины русского консерватизма заключается в сближении модусов морали и права, ориентации на обеспечение правопорядка при конгруэнтном взаимодействии правовых и нравственных регуляторов. Утверждается, что в рамках аксиологического подхода и в контексте учета правовой традиции России возможно как преодоление инертности современной теории права, так и повышение эффективности правового регулирования.

Ключевые слова

правовая аксиология, правовые ценности, русский консерватизм, государственно-правовая доктрина, правопонимание

Для цитирования

Кузубова А.Ю. Аксиологический статус государственно-правовой доктрины русского консерватизма // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 198-204. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-198-204>

The axiological status of the state-legal doctrine of Russian conservatism

© Angelina Yu. KUZUBOVA,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Philosophy, Economics and Social and Humanitarian Disciplines Department, Voronezh State Pedagogical University, 86 Lenin St., Voronezh, 394043, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6903-1628>, angelinakuzubova@mail.ru

Abstract

The features of the axiological status of the state-legal doctrine of Russian conservatism, which have an impact on national algorithms of value-motivated organization of legal activity, are considered. It is proved that the conservative doctrine represents the interrelation of irrational legal images and rational ideas originating from religious institutions and state-legal traditions of society, based on the concepts of the priority of ethical principles over formal legal grounds. It is proved that the Russian legal thinking differs significantly from the Western one, which is most fully embodied in the mode of domestic conservatism with its inherent theonomic ethics and metaphysics of unity. Based on the analysis of the domestic legal tradition, the definition of conservative legal values is formed as conditioned by the cultural and civilizational originality of ideas about legal reality, expressed in legal consciousness and legal culture, perceived in unity with moral values. The aim of the study is to establish the axiological status of the state-legal doctrine of Russian conservatism. The methodological basis includes the use of specially legal methods: historical, formal-logical, comparative, at the same time, the historical-legal nature of the work necessitated the involvement of theoretical-legal interpretation and evaluation of state-legal ideas, structural and comparative methods. It is stated that the axiological potential of the state-legal doctrine of Russian conservatism lies in the convergence of the modes of morality and law, orientation to law enforcement with congruent interaction of legal and moral regulators. It is argued that within the framework of the axiological approach and in the context of taking into account the legal tradition of Russia, it is possible both to overcome the inertia of the modern theory of law and to increase the effectiveness of legal regulation.

Keywords

legal axiology, legal values, Russian conservatism, state-legal doctrine, legal understanding

For citation

Kuzubova, A.Yu. (2023). The axiological status of the state-legal doctrine of Russian conservatism. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 198-204 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-198-204>

Введение. Постановка проблемы

Познание ценностной природы права является одним из наиболее важных направлений развития правоведения в силу того, что данный процесс открывает возможности проникновения в глубинные слои этого сложного социального феномена. Генезис, эволюция государственно-правовых доктрин, идеологий, учений постижимы через рассмотрение и оценку их оснований, предпосылок в национальной истории, духовной сфере. Без этого невозможны комплексные и подлинно научные подходы в теоретико-исторических правовых исследованиях.

Проблемное поле отечественной юридической науки, по нашему мнению, образует превалирование позитивистского (непо-

зитивистского) и естественно-правового (юснатуралистского) типов правопонимания. Если представители первой школы сводят юридическую картину мира к набору общих правил поведения и порожденному им принудительному порядку, не учитывающих многообразие правовых ситуаций, культурный, исторический и моральный контекст, то сторонники второго направления идеализируют вытекающие из природы, рационально обусловленные универсальные и всеобщие начала, во главе которых стоят свобода и права человека. Общим для этих типов правопонимания является отрицание духовно-нравственных оснований права. Преодоление ограниченности указанных течений позволяет рассматривать право через

ценности, цели и идеи участников правовых коммуникаций, выводя на первое место духовное содержание феномена, подразумевающее его сопоставление с абсолютными морально-нравственными константами, основанными на божественных заповедях. Следует согласиться с доводом о том, что «специализированных трудов по юридической аксиологии нет, фундаментальную философию ценностей применительно к государству и праву еще предстоит создать» [1, с. 303-304]. Только в рамках аксиологического подхода, позволяющего рассматривать право как систему правовых ценностей, возможно постижение сущности права.

Другим препятствием на пути развития отечественного права является отрыв фундаментального правоведения от правовой традиции России. К сожалению, богатейшее интеллектуальное наследие дореволюционного периода практически не востребовано в контексте осмысления феноменов права и государства. Напротив, господствуют созданные европейской либеральной мыслью юридические ценности, концепты и теории, а научные школы предпринимают шаги по инкорпорированию достижений западной цивилизации в российское правовое пространство. Преодоление депрессивных тенденций в современных теоретико-исторических правовых исследованиях возможно путем восстановления насильственно прерванных традиций отечественной правовой мысли. В основании права России должны лежать обладающие авторитетом, соответствующие канонам отечественной правовой культуры правовые ценности.

Кризисное состояние современного права актуализирует потребность в обновлении его теоретических и методологических основ. Односторонние подходы не способны отразить все многообразие такого сложного и многоаспектного явления, как право. Что подтверждает своевременность и значимость обращения к исследованию аксиологического статуса государственно-правовой доктрины русского консерватизма. Авторская гипотеза заключается в том, что актуализация аксиологической модальности государственно-правовой доктрины русского консерватизма позволит преодолеть инертность теории права, а также предложить пу-

ти повышения эффективности правового регулирования в контексте конгруэнтного, комплементарного действия правовых и нравственных ценностей.

Методы

Исследование основывается на анализе в контексте идеологического критерия системы консервативных правовых ценностей, относимых к отечественной интеллектуальной традиции XIX века. Правовые ценности – свойственные конкретной правовой культуре объективные результаты правовой деятельности. Мы определяем правовые ценности в политико-правовой доктрине русского консерватизма как систему обусловленных культурно-цивилизационным своеобразием представлений о правовой реальности, выраженных в правовом сознании и правовой культуре, воспринимаемых в единстве с нравственными ценностями и в диалоговом дискурсе превращающихся в правокультурный канон развития.

Историко-юридический характер работы предопределил использование специально юридических методов: исторического, формально-логического, сравнительного. Специфика работы обусловила необходимость привлечения богатого арсенала специальных методов истории политических и правовых учений, в частности: структурного, предполагающего изучение составных частей концепции; компаративного, основанного на сопоставительном анализе (в диахронном и синхронном плане) различных доктрин; теоретико-правовой интерпретации и оценки государственно-правовых идей. При осуществлении научного исследования мы руководствовались требованиями основополагающих гносеологических принципов объективности и всесторонности исследования, восхождения от абстрактного к конкретному, единства логического и исторического в познании.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ аксиологического статуса государственно-правовой доктрины русского консерватизма важен в плане изучения генезиса и развития системы ценностей одной из влиятельнейших идеологий России. Ведь на архетипном, наследуемом от предыдущих поколений уровне большинству русских

людей свойственен так называемый консервативный синдром. Специфика национального мировоззрения, воплощенная в ценностных убеждениях, задает алгоритмы ценностно-мотивированной организации правовой деятельности. Учитывая многогранность проблемы, сложно проанализировать все элементы аксиологического статуса доктрины русского консерватизма: работа направлена на изучение базовых компонентов, так называемых маркеров аксиологического пространства исследуемого учения. Комплексные работы, посвященные рассмотрению правовых ценностей в доктрине русского консерватизма, в настоящий момент отсутствуют. Но к отдельным аспектам проблематики обращались такие авторы, как Н.А. Ананьев [2], М.А. Гусарова [3], И.В. Демин [4], Н.Н. Кузнецова и О.И. Чердаков [5] и др. Недостаточность и несистематизированный характер научных исследований по заявленной проблематике обусловили выбор темы настоящего исследования, свидетельствуют о его научной новизне и практической значимости.

Консерватизм – это многослойное системное явление, представленное тремя взаимозависимыми и взаимообусловленными компонентами: мировоззрением, доктриной и идеологией. В правовой науке консерватизм принято рассматривать как доктрину, то есть как систематизированное учение, концепцию, оказывающую воздействие на регулирование общественных отношений, обосновывающую сохранение устоев, традиций в развитии общества, государства и права. Доктринальный уровень учения обретает при обретении таких параметров, как научно-обоснованные положения, понятийно-категориальный аппарат, программные установки, связь с правоприменительной деятельностью и др.

Консервативная доктрина создала особую методологию познания феноменов общества, сформировала специфическую терминологию, лингвистические и мировоззренческие подходы, существенно отличающиеся от концептов классической рациональности. В сравнении с западным, российское правовое мышление обладает явным своеобразием, что весьма точно выражено в словах Р. Иеринга о триумфе идеи

целесообразности в европейской правовой теории и практике: «Римлянам еще в древности удалось перенести право из области души и чувства в область рассчитывающего разума, сделать из права независимый от влияния мимолетного субъективно-нравственного взгляда внешний механизм...» [6, с. 289]. Действительно, русское право и правовое мышление отличаются спецификой, что позволяет некоторым современным ученым называть их истинными, сохранившими первоначальную сакральную суть и исконное значение [7, с. 6]. Русские консерваторы XIX века были абсолютно солидарны с этой мыслью, обосновывая тезис о том, что в российском обществе еще сохранялся живой национальный дух, служащий организующим началом общества, государства, сословий и других объединений. Но речь в размышлениях о праве, датированных девятнадцатым столетием, шла именно о той временной реальности. В наши дни ситуация изменилась – современная отечественная теория права в значительной степени опирается на рационализм либеральных идеологов, казуистику и формализм законодательства.

Консервативная политико-правовая доктрина представляет собой взаимосвязь иррациональных правовых образов и рациональных идей, восходящих из религиозных установлений и государственно-правовых традиций общества. Ее важнейшими началами являются концепты: идеократической государственности в форме самодержавия; симфонии церковной и государственной властей; идеала соборности общества при относительной независимости земского самоуправления; приоритета правды над правом, этических начал над формально-юридическими; ведущей роли обычных норм в регулировании общественных отношений.

Право воспринималось консервативной мыслью в качестве ценности бытия только при условии его «исхода» из нравственной заповеди, идущей от Бога, а не из рациональных субъективных представлений о природе дозволенного. Идея единства Бога, человека и мира отражала присущий консерватизму концепт теонимной этики и метафизики всеединства. Православное учение предопределяло многие ценностные уста-

новки консерватизма, формулировало его главную идею – создание и охранение общественных отношений, способствующих нравственному развитию ради спасения. Греховность природы человека, нестабильность его внутренних регуляторов обуславливали существование земной власти и формального права, призванных ограждать от зла. Консервативная политико-правовая доктрина XIX века усматривала несовершенство современных ей правовых теорий в отходе от онтологического основания, в попытке придать морали отдельного индивидуума универсально-ценностные качества. Как заметил А.С. Карцов: «По логике же консервативного сознания, право, уклоняясь от защиты религиозно-моральных предписаний, ...порывало тем самым и с религией, и с неотделимой от нее моралью» [8, с. 97].

Отечественная консервативная традиция нивелировала утилитарные свойства права как средства обеспечения свободы индивида, но возвышала предназначение права как условия обретения и раскрытия истинного смысла бытия человека. Правовые ценности в консервативном правопонимании рассматривались в виде обусловленных культурно-цивилизационным своеобразием представлений о правовой реальности, выраженных в правовом сознании и правовой культуре, воспринимаемых в единстве с нравственными ценностями. Конгруэнтные нравственно-правовые ценности обеспечивали поддержание, стабильное действие и воспроизведение культурно-правовых императивов. Конгруэнтность как согласованность феноменов нравственности и права, образующих единое аксиологическое целое, является маркером доктрины русского консерватизма

Консервативное правопонимание XIX века носило дуалистический характер: выделялся исходящий от государства уровень – позитивное право (закон) и духовно-религиозный, «боговдохновенный» уровень – право-нравственность. При парадигмальной вариативности и неоднородности доктрины консерватизма право в ее рамках трактовалось как исторически сложившаяся ценностно-нормативная система, основанная на религии и морали, предназначенная для обеспечения стабильности и целостности

общества. Регуляторами более высокого уровня (выше закона и правосознания) считались нравственность и нравственное сознание как формы духовного отношения к миру.

Центральное место в консервативной правовой аксиологии занимали правовые ценности правды и справедливости. Своеобразие отечественного термина «право» в значительной степени связано с его происхождением от слова «правда», что иллюстрирует синтез правовых и нравственных начал. Правда трактовалась консервативной доктриной как социокультурный феномен, воплощающий потенциал приобщения к миру идеального бытия, выступающий детерминантой нормативно-ценностной матрицы русской культуры, а в узко-юридическом смысле – как закон, опирающийся на нравственность. Ставший общественным идеалом, данный концепт предопределял правильное общественно-государственное устройство, восходящее к божественным заповедям, и легитимировал вписывающийся в традицию правды политико-правовой строй. Идея правды, с одной стороны, ориентировала на высший нормативный порядок, олицетворяла адекватный образ действительности, а с другой стороны, состояние единения объективной, божественной истины и совести человека.

Категорию «справедливость» консерватизм интерпретировал вне порожденных либеральной идеологией начал равенства или неравенства, в соответствии с которым распределяются тяготы и блага, а в контексте поиска баланса между справедливым социальным неравенством и духовным равенством всех людей. Справедливость воспринималась как воплощение должного порядка и идеала бытия. Двойственность представлений о справедливости выражалась в разграничении государственной (внешней) и нравственной (внутренней) справедливости, а также в восприятии категории и как политико-правовой, социальной ценности, и как внутренней сущности человека, его инстинктивного чувства. В контексте дискурса этих начал консерватизм усматривал достижение соборного единения человечества в любви и Боге.

Заключение

Согласимся с тезисом о том, что морально-нравственные нормы «задают стандарты поведения людей в данной общности на конкретном историческом этапе» [9, с. 129]. В условиях современного релятивизма права, неопределенности ценностно-нормативных регуляторов необходимо переосмысление правовых ценностей доктрины русского консерватизма как потенциально способных выступить ориентирами правосознания и практической деятельности. Консервативная правовая доктрина является доктриной сохранения отечественного государства и права.

Большинство современных концепций правопонимания преувеличивает дистанцию морали и права, противопоставляет их друг другу, следствием чего становится регресс их регулятивного потенциала. Обеспечение правопорядка возможно только благодаря конгруэнтному воздействию правовых и нравственных регуляторов, и первостепенной задачей становится воспитание качеств внутреннего добровольного следования праву, а не эскалации страха перед легитимным насилием государства – принуждением. Удовлетворение запроса общества на гуманность и справедливость иллюзорно вне цен-

ностной корреляции этических и правовых категорий: справедливости и правды, прав и долга, достоинства и чести, свободы, равенства, порядка и др. [10, р. 820].

Исторически в отечественном праве внутренняя справедливость преобладала над внешней формальностью, что, по мнению мыслителей консерватизма, не следует упускать из внимания. Действенность права зависит от принятия волей человека объективного содержания права и добровольного следования его установлениям, а истоки правосознания коренятся в религии и совести. В этом плане юридический формализм правовых норм не способен найти такой же отклик в сознании русского человека, как его внутренняя убежденность в правоте или ощущение справедливости. Обращение к познанию аксиологического статуса государственно-правовой доктрины отечественного консерватизма позволило актуализировать сформулированный данным учением тезис о комплементарности права и нравственности, что открывает перспективы повышения эффективности правового регулирования в контексте соразмерного и взаимодополняющего действия правовых и нравственных ценностей.

Список источников

1. Философия права. Курс лекций: в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Проспект Москва, 2011. Т. 1. 552 с. URL: <https://djvu.online/file/JIjPqGxGlxHID>
2. Ананьев Н.А. Основные идеи русского консерватизма в конце XIX – начале XX века // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 341-347. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2021.4.51662>, <https://elibrary.ru/hljvqr>
3. Гусарова М.А. Проблема кризиса правосознания в философии русского консерватизма XIX – начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-2 (77). С. 57-60. <https://elibrary.ru/ygsuab>
4. Демин И.В. Категория «служение» в контексте русской консервативной философско-политической мысли // Конфликт идеологий: философские, социально-политические и культурно-исторические аспекты: сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. И.В. Демин. Самара, 2022. С. 12-19. <https://elibrary.ru/nnsfwl>
5. Кузнецова Н.Н., Чердаков О.И. Деструктивное выражение отношения к российскому самодержавию в политико-правовых учениях второй половины XIX века // История государства и права. 2018. № 1. С. 61-69. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2018-1-61-69>, <https://elibrary.ru/ynibkj>
6. Иеринг Р. Избранные труды: в 2 т. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. Т. 2. 547 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003032586>
7. Сорокин В.В. Право и православие. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2007. 547 с. URL: http://www.posoh.ru/book/doc/sorokin_v_v_pravo_i_pravoslavie%20-%202007.pdf
8. Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма (II половина XIX – начало XX в.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 587 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004588717>
9. Антонченко В.В. Право и закон // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 123-131. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131>, <https://elibrary.ru/piykto>

10. Kuzubova A.Yu., Podoksenov A.M., Solovyova L.L., Kvasova O.A., Podoksenova M.A. Legal values of Russian conservatism and their impact on professional legal consciousness // *Cuestiones Políticas*. 2021. Vol. 39. № 68. P. 811-823. <https://doi.org/10.46398/cuestpol.3968.53>, <https://elibrary.ru/lpwukd>

References

1. Marchenko M.N. (executive ed.). (2011). *Filosofiya prava. Kurs lektii: v 2 t.* [Philosophy of Law. Course of Lectures: in 2 vols.]. Moscow, Prospekt Moskva Publ., vol. 1, 552 p. (In Russ.) Available at: <https://djvu.online/file/JIjpqGxGIxHID>
2. Anan'ev N.A. (2021). The main ideas of Russian conservatism in the end of the 19th – early 20th century. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, no. 4, pp. 341-347. (In Russ.) <https://doi.org/10.34823/SGZ.2021.4.51662>, <https://elibrary.ru/hljvqr>
3. Gusarova M.A. (2017). Problem of sense of justice crisis in philosophy of Russian conservatism of the 19th – the early 20th century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culture and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 3-2 (77), pp. 57-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ygsuab>
4. Demin I.V. (2022). Category “service” in the context of Russian conservative philosophical and political thought. In: Demin I.V. (executive ed.). *Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Konflikt ideologii: filosofskie, sotsial'no-politicheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty»* [Collection of Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation “Conflict of Ideologies: Philosophical, Socio-Political and Cultural-Historical Aspects”]. Samara, pp. 12-19. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nnsfwl>
5. Kuznetsova N.N., Cherdakov O.I. (2018). A destructive expression of the relation to the Russian autocracy in the political and legal doctrines of the second half of the 19th century. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, no. 1, pp. 61-69. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2018-1-61-69>, <https://elibrary.ru/ynibkj>
6. Iering R. (2006). *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols.]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, vol. 2, 547 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003032586>
7. Sorokin V.V. (2007). *Pravo i pravoslaviye* [Law and Orthodoxy]. Barnaul, Altai University Publ., 547 p. (In Russ.) Available at: http://www.posoh.ru/book/doc/sorokin_v_v_pravo_i_pravoslaviye%20-%202007.pdf
8. Kartsov A.S. (2008). *Pravovaya ideologiya russkogo konservatizma (II polovina XIX – nachalo XX v.): dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal Ideology of Russian Conservatism (Second Half of the 19th – early 20th Centuries). Dr. habil. (Law) diss.]. Moscow, 587 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004588717>
9. Antonchenko V.V. (2022). Law and legislation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 2, pp. 123-131. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-2-123-131>, <https://elibrary.ru/piykto>
10. Kuzubova A.Yu., Podoksenov A.M., Solovyova L.L., Kvasova O.A., Podoksenova M.A. (2021). Legal values of Russian conservatism and their impact on professional legal consciousness. *Cuestiones Políticas*, vol. 39, no 68, pp. 811-823. <https://doi.org/10.46398/cuestpol.3968.53>, <https://elibrary.ru/lpwukd>

Поступила в редакцию / Received 12.01.2023

Поступила после рецензирования / Revised 07.03.2023

Принята к публикации / Accepted 14.04.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-205-211>

Шифр научной специальности 5.1.1

Государство всеобщего благосостояния: философско-правовой аспект

© СОЛОВЬЁВА Виктория Викторовна,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, 398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, 3, <https://orcid.org/0000-0002-3843-3675>, viktoriya-solove@list.ru

Аннотация

Рассмотрена доктрина государства всеобщего благосостояния. Государство всеобщего благосостояния – теория, сформулированная Дж. Кейнсом в труде «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) и развитая Дж. Мюрдаль, Дж. Стречи, А. Пигу и др., в соответствии с которой государство является выразителем интересов всех слоев общества и: 1) оказывает позитивное влияние на частный сектор путем регулирования и контроля – политику цен, налогов; 2) осуществляет политику полной занятости и предупреждения экономических кризисов с помощью системы планирования и прогнозирования; 3) осуществляет политику социальных услуг – социальное обеспечение, социальное страхование, помощь больным и старым людям и т. д., за счет чего достигается высокий уровень жизни общества. Государство всеобщего благосостояния можно охарактеризовать как теорию социальной защиты в олигархических обществах. На формирование теории государства всеобщего благосостояния оказали влияние теории прав человека, социалистические и эгалитарные теории. Теоретическим основанием теории государства всеобщего благосостояния являются теории благосостояния (от классической либеральной до социальной теории благоденствия). Универсальной классификации государства всеобщего благосостояния не существует и не может существовать, потому что невозможно учесть все аспекты из-за отсутствия соответствующих статистических данных и показателей. По нашему мнению, несмотря на определенные оговорки, классификация Г. Эспинг-Андерсена является самой успешной попыткой количественного анализа различных моделей социальной защиты. В ее основу положен анализ признаков доступности и степени охвата населения определенными социальными выплатами и доходами с одновременным учетом реального влияния различных политических сил на этот процесс. Г. Эспинг-Андерсен выделил три основных модели: либеральную, консервативную, социал-демократическую.

Ключевые слова

доктрина, государство всеобщего благосостояния

Для цитирования

Соловьёва В.В. Государство всеобщего благосостояния: философско-правовой аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 205-211. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-205-211>

Welfare state: philosophical and legal aspect

© Victoria V. SOLOVIEVA,

Dr. habil. (History), Professor, Professor of Criminal Law, Procedure and Criminalistics Department, Lipetsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 3 Internatsionalnaya St., Lipetsk, 398050, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-3843-3675>, viktoriya-solove@list.ru

Abstract

The doctrine of the welfare state is considered. The welfare state is a theory formulated by J. Keynes in the work "The General Theory of Employment, Interest and Money" (1936) and developed by J. Myrdal, J. Streechi, A. Pigou and others, in accordance with which the state is a spokesman for the interests of all sectors of society and: 1) has a positive impact on the private sector through regulation and control – price policy, taxes; 2) implements a policy of full employment and prevention of economic crises with the help of a planning and forecasting system; 3) implements the policy of social services – social security, social insurance assistance to sick and old people, etc., due to which a high standard of living of society is achieved. The welfare state can be characterized as a theory of social protection in oligarchic societies. The formation of the theory of the welfare state was influenced by human rights theories, socialist and egalitarian theories. The theoretical basis of the theory of the welfare state are welfare theories (from classical liberal to social welfare theory). A universal classification of the welfare state does not exist and cannot exist, because it is impossible to take into account all aspects due to the lack of relevant statistics and indicators. In our opinion, despite certain reservations, G. Esping-Andersen's classification is the most successful attempt at a quantitative analysis of various models of social protection. It is based on an analysis of the signs of accessibility and the degree of coverage of the population with certain social payments and incomes, while taking into account the real influence of various political forces on this process. G. Esping-Andersen identified three main models: liberal, conservative, social democratic.

Key words

doctrine, welfare state

For citation

Solovieva, V.V. (2023). Welfare state: philosophical and legal aspect. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 205-211 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-205-211>

Введение. Постановка проблемы

Основополагающей идеей западной традиции является убеждение, что ценности свободы, демократии, прав человека возможны лишь при условии гуманизации всех государственных институтов. В связи с этим целесообразно обратиться к европейской идее – «государства всеобщего благосостояния», под которым понимается социальный институт активного вмешательства государства в общественную жизнь.

В европейской традиции первостепенное значение получила идея гармоничного сочетания свободной самоорганизации общества, гражданской активности и общественного диалога с социальной справедливостью и благополучием, для реализации которой не-

обходимо общественно-ответственное, социально-правовое государство. Осмысление особенностей социального и социально-правового государства позволяет осознать необходимость ограничения крайних форм либерализма и рыночного фундаментализма, широкое распространение которых связано с преобладанием в общественном сознании экономического детерминизма. Между тем развитие европейских форм социального государства происходило путем диалога и взаимодополнения идей либерализма, консерватизма, коммунитаризма и социал-демократии.

Результаты исследования

Концепция государства всеобщего благосостояния не имеет однозначной интер-

претации и единых базовых моделей, более того, отсутствует единая терминология в обозначении этого понятия: в качестве синонимов употребляются термины *social state* – социальное государство, *social service state* – государство социального обслуживания, *service state* – государство обслуживания, *planned state* – плановое государство.

В ходе цивилизационного развития государство всеобщего благосостояния впитало в себя определенные черты либерализма, однако, нельзя отождествлять государство всеобщего благосостояния с либеральным государством, стоящим на страже интересов частных собственников. Более того, в радикальном либерализме социальное государство воспринимается как ложное образование, стремясь установить дистрибутивную справедливость, оно ограничивает свободу индивидов. Согласно такому подходу, неравенство и социальные различия обусловлены случайными причинами, а дифференциация социальных доходов имеет естественный характер. Объективность и неизбежность неравенства делают любое перераспределение благ общественно опасным. Поэтому государство может лишь ограничивать общественное неравенство правовыми средствами, запрещая противоправные поступки. Так, австрийский экономист и политический философ Ф. фон Хайек отстаивает позицию государственного невмешательства в свободные рыночные отношения [1].

В отличие от радикального, социальный либерализм отстаивает идею государства всеобщего благосостояния. Английский экономист Дж. М. Кейнс оценивает роль рыночных институтов в контексте соблюдения прав благосостояния: повышение жизненных стандартов возможно лишь при условии государственного инициирования социальных программ [2, с. 267]. Ральф Дарендорф, англо-немецкий философ и общественный деятель, настаивает в контексте идей кейнсианства на необходимости «стимулировать социальное обеспечение с целью придать материальное содержание правам человека, которые не может обеспечить саморегулирующийся рынок» [3, с. 260]. Идеи Кейнса получили широкое распространение после Второй мировой войны и развивались в контексте соединения граж-

данских и социальных прав личности. Современные скандинавские государства демонстрируют примеры реализации кейнсианских идей в построении государства всеобщего благосостояния. Модифицированное кейнсианство критикует неоконсервативные теории общества с их идеей саморегулирующегося рынка. Сегодня практически во всех развитых странах мира поддерживается высокий уровень государственных затрат на инфраструктуру как средства стимулирования частных инвестиций и общего уровня инвестирования в целом. При этом рынок рассматривается как один из факторов общественной мотивации конкурентного общества в целом, необходимое условие демократии.

В полемике с социальным либерализмом Ф. фон Хайек настаивает на необходимости разделения легитимных и нелегитимных действий социального государства, исходя из противопоставления правового и социального государства. Согласно такой позиции, социальное государство культивирует пренебрежение правовыми нормами и ставит общественные требования выше законных прав и обязанностей участников социального процесса. Анализируя особенности функционирования «государства социальной справедливости», Хайек приходит к выводу, что оно является ложным образованием, так как «...широкая вера в «социальную справедливость» является едва ли не самой опасной угрозой для большинства ценностей свободной цивилизации» [1, с. 231]. Согласно Хайеку, основную роль в регулировании свободного рынка должен сыграть институт права, а роль государства нужно ограничить контролем за осуществлением публичного права. В соответствии с либеральной традицией, Хайек связывает легитимацию публичного права с законодательно-конституционным регулированием.

В 1970–1980-х гг. вокруг доктрины государства всеобщего благосостояния развивается широкомасштабная теоретическая дискуссия. Британский социолог Т. Маршалл и его последователи Б. Тернер, Б. Ван Стинберген, Р. Фальк, Л. Гордон считают, что социальное государство может содействовать успешной модернизации путем постепенного расширения прав человека и сближения интересов различных общест-

венных групп и мировоззрений. Противоположную позицию заняли либералы во главе с Р. Дворкиным и Р. Нозиком, отрицающие необходимость помощи экономически более слабым общественным группам. Они считают, что неравенство не может осуждаться ни с моральной точки зрения, так как оно естественно обусловлено, ни с точки зрения целесообразности, так как помощь необходимо оказывать более успешным членам сообщества – генераторам идей, ибо именно они являются движущей силой общественного развития. Помощь наиболее активной и успешной части сограждан будет способствовать, с точки зрения Р. Дворкина, «постепенному улучшению благополучия и социальных прав бедных людей» [4, р. 193]. Р. Дворкин и Р. Нозик не воспринимают эгалитарной версии перераспределения, присущей теории социального государства. Р. Нозик подчеркивает: «В социальном государстве законно заработанное за счет части труда одного человека забирают на поддержку целей другого, и это означает, что первого человека заставляют работать на второго» [5, с. 198-199]. Невозможным для них является и социальное правовое государство, не снимающее, по их убеждению, проблему социальной справедливости, названной Ф. фон Хайеком «квазирелигиозным суеверием» [1, с. 231]. Идеалом они считают сильную конституционную демократию с сильными правами личности. Теоретическая полемика 1970–1980-х гг. между сторонниками и противниками государства всеобщего благосостояния отразила изменения в ценностных ориентациях – переход от материальных к постматериальным ценностям свободы, усиление прав сообществ.

В 1980–1990-е гг. происходит постепенное сближение идей современного либерализма и коммунитаризма, поднявшего проблему культурного признания в социальном правовом государстве на новый уровень осмысления. Коммунитаристы четко различают две общественные модели, кардинально отличающиеся друг от друга отношением к государству общего благосостояния – модель контракта и общественную модель социальных обязательств. Первая возвращает общество к автономным «социальным атомам» – одиночкам, живущим в беспокой-

ном, не связанным социальным доверием, общими ценностями и культурными традициями государстве. В рамках этой модели индивиды выбирают карьеру, религию, политическую позицию исходя из собственных предпочтений, в то время как семейные и родственные традиции не имеют большого значения. Жизненный успех здесь зависит от собственных усилий. Коммунитаризм обращает внимание на очень важную проблему современности: социальную жизнь все сложнее представить в терминах публичной сферы, а социальные интересы – через понятие общего блага. Сокращение публичной сферы требует от общества поиска новых форм солидарности, способных противостоять вызовам современности – бедности, безработице, общественной отчужденности. Вторая модель пытается объединить лучшие республиканские идеи с возрождением культурных традиций. В этой модели устанавливаются новые взаимоотношения гражданского общества и государства всеобщего благосостояния: граждане требуют от государства правового обеспечения своей деятельности, соблюдения комплексных прав личности и культурных сообществ. Это способствует разрешению проблем, связанных с политическим, экономическим и социальным отчуждением. Коммунитаристы воспринимают государство всеобщего благосостояния как институт, способствующий преодолению социальной несправедливости, установлению оптимального соотношения свободы и равенства, публичности и приватности, индивидуального и коллективного.

Рыночная система содействует либеральному выбору индивидов, в ней преимущества получают те, кто обладает силой и способностями победить в конкурентной борьбе, однако социальные права большинства в этом обществе не гарантированы. Поэтому защитить права личности от несправедливости рыночной системы должен институт социального государства. Согласно коммунитаризму, личности не существуют отдельно от общественных традиций и потому не могут требовать прав, противоречащих потребностям общества и не согласующихся с нормами общего блага. Эти представления сближают коммунитаризм с теорией государства всеобщего благосостояния.

Идеи коммунитаристов способствовали поискам путей модернизации государства всеобщего благосостояния и стали теоретической основой тех исследований, которые пытались синтезировать идеи либерального и традиционного национально-культурного наследия. Приверженцы модернизации государства всеобщего благосостояния настаивают на необходимости придерживаться баланса интересов между личностью и обществом, только в этом случае возможно функционирование социального и правового государства с ответственностью, правами и обязанностями человека перед обществом.

В процессе диалога между либералами и коммунитаристами особую актуальность приобретает противоречие между системами индивидуальных и коллективных прав. Классическое либеральное общество основывалось на индивидуальных правах свободы и собственности, личность несла полную ответственность за свою жизнь, но не за жизнь других. Утверждение коллективных прав, провозглашенных социальным правовым государством, гарантировало определенные минимальные стандарты жизни, способствовало переходу от индивидуальной к коллективной ответственности, привело к улучшению жизни широких слоев населения. Таким образом, сегодня все более актуальным становится переход от традиционного социального государства к современным формам модернизации этого института. Все более очевидной становится необходимость перехода от бюрократических форм управления к современной форме социального единства между государством общего благосостояния и гражданским обществом, которая должна гармонизировать индивидуальные интересы отдельных лиц с интересами коллективного блага всего сообщества.

Изменение акцентов в деятельности государства всеобщего благосостояния привело к тому, что государственные институты стали больше ориентироваться на политику признания различных культурных, религиозных и гендерных групп, вследствие чего усилилось антидискриминационное законодательство. Государство усиливает свою опеку над группами, долгое время бывшими социальными аутсайдерами, вследствие

дискриминации по расовым или половым признакам. Однако процесс государственно-го вмешательства в социальную политику в США вызвал рост критики со стороны гражданского общества, воспринявшего такую политику как посягательство на свободу. Многие американские исследователи, анализируя проблему бедности, объясняют ее не государственным несовершенством, а недостатками самих субъектов государства благосостояния. В целом можно констатировать, что американское общество считает институт государства всеобщего благосостояния исчерпавшим себя. В отличие от континентальной традиции, англо-американская модель всегда четко различала гражданское общество и государство, считая своей главной задачей реализацию прав человека.

В Европе, в отличие от США, всегда более благосклонно относились к государству общего благосостояния, чем к либеральному государству частных собственников. Государство социального благосостояния на протяжении долгого времени рассматривалось как институт ответственности и дисциплинирования общества. В европейской государственно-правовой культуре признается ответственность государства за уровень жизни своих граждан. В первой половине XX века в европейских странах складываются основные черты государства всеобщего благосостояния: 1) рост регулирующей роли государства в сфере частной экономики; 2) усиление государственной собственности и государственного управления отраслями производства; 3) оказание помощи своим гражданам при безработице, несчастных случаях, предоставление пенсий и субсидий. Образование стабильного социального государства в континентальных странах способствовало смягчению социальных конфликтов и усилило его роль в укреплении властных функций, обеспечении мира и общественного спокойствия. Расширение социальных программ сопровождается ростом влияния на социальное государство со стороны гражданского общества, которое имплементирует новые изменения в системе законодательства, адаптирует властные институты к своим требованиям. Взаимовлияние государства и гражданского общества привело к появлению в политико-правовых док-

тринах нового термина «социальное правовое государство». В этом новом типе государства частная собственность, как и ранее, является основой общества, но она существенно ограничивается в интересах всеобщего блага. Государство не только получает право контроля над нею, но и право ее экспроприации в том случае, если действия частного предпринимателя противоречат интересам всего общества. Так, в статье 42 Конституции Италии подчеркивается исключительная роль социального государства в отношении собственности: «Собственность может быть государственной или частной. Экономические блага принадлежат государству, обществам или частным лицам. Частная собственность признается и гарантируется законом, который определяет способы ее приобретения и пользования, а также ее пределы – с целью обеспечения ее социальной функции и доступности для всех. В предусмотренных законом случаях частная собственность может быть отчуждена в общих интересах при условии выплаты компенсации» [6, с. 423]. В процессе развития социально-правового государства властные отношения постепенно сдвинулись в сторону судебной власти. Власть судов, контролируя деятельность всех общественных институтов, распространяется на все действия исполнительной власти. Усиление судебной власти также было связано с «необходимостью усовершенствования социального государства». Отфрид Хеффе, немецкий политический философ, отмечает, что командная и распределительная сила государства уменьшается вследствие большого государственного долга и экономически неэффективного в контексте рыночной экономики механизма социальных отчислений, поэтому «возникает потребность в усилении власти судебной» [7, с. 86]. Усиление судебных органов способствует утверждению справедливости в социальном правовом государстве, которое, с одной стороны, предоставляет индивиду право обращаться в суд по поводу антиконституционных действий власти или определенных бизнес-групп, но, с другой стороны, юстиция часто начала подменять законодателя, особенно в трудовом законодательстве. Приоритетным критерием обще-

ственного идеала в социальном правовом государстве становится право. Оно становится базовым фундаментом для качественно нового типа социального государства, формой утверждения приватной и публичной активности.

Заключение

Осознавая роль права в эволюции социального государства, необходимо учитывать существующее несоответствие между высокими теоретическими идеями правосознания и реальной исторической практикой сосуществования государства и гражданского общества, которая не всегда является олицетворением права как внешнего состояния свободы и морали – как внутреннего. Впрочем, рост социальной активности в европейских странах свидетельствует о том, что социально-ответственное социальное правовое государство прочно вошло в европейскую традицию, отвечая потребностям и требованиям гражданского общества. Но в современных условиях социальное правовое государство должно стать не только государством социального признания, ответственности, общественного достоинства, благополучия, но и институционно содействовать общественному включению представителей гражданского общества в сеть информационного общества. Вопреки многочисленной критике, социальное государство продолжает оставаться важным общественно-политическим институтом в условиях нового постиндустриального общества. Современные европейские модели государства всеобщего благосостояния изменяются и эволюционируют от бюрократического государственного вторжения в экономику и социальную сферу к новой модели сотрудничества с информационным обществом. Вопреки распространенному мнению об уменьшении роли государства на современном этапе, представляется, что его роль не только не ослабнет, но и станет еще более весомой. Сегодня государство не только заботится о преодолении социальной несправедливости, но и законодательным путем обеспечивает индивидуальные права и права сообществ, свободу, демократию. По сути, социальное правовое государство выступает весомым фактором развития социального капитала.

Список источников

1. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2006. 642 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002950478>
2. Кейнс Дж. Конец laissez-faire. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 437 с. URL: <https://djvu.online/file/BYMifcKsxpPgm>
3. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. 284 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001864449>
4. Dworkin R. A Matter of Principle. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 1985. 417 p. URL: <https://archive.org/details/matterofprinciple0000dwor>
5. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 422 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003399195>
6. Конституция Итальянской Республики / пер. с итал. Л.П. Гринберга // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова. М.: Изд. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 423-450. URL: <http://italia-ru.com/page/konstitutsiya-italyanskoi-respubliki>
7. Хеффе О. Справедливость: Философское введение. М.: Праксис, 2007. 190 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003154294>

References

1. Khaiek F. (2006). *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda* [Law, Legislation and Freedom]. Moscow, Irisen Publ., Idea Publ., 642 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002950478>
2. Keins J. (2001). *Konets laissez-faire* [Laissez-faire End]. Moscow, High School of Economics Publ., 437 p. Available at: <https://djvu.online/file/BYMifcKsxpPgm>
3. Darendorf R. (2002). *Sovremennyi sotsial'nyi konflikt. Ocherk politiki svobody* [Contemporary Social Conflict. Essay on the Politics of Freedom]. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 284 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001864449>
4. Dworkin R. (1985). *A matter of principle*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 417 p. Available at: <https://archive.org/details/matterofprinciple0000dwor>
5. Nozik R. (2008). *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, State and Utopia]. Moscow, Irisen Publ., 422 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003399195>
6. Grinberg L.P. (translation from Italian) (1997) *Konstitutsiya Ital'yanskoi Respubliki* [Constitution of the Italian Republic]. In: Okun'kov L.A. (gen. ed.). *Konstitutsii gosudarstv Evropeiskogo Soyuza* [Constitutions of the States of the European Union]. Moscow, Izd. gruppa INFRA-M-NORMA Publ., pp. 423-450. Available at: <http://italia-ru.com/page/konstitutsiya-italyanskoi-respubliki>
7. Kheffe O. (2007). *Spravedlivost': Filosofskoe vvedenie* [Justice: A Philosophical Introduction]. Moscow, Praksis Publ., 190 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003154294>

Поступила в редакцию / Received 28.12.2022

Поступила после рецензирования / Revised 10.04.2023

Принята к публикации / Accepted 14.04.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.571

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-212-219>

Шифр научной специальности 5.1.1

Теоретические и нормативно-правовые основы понятия и сущности общественного контроля в Российской Федерации

© УШАКОВ Антон Владимирович,

аспирант, кафедра теории и истории Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0009-0005-4016-9622>, antonushakov-aspirant@mail.ru

Аннотация

Рассмотрен такой динамично развивающийся институт, как общественный контроль, предпринята попытка обобщить различные научные подходы к его определению в совокупности с анализом нормативной основы, в том числе закрепленной на уровне Конституции Российской Федерации. Раскрыта актуальность выбранной темы и степень ее научной разработанности. Обосновано значение общественного контроля в контексте народовластия. В ходе анализа теоретических взглядов на определение общественного контроля отмечено многообразие взглядов на его понятие, которые, несмотря на некоторые различия в акцентировании внимания на те или иные нюансы, во многом схожи в определении самой сущности данного правового института. Вместе с тем нельзя отрицать и наличие проблем в рамках правового регулирования данного вида контроля, что проявляется в его несистемности. Сделан вывод, что нормативно-правовая основа общественного контроля начала формироваться задолго до принятия специального законодательного акта в 2014 г., а на настоящий момент на законодательном уровне определены сущность общественного контроля, его цели, принципы, задачи, основные субъекты. Имеющаяся правовая база общественного контроля создает прочную основу его проведения, вместе с тем процедуры проведения общественного контроля не лишены недостатков и требуют дополнительного правового регулирования, отвечающего современным реалиям.

Ключевые слова

общественный контроль, контроль, народовластие, гражданское общество, общественная экспертиза

Для цитирования

Ушаков А.В. Теоретические и нормативно-правовые основы понятия и сущности общественного контроля в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 212-219. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-212-219>

Theoretical and regulatory foundations of the concept and essence of public control in the Russian Federation

© Anton V. USHAKOV,

Post-Graduate Student, Theory and History Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0005-4016-9622>, antonushakov-aspirant@mail.ru

Abstract

We consider such a dynamically developing institution as public control, an attempt has been made to generalize various scientific approaches to its definition in conjunction with the analysis of the regulatory foundation, including the one fixed at the level of the Constitution of the Russian Federation. The relevance of chosen topic and the degree of its scientific development are revealed. The importance of public control in the context of democracy is substantiated. During the analysis of theoretical views on the definition of public control, a variety of views on its concept is noted, which, despite some differences in focusing on certain nuances, are largely similar in determining the very essence of this legal institution. At the same time, it is impossible to deny the existence of problems within the framework of legal regulation of this type of control, which is manifested in its unsystematic nature. It is concluded that the regulatory framework of public control began to form long before the adoption of a special legislative act in 2014, and at the moment the essence of public control, its goals, principles, tasks, and main subjects are defined at the legislative level. The existing legal framework of public control creates a solid basis for its implementation, at the same time, the procedures for conducting public control are not without drawbacks and require additional legal regulation that meets modern realities.

Keywords

public control, control, people power, civil society, public expertise

For citation

Ushakov, A.V. (2023). Theoretical and regulatory foundations of the concept and essence of public control in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 212-219 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-212-219>

Введение. Постановка проблемы

Развитие современного российского государства и общества по векторам выстраивания правового государства и гражданского общества требует организации эффективных форм диалога, причем таких, которые позволят обществу влиять на проводимую государством политику. Во многом именно поэтому в последние годы всю большую актуальность приобретает реальное участие граждан в делах государства, и одной из самых действенных мер в этом направлении является общественный контроль, представляющий одну из разновидностей социального контроля. В различные периоды в зависимости от объективных и субъективных факторов и условий он в большей или меньшей степени был институционализирован и дифференцирован по различным формам и видам.

Все вышеобозначенное определяет актуальность представленной работы и необходимость теоретического анализа правового регулирования общественного контроля в Российской Федерации с учетом последних изменений в действующем законодательстве и сложившейся практики его применения.

Проблемам общественного контроля уделяется немало внимания в российской науке. Анализ института общественного контроля находит свое отражение как в трудах по общей теории и истории права и государства, так и в работах по проблемам отдельных отраслей права – конституционному, административному, экологическому, земельному, трудовому, финансовому, жилищному и др. Среди таковых можно выделить исследования таких ученых, как А.И. Авдеева, Р.Э. Арутюнян, Е.В. Бердникова, Е.В. Васильева, В.В. Гриб, В.С. Гудков, П.В. Деся-

тых, О.С. Забралова, С.М. Зубарев, В.А. Ильченко, Р.В. Колодин, О.Н. Коломытцева, В.В. Котов, М.С. Крицкая, О.А. Околеснова, В.Ф. Петренко, Я.Ю. Реент, Н.С. Рыболовлева, В.В. Старчикова, Ю.С. Тихомирова, В.В. Федоров, И.М. Япрынцева и др.

Вместе с этим вопросы, связанные с осуществлением правового регулирования общественного контроля в Российской Федерации, его специфики, тенденций и перспектив реализации требуют дальнейшего теоретического изучения в логичной взаимосвязи с действующим законодательством и сложившейся на данный момент юридической практикой. Это обосновывает цель настоящей работы – проанализировать понятие и сущность общественного контроля в Российской Федерации исходя из его теоретических и нормативных основ.

Результаты исследования

На сегодняшний день общественный контроль – важнейшая форма взаимодействия общества и государства. Конституционно-правовые основы для этого заложены в принципах демократии и народовластия, что включает в его содержание субъективное право народа как носителя государственного суверенитета и единственного источника власти. В научной литературе справедливо отмечается, что «один из структурных элементов субъективного права заключается в возможности» [1, с. 97], которая проявляется в возможностях действия, требования, защиты, пользования социальным благом [2, с. 42–43].

По справедливому замечанию В.Я. Любаша и А.Ю. Мамычева, возможность действия, будучи элементом структуры субъективного права, состоит «в возможности воздействия на государственный механизм», что представляет собой конституционные начала обеспечения личных прав человека [3, с. 280].

Отдельная дискуссия образовалась относительно возможности народа при осуществлении своих прав пользоваться социальным благом. Считаем верным, что любая деятельность органов публичной власти, а также иных субъектов, которые наделены властными функциями, в своей основе должна иметь общественно-полезный характер. Приведенные выше аргументы позволяют нам сделать вывод о том, что осуществлению

всей системы прав народа на народовластие способствует общественный контроль.

Отметим, что проблемам осуществления данного вида контроля уделяется особое внимание как со стороны теоретиков права, так и практикующих юристов и общественности.

Согласно словарю Ожегова, контроль – это «проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора»¹. Аналогично понятие раскрывается словарем Ушакова: «контроль – наблюдение, надсмотр над чем-нибудь с целью проверки»².

Обратимся к позициям о понятии общественного контроля, изложенным в научной литературе. В.Г. Афанасьев рассматривал контроль как «деятельность специально уполномоченных на то органов, которая включает в себя несколько элементов. Во-первых, это труд по наблюдению и проверке соответствия процесса функционирования объекта принятым управленческим законам, планам, нормам, стандартам, правилам, приказам и т. д. Во-вторых, выявление результатов воздействия субъекта на объект, функциональных отклонений от требований управленческих решений, от принятых принципов организации и регулирования. Третий элемент деятельности заключается в том, что, выявляя отклонения и их причины, работники контроля определяют пути корректирования организации объекта управления, способов воздействия на объект с целью преодоления отклонений, устранения препятствий на пути оптимального функционирования системы» [4, с. 141].

Так, О.С. Забралова считает, что «общественный контроль является деятельностью гражданского общества и его отдельных граждан, цель которой направлена на установление соответствия законодательным требованиям и общественным интересам действий и решений органов публичной власти, а также на последующую коррекцию выявленных отклонений» [5, с. 13].

Контроль общества над государством, по мнению О.Н. Коломытцевой, следует рассматривать как деятельность особых субъек-

¹ Толковый словарь Ожегова: сайт. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=11790> (дата обращения: 13.01.2023).

² Толковый словарь Ушакова: сайт. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=24929> (дата обращения: 13.01.2023).

тов, реализуемую в специальном процедурном порядке, «по проверке, оценке качества государственного управления, соблюдения прав и свобод человека на предмет соответствия предъявляемым требованиям» [6, с. 11].

Исследование общественного контроля позволяет представить Г.Н. Комковой и Е.В. Бердниковой его как «систему процедур и механизмов, предполагающих наблюдение и анализ деятельности объектов со стороны институтов гражданского общества и осуществляемых с целью выявления нормативных отклонений в процессе функционирования властных органов и поддержания либо восстановления нарушенных правовых установлений» [7, с. 12].

В.В. Старчикова под общественным контролем понимает, в первую очередь, «наблюдение и проверку со стороны граждан в отношении деятельности органов власти с целью соблюдения и реализации конституционных принципов» [8, с. 8].

С.М. Зубарев определяет рассматриваемый институт как «системное функционирование представителей гражданского общества, направленного на установление соответствия государственной деятельности нормативным стандартам и устранение выявленных нарушений путем обращения в компетентные органы» [9, с. 13].

Таким образом, мы видим многообразие взглядов на понятие общественного контроля, которые, несмотря на некоторые различия в акцентировании внимания на те или иные нюансы, во многом схожи в определении самой сущности данного правового института.

Общественный контроль характеризуется рядом признаков. Их выделение также позволит нам представить целостную картину рассматриваемого правового явления.

При этом важно уяснить разграничение терминов «общественный», «гражданский» и «социальный» контроль. Справедливо отмечается, что «отождествление понятий «общественный» и «социальный контроль» является методологически неверным» [9, с. 10]. В частности, «социальный контроль представляется более широким понятием, включающим в себя такие составляющие, как государственный и общественный». Допустимо отождествление и понимание как синонимов терминов «общественный» и «гражданский»,

так как последний термин указывает на его единство с понятием «гражданин».

В.В. Старчикова среди признаков общественного контроля выделяет следующее: «а) осуществляется на основе идеологии и ценностей правового государства; б) регулируется нормативными актами; в) не имеет правоприменительного характера; г) не является обязательным в том случае, если иное не предусмотрено законом; д) его субъектами могут быть представители общественных объединений и граждане, не являющиеся государственными и муниципальными служащими; е) его деятельность осуществляется на основах выборности, периодической сменяемости, публичности» [8, с. 9].

И.М. Япрынцева, анализируя общественный контроль, исходя из системы гражданских инициатив, предлагает раскрывать его через такие признаки, как «инициативность; негосударственный характер; особые субъекты реализации; обязательность результата» [10, с. 10].

Рассматривая общественный контроль, Е.Н. Ярмоц и А.С. Рудис выделяют следующие признаки: «специфический субъектный состав, осуществление от имени общественности, взаимодействие общественности и органов государственной власти, специальные формы его осуществления» [11, с. 178].

На наш взгляд, институт общественного контроля подлежит к рассмотрению в двух смыслах: широком и узком. В первом случае он подразумевает как непосредственное, так и опосредованное политическое участие граждан в жизни государства.

Более детальное определение регламентировано в Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 212-ФЗ). В частности, оно подразумевает под собой «деятельность субъектов общественного контроля, которая реализуется с целью наблюдения за действиями и решениями органов, наделенных властными и публичными полномочиями, а также с целью общественной проверки, анализа и общественной оценки»³.

³ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213.

Отмеченная дефиниция неоднократно менялась ввиду ее несовершенства. Так, В.В. Гриб отмечает, что, с одной стороны, такая тенденция является значительным достижением в развитии рассматриваемого института в силу придания ему правовой формы, однако, с другой стороны, определение, представленное на законодательном уровне, по-прежнему не охватывает всей специфики данного понятия [12, с. 6].

Считаем, что общественный контроль следует понимать в широком смысле исходя из следующих аспектов.

Во-первых, сам законодатель определяет сферы деятельности, где общественный контроль осуществляется на основе специальных правовых норм.

Во-вторых, буквальное следование положениям Федерального закона № 212-ФЗ и их интерпретация без учета всей широты сущности общественного контроля искусственно ограничивает его и нивелирует его социальную значимость. В этом контексте следует признать точность тезиса С.М. Зубарева о том, что государство должно минимально влиять на общественный контроль, быть вспомогательной, так как «именно государство является объектом общественного контроля, и такое положение может привести существенную долю субъективизма в построение данного института» [9, с. 13]. Таким образом, предполагается определенная независимость от государства, в том числе в установлении границ, форм и функций контроля.

Кроме понимания контроля в широком и узком смысле в литературе выделяются семантический и функциональные подходы к определению общественного контроля. Как верно, на наш взгляд, отмечает С.М. Зубарев, первый подход призван «охватить сущностные черты явления, понимаемого как общественный контроль за деятельностью государственных органов на конкретном историческом этапе», а согласно второму – «общественный контроль является видом деятельности негосударственных институтов и отдельных граждан» [9, с. 10].

Контроль призван обеспечить единство системной и полноценной властной деятельности на территории всей страны. Развитие общественного контроля в условиях совре-

менного федеративного устройства должно учитывать систему и структуру органов исполнительной власти, их функции и полномочия, практику их осуществления.

Отметим, что на данный момент вопросам осуществления общественного контроля уделяется особое внимание. Несмотря на то, что базовый, основной акт в данной сфере был принят относительно недавно, лишь в 2014 г., современная правовая основа данного вида контроля начала формироваться задолго до этого, начиная с принятия Конституции РФ.

Прежде всего, стоит отметить конституционные начала осуществления общественного контроля. Хотя в Основном законе напрямую не упоминается общественный контроль, в отличие от государственного, некоторые его положения дают нам право говорить о том, что именно данный акт закладывает базовые основы осуществления анализируемого вида контроля как отдельными гражданами, так и их объединениями⁴. Так, статья 3 Конституции РФ устанавливает, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ»⁵. Статья 30 определяет право на объединение и свободу деятельности общественных объединений. В статье 32 регламентируется «право граждан на управление делами государства посредством двух форм: непосредственной и через своих представителей»⁶. Согласно статье 33 российские граждане вправе обращаться в органы публичной власти как лично, так и с помощью направления индивидуальных и коллективных обращений. Статья 45 определяет, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Данные нормы закреплены во 2 главе Конституции, где определяются наиболее значимые права и обязанности каждого человека и гражданина. На наш взгляд, этим еще раз подчеркивается значимость возмож-

⁴См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.

⁵Там же.

⁶Там же.

ности реализации общественного контроля. Таким образом, Конституция РФ закрепляет базовые принципы, через которые проявляется общественный контроль и которые находят свое отражение в специальном законодательстве, а именно в Федеральном законе № 212-ФЗ.

Данный акт допускает, что общественный контроль следует понимать шире, чем он изложен непосредственно в нем, поскольку предполагает его осуществление в отдельных сферах. Несмотря на то, что нормы данного закона не распространяются на контроль, осуществляемый на выборах и референдумах, в сфере градостроительства, охраны окружающей среды и животных и других, например, образования, законодатель не отрицает само существование общественного контроля в этих сферах и необходимость разработки и принятия соответствующих актов.

Помимо основополагающего закона немаловажную роль в эффективном правовом регулировании отводится и специальным законам, так и подзаконным актам, которые могут приниматься как на федеральном, так и на региональном и муниципальных уровнях, которые могут приниматься в связи с реализацией контроля в отдельных сферах жизни общества и государства, либо определяющие особенности правового статуса отдельных субъектов общественного контроля. Вместе с тем анализируемые нормативные правовые акты не лишены недостатков, которые могут проявляться, с одной стороны, в пробельности, то есть отсутствии норм права, регулирующих те или иные вопросы, а с другой – в коллизиях, то есть противоречивости между имеющимися правовыми нормами.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, в качестве выводов отметим то, что общественный контроль – это сложный правовой институт, который можно рассматривать с различных точек зрения, выводя на первый план те или иные его аспекты. Несмотря на продолжающуюся в научных кругах дискуссию, на законодательном уровне дефиниция «общественный контроль» нашла свое закрепление, которая, впрочем, также не лишена недостатков и требует доработки. Во многом это обусловлено развитием и появ-

лением все новых и новых форм участия общественности в политической и общественной жизни страны, усложнением складывающихся правоотношений и другими факторами. Однако представители общественности и науки, органов государственной власти и местного самоуправления солидарны в том, что итоги общественного контроля способны фактически отражать степень заинтересованности государства в решении проблем общества, показывать результативность и целесообразность их работы, содержать оценку достижения целей и требований населения в процессе выполнения государственных функций и задач. Именно в этом, на наш взгляд, проявляется сущность и специфика общественного контроля как одного из видов социального контроля. При этом на сегодняшний день реализация различных мероприятий в рамках общественного контроля приобретает особое значение, поскольку показывает действительный уровень развития общества и государства.

Несмотря на то, что базовый, основной акт в данной сфере был принят относительно недавно, лишь в 2014 г., современная правовая основа данного вида контроля начала формироваться задолго до этого, начиная с принятия Конституции РФ. Помимо основополагающего закона немаловажную роль в эффективном правовом регулировании отводится и специальным законам, так и подзаконным актам, которые могут приниматься как на федеральном, так и на региональном и муниципальных уровнях.

Так, с одной стороны, в отдельных сферах общественных отношений сложились свои особенности осуществления общественного контроля. Использование института общественного контроля находит свое отражение в различных нормативных правовых актах, например в отношении органов государственной власти или их должностных лиц или по сфере общественных отношений, например, в экологическом, антикоррупционном законодательстве и т. д.

С другой стороны, в Федеральном законе № 212-ФЗ нет прямого отражения дифференциации общественного контроля, но анализ Федерального закона № 212-ФЗ позволяет определить виды общественного контроля, подразумеваемые законодателем,

исходя из объекта контроля, правового статуса субъекта, его осуществляющего (контроль Общественной палаты РФ, региональных общественных палат, общественных палат или советов муниципальных образований, общественных советов при федеральных и региональных органах власти, общественных наблюдательных комиссий, общественных инспекций, групп общественного

контроля, иных организационных структур общественного контроля).

Имеющаяся правовая база общественного контроля создает прочную основу его проведения, вместе с тем процедуры проведения общественного контроля не лишены недостатков и требуют дополнительного правового регулирования, отвечающего современным реалиям.

Список источников

1. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 292 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007359771>
2. Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М.: МЗ-Пресс, 2001. 309 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000746979>
3. Любашин В.Я., Мамычев А.Ю. Механизм государства как институциональная основа обеспечения прав и свобод человека и гражданина // *Advances in Law Studies*. 2015. Т. 3. № 6-18. С. 279-289. <https://doi.org/10.12737/16368>, <https://elibrary.ru/vkcedt>
4. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом (опыт системного исследования). М.: Политиздат, 1973. 391 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007238585>
5. Забралова О.С. Развитие общественного контроля в сфере деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Ин-т государства и права РАН, 2012. 26 с. <https://elibrary.ru/qftbj>
6. Коломытцева О.Н. Контроль общества над государством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2007. 34 с. <https://elibrary.ru/niwaer>
7. Комкова Г.Н., Бердникова Е.В. Содержание объекта и предмета общественного контроля в Российской Федерации: теоретико-правовые вопросы // *Российское право: образование, практика, наука*. 2019. № 4 (112). С. 11-19. <https://doi.org/10.34076/2410-2709-2019-4-11-19>, <https://elibrary.ru/ppsgry>
8. Старчикова В.В. Общественный контроль в правовом государстве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ, 2014. 27 с. <https://elibrary.ru/zpkfsl>
9. Зубарев С.М. Понятие и сущность общественного контроля за деятельностью государственных органов // *Административное право и процесс*. 2011. № 5. С. 7-13. <https://elibrary.ru/nulgif>
10. Япрыцев И.М. Общественный контроль в системе гражданских инициатив в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина, 2018. 26 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rs01008709622>
11. Ярмоц Е.Н., Рудис А.С. Понятие и признаки общественного экологического контроля // *Вестник Полочского государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки*. 2017. № 6. С. 175-179. <https://elibrary.ru/zulaoj>
12. Гриб В.В. Актуальные проблемы правового развития института общественного контроля в Российской Федерации // *Конституционное и муниципальное право*. 2015. № 11. С. 24-27. <https://elibrary.ru/unswht>

References

1. Matuzov N.I. (1972). *Lichnost'. Prava. Demokratiya. Teoreticheskie problemy sub'ektivnogo prava* [Personality. Rights. Democracy. Theoretical Problems of Subjective Law]. Saratov, Saratov State University Publ., 292 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007359771>
2. Romanovskii G.B. (2001). *Pravo na neprikosnovennost' chastnoi zhizni* [Right to Privacy]. Moscow, MZ-Press Publ., 309 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000746979>
3. Lyubashits V.Ya., Mamyshev A.Yu. (2015). Mekhanizm gosudarstva kak institutsional'naya osnova obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina [The mechanism of the state as an institutional basis for ensuring the rights and freedoms of man and citizen]. *Advances in Law Studies*, vol. 3, no. 6-18, pp. 279-289. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/16368>, <https://elibrary.ru/vkcedt>
4. Afanas'ev V.G. (1973). *Nauchnoe upravlenie obshchestvom (opyt sistemnogo issledovaniya)* [Scientific Management of Society (Experience of System Research)]. Moscow, Politizdat Publ., 391 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007238585>

5. Zabalova O.S. (2012). *Razvitie obshchestvennogo kontrolya v sfere deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Development of Public Control in the Field of Activities of the Executive Authorities of the Russian Federation. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 26 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qfttbj>
6. Kolomytseva O.N. (2007). *Kontrol' obshchestva nad gosudarstvom: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Control of Society over the State. PhD (Law) diss. abstr.]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 34 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/niwaer>
7. Komkova G.N., Berdnikova E.V. (2019). The object and subject of public control in the Russian Federation: theoretical and legal issues. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Research*, no. 4 (112), pp. 11-19. (In Russ.) <https://doi.org/10.34076/2410-2709-2019-4-11-19>, <https://elibrary.ru/ppsgry>
8. Starchikova V.V. (2014). *Obshchestvennyi kontrol' v pravovom gosudarstve: teoretiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Public Control in the Rule of Law: Theoretical and Legal Research. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 27 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zpkfsl>
9. Zubarev S.M. (2011). Ponyatie i sushchnost' obshchestvennogo kontrolya za deyatel'nost'yu gosudarstvennykh organov [The concept and essence of public control over the activities of state bodies]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, no. 5, pp. 7-13. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nulgjf>
10. Yapyrintsev I.M. (2018). *Obshchestvennyi kontrol' v sisteme grazhdanskikh initsiativ v Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Public Control in the System of Civil Initiatives in the Russian Federation: Constitutional and Legal Research. PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, Kutafin Moscow State Law University Publ., 26 p. (In Russ.) Available at: <https://viewer.rsl.ru/rl01008709622>
11. Yarmots E.N., Rudis A.S. (2017). Concept and signs of public environmental control. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Herald of Polotsk State University. Series D. Economics and Law Sciences*, no. 6, pp. 175-179. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zulaoj>
12. Grib V.V. (2015). Current problems of legal development of the institute of public oversight in the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, no. 11, pp. 24-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/unswht>

Поступила в редакцию / Received 27.02.2023

Поступила после рецензирования / Revised 05.06.2023

Принята к публикации / Accepted 16.06.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО SUBSTANTIVE LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-220-228>

Шифр научной специальности 5.1.4

Теоретические и сравнительно-правовые аспекты правового регулирования миграционных процессов в контексте уголовно-правового регулирования

© АБРАМОВА Василиса Игоревна,

преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-4482-1498>, cilvectr90@mail.ru

Аннотация

Постановка проблемы обусловлена тем, что существуют пробелы в правовом регулировании миграционных процессов, а в условиях современной реальности требуется четкое разграничение понятий. Недостаточность терминов не дает правильного юридического толкования, кроме этого, существует проблема, связанная с защитой правового статуса мигранта. Цель работы заключается в исследовании теоретических и сравнительно-правовых аспектов правового регулирования миграционных процессов. Методологическую основу представленной работы составили современные общенаучные методы и приемы познания. Использованы системный метод, метод анализа, статистический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы и другие методы. Рассмотрен правовой статус мигранта в Российской Федерации. Проведено разграничение между понятиями «мигрант» и «незаконный мигрант», «незаконная миграция», а также сформулированы их определения. Проведен анализ правового статуса мигранта в Российской Федерации и в других странах, в частности, США. Рассмотрены нормативно-правовые акты, регулирующие миграционные процессы в России, в частности, трудовую миграцию. Определены правовые статусы «беженца», «вынужденного переселенца», «иностранного гражданина», «лиц без гражданства». Предложено предоставить определенным мигрантам особый статус, при котором будут положены льготы в различных сферах. Установлено, что в случае устранения выявленных пробелов в правовом регулировании будет положительный эффект от развития законодательства, касающегося обеспечения миграционной безопасности России.

Ключевые слова

миграция, незаконный мигрант, фиктивная регистрация, иностранный гражданин, лицо без гражданства

Для цитирования

Абрамова В.И. Теоретические и сравнительно-правовые аспекты правового регулирования миграционных процессов в контексте уголовно-правового регулирования // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 220-228. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-220-228>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-220-228>

Theoretical and comparative legal aspects of the legal regulation of migration processes in the context of criminal law regulation

© Vasilisa I. ABRAMOVA,

Lecturer of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4482-1498>, cilvectr90@mail.ru

Abstract

The formulation of the problem is due to the fact that there are gaps in the legal regulation of migration processes, and in the conditions of modern reality, a clear distinction between concepts is required. The insufficiency of terms does not give a correct legal interpretation, in addition, there is a problem related to the protection of the legal status of a migrant. The purpose of the work is to study the theoretical and comparative legal aspects of the legal regulation of migration processes. The methodological basis of the presented work was made up of modern general scientific methods and techniques of cognition. The system method, the method of analysis, statistical, formal-legal and comparative-legal methods and other methods were used. The legal status of a migrant in the Russian Federation is considered. A distinction is made between the concepts of “migrant” and “illegal migrant”, “illegal migration”, and their definitions are formulated. The analysis of the legal status of a migrant in the Russian Federation and in other countries, in particular, the United States, was carried out. The legal acts regulating migration processes in Russia, in particular, labor migration, are considered. The legal statuses of “refugee”, “forced migrant”, “foreign citizen”, “stateless persons” are defined. It is proposed to grant certain migrants a special status, which will provide benefits in various areas. It has been established that if the identified gaps in legal regulation are eliminated, there will be a positive effect from the development of legislation related to ensuring the migration security of Russia.

Keywords

migration, illegal migrant, fictitious registration, foreign citizen, stateless person

For citation

Abramova, V.I. (2023). Theoretical and comparative legal aspects of the legal regulation of migration processes in the context of criminal law regulation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 220-228 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-220-228>

Введение. Постановка проблемы

В настоящее время миграционные вопросы на международной арене стоят очень остро, в особенности правовое положение мигрантов, а также их уголовная ответственность в случае совершения преступлений. Изучение миграции имеет жизненно важное значение, поскольку рождаемость, смертность и миграция определяют размер населения, темпы его роста и,

следовательно, структуру населения [1, с. 263]. Можем отметить увеличение численности мигрантов за последние несколько лет, а также количества преступлений, совершенных ими.

Согласно статистике, при подсчете числа прибывших и выбывших людей, количество человек составило:

– за 2020 год: +106 474 человек (прибывших: 4 120 743, выбывших: 4 014 269);

– за 2021 год: +429 902 человек (прибывших: 4 277 442, выбывших: 3 847 540)¹.

Глава СКР А.И. Бастрыкин заявил, что «в 2021 году правоохранительными органами было расследовано 36,42 тыс. преступлений, совершенных иностранцами, это почти на 6 % больше, чем в 2020 г. В первом полугодии 2022 г. расследовано 21,048 тыс. преступлений, что также свидетельствует о росте на 10 % по сравнению с тем же периодом прошлого года. При этом 1 тыс. 685 преступлений совершены нелегальными мигрантами»².

По данным статистики МВД, уровень преступности по отдельным статьям растет. Так, за девять месяцев 2022 г. число преступлений с использованием оружия в России выросло почти на 30 %. По темпам роста таких преступлений лидируют Курская (+675 %) и Белгородская области (+213,3 %), г. Москва (+203,2 %). На 21,5 % увеличилось число тяжких и особо тяжких преступлений в составе организованных групп или преступных сообществ³.

Данная тенденция обуславливается такими ключевыми факторами, как социальный и экономический характер, что особенно присуще бывшим странам СНГ, в том числе и по причине удобного географического расположения государств, на которые приходится основной процент мигрировавших в Россию. Кроме того, немаловажным является и факт проведения нашей страной специальной военной операции, в связи с чем в Россию продолжают переезжать граждане Украины и других стран, стремясь получить статус беженца, а впоследствии и российское гражданство. Многочисленные социометрические исследования миграци-

онных процессов показывают, что наибольшее влияние на обстановку в государстве традиционно оказывают такие виды миграции, как трудовая и вынужденная. Естественно, наиболее тяжелые последствия для экономики страны связываются с незаконной миграцией [2, с. 14].

С точки зрения уголовно-правовой политики государства, увеличенный поток миграции оказывает серьезное влияние на общее количество совершаемых преступлений, как напрямую связанных с незаконной миграцией, так и косвенно. Данную проблему в своих работах поднимало немало ученых: С.К. Бреусова, Л.В. Кудрявцева, С.А. Попова, Ю.И. Чернов, А.М. Тесленко, Н.И. Орешина и многие другие.

Так, например, Е.В. Киселева выделила классификацию, по которой можно выявить определенные виды и причины миграции: по территориальному пределу, по длительности, по правомерности осуществления, по степени добровольности, по профессиональным качествам, цели и т. д. [3, с. 33]. Такая классификация достаточно интересна с позиции правильного понимания миграционных процессов. Люди приезжают ради заработка, учебы, посещения туристических мест, к родственникам.

Исходя из этого, необходимо понимать значимость научного анализа рассматриваемой нами проблемы, так как она серьезным образом влияет на реализацию уголовно-правовой политики в России с точки зрения качества и эффективности обеспечения задач уголовного права как такового, ведь, как показывает приведенная выше статистика, некоторые приезжают в страну ради совершения преступлений.

Недостаточность и отсутствие в законодательной сфере некоторых миграционных понятий влечет проблемы в осуществлении его контроля и регулировании. Отсутствие определения «мигрант» в нормативно-правовых актах ставит под угрозу юридическое толкование статуса лица, прибывшего в Российскую Федерацию, а следовательно, образует невозможность оказания определенным лицам помощи ввиду несоответствия правового статуса.

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 10.01.2023).

² СКР фиксирует рост преступлений, совершенных мигрантами в первом полугодии 2022 года // Информационное агентство «Интерфакс». URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/skr-fiksiruot-rost-prestupleniy-sovershennyh-migrantami-v-pervom-polugodii-2022-goda> (дата обращения: 10.12.2022).

³ СКР фиксирует рост числа преступлений, совершенных иностранными гражданами // ИД «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5732307> (дата обращения: 10.12.2022).

Результаты исследования

Для понимания любого научного процесса необходимо тщательное изучение структурного фундамента, которое, как правило, заключается в широком наборе терминов и определений. Зачастую нормативно-правовой документ не дает полноценной трактовки, оставляя раскрытие терминов либо в отсылочной и бланкетной форме, либо не указывают такое вовсе. По этой причине мы подробно рассмотрим базовые определения, характерные для тематики нашей работы. Для начала дадим определения некоторым юридическим статусам, которые уже есть в нормативно-правовых актах нашей страны. Вопросы, связанные с миграционной безопасностью, являются особенно актуальными в наши дни. В условиях напряженной политической обстановки граждане других стран приезжают в Россию по разным причинам. Беженцы, вынужденные переселенцы – всем этим людям нужна поддержка государства, социальное обеспечение, забота и уход. Первым делом стоит выявить разницу между этими двумя понятиями, а также определить, чем и как регулируется деятельность, связанная с миграцией и ее безопасностью.

Беженец – это «лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований... находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться... или... не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений»⁴.

Беженцам предоставляют различные права, которыми обладают граждане своих государств, но важным моментом здесь является то, что беженец – это официальный статус, который выдается органами миграционных служб государств. Граждане других стран проходят достаточно долгую процедуру ради него: получают пропуск, пишут заявление на получение статуса беженца (при этом сроки его рассмотрения могут достигать до трех месяцев), проходят процедуру

сдачи отпечатков пальцев, а в конце – собеседование.

Вынужденный переселенец – «гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию... ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка»⁵.

Иностранное гражданство – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Лицо без гражданства – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства⁶. Представители такого статуса – достаточно частое явление на территории нашей страны. Граждане других стран приезжают в Россию по разным причинам – учеба, работа, туризм. Кроме обозначенных причин миграции мы можем выделить еще и работу в сельскохозяйственной сфере.

Как мы видим, есть четыре базовых юридических статуса, которыми могут обладать лица, приезжающие в Российскую Федерацию либо перемещающиеся по нашей стране. Однако в вопросах социальных выплат и пособий, а также в вопросах уголовной ответственности из СМИ и речи политиков часто можно услышать другое определение – мигрант.

О миграции и мигрантах в научной литературе написано достаточно много. При этом используется различная терминология: «миграция», «мигрант», «международный мигрант», «внутренний мигрант» и т. п. Встречается даже термин «международное миграционное право», хотя говорить о су-

⁴ О беженцах: Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 14.07.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12. Ст. 425.

⁵ О вынужденных переселенцах: Федеральный закон РФ от 19.02.1993 № 4530-1 (ред. от 08.12.2020) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12. Ст. 427.

⁶ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115 (ред. от 29.12.2022 (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

существовании такой отрасли в международном праве пока рано. Понятие миграционного правоотношения применяется для обозначения вида правоотношений, возникающих в процессе территориального перемещения субъекта, в ходе которого он реализует права и обязанности, а также приобретает, изменяет или прекращает принадлежащий ему специальный правовой статус мигранта [4, с. 50].

Некоторые ученые рассматривают миграционное право в широком смысле, включая сюда самые разные вопросы миграции: понятие, виды, субъектный состав, правовое регулирование и др. [5, с. 34]. Кроме этого, некоторые юристы рассматривают понятие «мигрант» и «беженец» как единый правовой статус, в случаях, когда нарушаются основные права человека, такие как право на жизнь, свободу выбора, личную неприкосновенность, право на свободу передвижения и международные принципы [6, с. 149].

Рассматривая суть и содержание термина «миграция», мы сталкиваемся с проблемой, что официального определения для этого понятия не существует. Различные организации дают несколько таких определений, например:

- миграция – это процесс передвижения либо через международную границу, либо внутри страны и охватывает она любой тип перемещения людей, независимо от причин⁷;

- незаконная миграция – перемещение лиц, происходящее за рамками законов, правил или международных соглашений, регулирующих въезд или выезд из государства происхождения, транзита или назначения⁸.

Организация Объединенных Наций определяет мигранта как «лицо, проживающее в чужой стране в течение более одного года, независимо от причин миграции (добровольных или недобровольных) и методов миграции (легальных или нелегальных)»⁹.

⁷ Migration // Компас: пособие по образованию в области прав человека с участием молодежи. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/migration> (дата обращения: 11.12.2022).

⁸ Ключевые условия миграции // Международная организация по миграции. URL: <https://www.iom.int/key-migration-terms> (дата обращения: 06.12.2022).

⁹ Определения // Беженцы и мигранты. URL: <https://refugeesmigrants.un.org/ru/definitions> (дата обращения: 06.12.2022).

Однако это не является точным и правильным определением, ведь мигрантом можно признать любое лицо, которое въехало или перемещается внутри страны вне зависимости от целей.

Зачем же мы пытаемся найти или сформулировать определения данных понятий? В настоящее время, прежде чем исследовать какую-то поставленную задачу, необходимо провести тщательный теоретический анализ, чтобы правильно интерпретировать проблему с юридической точки зрения, а также найти правильное решение.

Так, некоторые граждане других стран приезжают в Россию, имея цель совершить преступление. Соответственно, необходимо сформулировать еще одно определение – незаконный мигрант. Для этого необходимо проанализировать статью 322 УК РФ.

В данной статье рассматривается уголовная ответственность за незаконное пересечение государственной границы. Это характеризуется перемещением без документов и разрешения на данную деятельность, а также запрет касается тех лиц, которым уже был запрещен въезд в Россию. По мнению Н.И. Орешиной, незаконная миграция – это пересечение мигрантами государственных границ независимо от целей и сроков пребывания с нарушением миграционного законодательства [7, с. 43].

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать определение «незаконный мигрант» на основе статьи 322 УК РФ и определения «незаконной миграции». Незаконный мигрант – это лицо, которое пересекло Государственную границу страны без разрешительных документов на право въезда или выезда в эту страну, а также допускает перемещение внутри нее, которое происходит вне рамок законов, правил или международных соглашений.

Разобравшись с определением понятий «мигрант» и «незаконный мигрант», а также «незаконная миграция», необходимо поднять суть вопроса, связанную с правовым статусом мигранта.

Основными нормативными документами, регулирующими миграционную деятельность на национальном уровне, являются:

- Конституция Российской Федерации;

– Федеральные законы (например, Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах», Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 «О вынужденных переселенцах», Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»);

– Указы Президента РФ (например, Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы»; Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»);

– Постановления Правительства РФ (например, Постановление Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 16 августа 2004 г. № 413 «О миграционной карте»);

– Ведомственные нормативно-правовые акты (например, Приказ МВД России от 13 декабря 2019 г. № 940 «Вопросы деятельности Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации»);

– Нормативные правовые акты субъектов РФ, в том числе профильные государственные программы (например, Постановление администрации Тамбовской области от 5 апреля 2013 г. № 332 «Об утверждении государственной программы Тамбовской области «Оказание содействия добровольному переселению в Тамбовскую область соотечественников, проживающих за рубежом» (в ред. Постановления администрации Тамбовской области от 16 августа 2022 г.)).

Данные документы разрешают множество вопросов, связанных с миграцией, регулируют порядок выдачи различных документов. Однако в данных документах все же не хватает конкретики в некоторых понятиях и определениях. Стоит предложить законодателям все же включить в данные нормативные правовые акты соответствующие

юридические трактовки, которые позволят четко регулировать возникающие споры, например, при трудоустройстве или получении образования. При таких обстоятельствах возникает потребность в совершенствовании механизма правового регулирования в сфере трудовой деятельности иностранных граждан [8, с. 66]. Стоит рассмотреть и возможность предоставления дополнительных прав и возможностей в отдельных регионах, где стоит острая нехватка рабочих рук, либо есть отрицательный рост населения.

Разделение мигрантов стоит проводить не только в рамках «законных» и «незаконных», но также и по целям посещения нашей страны. Правильное разграничение упростит процедуру получения разрешительных документов, а также облегчит их проверку при необходимости. Кроме этого, стоит также отделять таких мигрантов, которые имеют два и более гражданства, и применять к ним особый правовой статус.

В других странах есть достаточное количество сформулированных определений, которые позволяют разделить мигрантов на смежные категории. Рассмотрим некоторые из них на примере США:

– законный постоянный житель США (Legal Permanent Resident) – это лицо, не являющееся гражданином США, но обладающее иммиграционной визой или находящееся в процессе изменения статуса и получения гражданства;

– неиммигранты – это граждане других стран, которым разрешен въезд в Соединенные Штаты на ограниченный период времени на основании временной (неиммиграционной) визы. К неиммигрантам относятся студенты, туристы, сезонные рабочие, бизнесмены, руководители высшего звена и дипломаты;

– иммиграция с целью воссоединения семьи. Граждане и постоянные жители США имеют право обратиться в Службу по делам гражданства и иммиграции США с просьбой о выдаче их родственникам иммиграционных виз¹⁰.

¹⁰ Законные способы иммиграции в США // White & Associates. URL: https://bridgewest.ru/visa_services/usa-immigration-info/legitimate_ways/ (дата обращения: 11.12.2022).

В США существуют специальные брошюры для беженцев и лиц, получивших убежище. Так, они имеют право проживать и работать в любом штате страны, учиться в школе, получить права на управление транспортным средством, а также получить статус законного постоянного жителя и гражданина США. Кроме прав, у них есть также и обязанности: соблюдать законы страны, платить налоги, встать на учет в службе призыва в армию (в случае, если возраст находится в пределах от восемнадцати до двадцати шести лет), сообщать информацию о любых изменениях в адресе проживания. Несовершеннолетние дети таких мигрантов обязаны ходить в школу¹¹.

Таким образом, в США есть достаточно категорий мигрантов, на которые подразделяются в зависимости от причин нахождения в стране. В Российской Федерации, как мы отметили выше, такого разнообразия нет, однако опыт США можно перенять, выбрав наиболее интересные и важные варианты. Укрупнение нескольких понятий в один тип может облегчить и упростить некоторые бюрократические процедуры, позволит ввести единый бланк-заявку или разрешающий на посещение страны документ.

Как нам кажется, законодательно, в России, помимо основных определений, не хватает такого понятия, как «неиммигранты». Возможно, данный тип стоит назвать несколько по-другому, однако выделение таких категорий, как туристы, студенты (проходящие обучение в нашей стране), трудящиеся (приезжающие на сезонные работы или по бизнес-вопросам), а также других персон, которые не имеют цели постоянно находиться на территории нашей страны, сказалось бы весьма благосклонно на юридическом статусе таких лиц.

Интересным кажется и понятие «постоянный житель», однако его стоит рассматривать с позиции срока проживания на территории субъекта России. К примеру, есть достаточно много людей, не граждан РФ, которые не задерживаются надолго в одном городе или области и часто переезжают с

места на место в силу разных причин. В законодательстве нашей страны есть такие понятия, как «место жительства» и «место пребывания», но они обозначают только позицию постоянного и временного проживания. Мы же говорим именно о статусе такого лица, но не об отмене регистрационных моментов. Если человек проживает на территории России определенный срок и не собирается уезжать из страны, стоит также и предоставлять ему особый статус – постоянный житель, в рамках которого ему положены определенные льготы. В случае же переезда в другую область – лишать такого статуса, пока он не проживет на ее территории достаточное количество времени. Предлагается популяризовать некоторые регионы, которые нуждаются в качественных специалистах путем предоставления льгот в различных сферах жизни.

Заключение

На основании всего изложенного выше можно сделать некоторые выводы. В настоящее время войны являются главным основанием для бегства иностранных граждан из своих стран. Другие угрозы, такие как убийства родственников или соседей, перемещение, политическое угнетение, постоянная этническая или религиозная дискриминация, также являются частыми причинами получения статуса «беженец». Техногенные и экологические катастрофы, потеря основных жизненных ресурсов (экономических, социальных, медицинских и т. д.), повсеместная коррупция или неустроенные экономические или социальные условия жизни могут также достаточно негативно сказываться на жизни мигрантов [9, с. 55]. Рассмотрев правовой статус мигранта в Российской Федерации на основе нормативно-правовых актов, регулирующих миграционные процессы, мы отметили пробелы в законодательстве, в частности, в теории. Недостаточность терминов только путает и не дает правильного юридического толкования. Не хватает таких понятий, как «мигрант», «незаконный мигрант», а также отдельных категорий, которые будут отражать цели приезда в нашу страну. Предлагается урегулировать правовую базу необходимыми понятиями с помощью предложенных трактовок. Кроме недостатка определений возникает также

¹¹ USCIS приветствует беженцев и лиц, получивших убежище // Брошюра M-1186-R (4/20). URL: https://www.uscis.gov/sites/default/files/document/brochures/M_1186_R.pdf (дата обращения: 15.12.2022).

проблема, связанная с защитой правового статуса мигранта, так как не известно, кто именно подпадает под категорию международных мигрантов. Полагаем, что правовая регламентация термина международной миграции позволит разрешить данную проблему [10, с. 6]. При проведении сравнительного анализа правового статуса мигранта в США и Российской Федерации был сделан вывод о том, что необходимо заимствовать некоторые термины из зарубежного законодательства для упрощения бюрократических процедур. Важно отметить, что необязательно расширять и вводить трактовку абсолютно всех терминов в основополагающие законы, затрагивающие вопросы уголовного права как такого. Достаточно внести изменения в сопутствующие документы с отсылочным характером, ведь таким образом не будет нарушаться структура и необходимая простота использования основных законов. В силу состояния современного общества, не только российского, но и в целом мирового, обеспечение миграционной безопасности является важной задачей для любого государства мира, в особенности для Российской Федерации, ввиду ее геополитического расположения на карте мира. Мигранты дают нашей стране достаточно много положительных моментов: Россия получает хорошее развитие экономики в связи с притоком рабочей силы, увеличение демографии.

Практическое значение состоит в грамотном и качественном обеспечении миграционной безопасности в нашей стране, а для

этого законодательство должно обладать рядом особенностей, которые будут учитывать как культурно-социальные ценности того или иного региона нашей державы, так и экономические особенности России. Необходимо понимать, что дальнейшее развитие законодательства по данному вопросу является насущной необходимостью для России. Важно сочетать в этих законодательных изменениях не только правовую четкость и грамотность написания различных норм и правил поведения, но и качественно вписать в эти нормы положения, которые в полной мере смогут отразить всю многополярную составляющую существования нашего государства. Стоит создать не только новые определения правовых статусов мигрантов, но и отразить их права и обязанности в зависимости от целей, сроков нахождения на территории России, конкретного субъекта, а также условия, при которых можно лишиться всех привилегий. При таком благоприятном развитии событий мы будем в полном праве рассчитывать на положительный эффект от развития законодательства, касающегося обеспечения миграционной безопасности России. Мы не только сможем обеспечить национальную безопасность страны в сфере миграционного правового регулирования, но и приобретем важный экономический и социальный материал в виде притока новых рабочих рук и умов в лице мигрантов, которые впоследствии смогут вывести показатели жизни в нашем государстве на принципиально иной уровень.

Список источников

1. Попова С.А., Чернов Ю.И. Соотношение конституционно-правового и административно-правового регулирования статуса мигрантов // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 2. С. 263-267. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/51/30>, <https://elibrary.ru/yzzlxn>
2. Лампадова С.С., Воронина О.В., Сахарова Т.А. Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2017. 392 с. <https://elibrary.ru/tiibwf>
3. Киселева Е.В. Международно-правовое регулирование миграции. М.: Изд-во Юрайт, 2022. 241 с. <https://elibrary.ru/ucbqve>
4. Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Миграционное право России. М.: Изд-во Юрайт, 2022. 505 с.
5. Тесленко А.М. О терминах «мигрант» и «международный мигрант» // Российский юридический журнал. 2019. № 5 (128). С. 34-39. <https://elibrary.ru/vimqxx>
6. Бреусова С.К., Кудрявцева Л.В. Нарушение правового статуса мигрантов и беженцев // Modern Science. 2021. № 12-3. С. 147-150. <https://elibrary.ru/gxiyx>
7. Орешина Н.И. К вопросу об определении понятия миграция // Юридический мир. 2010. № 3. С. 43-46. <https://elibrary.ru/llfxsl>

8. Дутов П.О. Современное состояние и основные направления совершенствования внешней трудовой миграции // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 65-69. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10073>, <https://elibrary.ru/kxeczw>
9. Кузьмин Ю.А. Мигранты как потенциальные жертвы преступлений: виктимологический аспект // Oeconomia Et Jus. 2021. № 1. С. 52-59. <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2021-1-52-59>, <https://elibrary.ru/dfvwiz>
10. Похлебаева А.В. Понятие миграции и ее классификация // Международное право и международные правоотношения. 2005. № 3. С. 4-10. URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2005-3/2005-3-pohlebaeva>

References

1. Popova S.A., Chernov Yu.I. (2020). Onstitutional-legal and administrative-legal bases of the status of migrants. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, vol. 6, no. 2, pp. 263-267. (In Russ.) <https://doi.org/10.33619/2414-2948/51/30>, <https://elibrary.ru/yzzlxxn>
2. Lampadova S.S., Voronina O.V., Sakharova T.A. (2017). *Gosudarstvenno-pravovye osnovy migratsii i migratsionnykh protsessov* [State-Legal Foundations of Migration and Migration Processes]. St. Petersburg, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 392 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tiibwf>
3. Kiseleva E.V. (2022). *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie migratsii* [International Legal Regulation of Migration]. Moscow, Urait Publ., 241 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ucbqve>
4. Zherebtsov A.N., Malyshev E.A. (2022). *Migratsionnoe pravo Rossii* [Migration Law of Russia]. Moscow, Urait Publ., 505 p. (In Russ.)
5. Teslenko A.M. (2019). On the concepts of “migrant” and “international migrant”. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, no. 5 (128), pp. 34-39. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vimqxx>
6. Breusova S.K., Kudryavtseva L.V. (2021). Narushenie pravovogo statusa migrantov i bezhentsov [Violation of the legal status of migrants and refugees]. *Modern Science*, no. 12-3, pp. 147-150. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gxiixx>
7. Oreshina N.I. (2010). K voprosu ob opredelenii ponyatiya migratsiya [On the issue of the definition of the concept of migration]. *Yuridicheskii mir* [Legal World], no. 3, pp. 43-46. (In Russ.) <https://elibrary.ru/llfxsl>
8. Dutov P.O. (2019). Current state and main directions for improvement of the external labor migration process. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2, pp. 65-69. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10073>, <https://elibrary.ru/kxeczw>
9. Kuz'min Yu.A. (2021). Migrants as potential victims of crime: victimological aspect. *Oeconomia Et Jus*, no. 1, pp. 52-59. (In Russ.) <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2021-1-52-59>, <https://elibrary.ru/dfvwiz>
10. Pokhlebaeva A.V. (2005). The concept and classification of migration. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye pravootnosheniya = Journal of International Law and International Relations*, no. 3, pp. 4-10. (In Russ.) Available at: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2005-3/2005-3-pohlebaeva>

Поступила в редакцию / Received 22.01.2023

Поступила после рецензирования / Revised 11.04.2023

Принята к публикации / Accepted 14.04.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.82

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-229-237>

Шифр научной специальности 5.1.3

Генезис правовых основ деятельности гражданской авиации как перспектива решения проблем правового регулирования обеспечения безопасности авиационных пассажирских перевозок

© АСТАХОВ Анатолий Игоревич,

аспирант, Юридический факультет, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Российская Федерация, 125315, г. Москва, просп. Ленинградский, 80, корп. Г, <https://orcid.org/0009-0003-8554-0224>, astahov1235344@mail.ru

Аннотация

Обязательным условием выполнения рейсов воздушным транспортом является должное обеспечение безопасности. Она может быть реализована при наличии системы нормативно-правового регулирования, сформировавшейся в ходе становления гражданской авиации. Исследование нормативных актов, принятых с момента зарождения нормотворческого регулирования деятельности гражданской авиации и, соответственно, выделение основных этапов развития в области обеспечения безопасности полетов необходимо в целях устранения проблем современного законодательного регулирования с учетом опыта прошлого. Раскрыты основные проблемы правового регулирования обеспечения безопасности авиаперевозок, на основе которых сделан вывод о необходимости их устранения путем анализа правовых основ деятельности гражданской авиации. Кроме того, рассмотрены содержание понятия «авиационная безопасность», а также систематизация имеющихся в юридической литературе взглядов исследователей по поводу сопоставления данного термина с «безопасностью полетов». Методологической основой исследования явились следующие методы познания объективной действительности: общенаучные (анализ, синтез, метод комплексного подхода), специальный конкретно-исторический метод, а также частнонаучные методы (формально-юридический и сравнительно-правовой). В результате исследования проанализированы основные нормативно-правовые акты, утверждаемые органами государственной власти по мере становления системы обеспечения безопасности авиаперевозок. Сформирована периодизация развития правового регулирования обеспечения безопасности полетов, на основе которой сделан вывод о появлении недостатков правового регулирования обеспечения безопасности на воздушном транспорте в определенный период его развития.

Ключевые слова

воздушное судно, авиаперевозки, гражданская авиация, правовое регулирование, обеспечение безопасности полетов

Для цитирования

Астахов А.И. Генезис правовых основ деятельности гражданской авиации как перспектива решения проблем правового регулирования обеспечения безопасности авиационных пассажирских перевозок // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 229-237. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-229-237>

The genesis of the legal foundations of civil aviation as a prospect for solving the problems of legal regulation of ensuring the safety of aviation passenger transportation

© Anatoly I. ASTAKHOV,

Post-Graduate Student, Law Faculty, Non-state private educational Institution of Higher Professional Education “Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, G bldg, 80 Leningradsky Ave., Moscow, 125315, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0003-8554-0224>, astahov1235344@mail.ru

Abstract

A prerequisite for the performance of flights by air is proper security. It can be implemented if there is a system of legal regulation that has been formed in the course of the formation of civil aviation. The study of regulations adopted since the inception of the rule-making regulation of civil aviation activities and, accordingly, the identification of the main stages of development in the field of ensuring flight safety is necessary in order to eliminate the problems of modern legislative regulation, taking into account the experience of the past. The main problems of legal regulation of ensuring the safety of air transportation are revealed, on the basis of which it is concluded that they need to be eliminated by analyzing the legal foundations of civil aviation. In addition, the content of the concept of “aviation safety”, as well as the systematization of the views of researchers available in the legal literature regarding the comparison of this term with “flight safety”, are considered. The methodological basis of the study was the following methods of cognition of objective reality: general scientific (analysis, synthesis, the method of an integrated approach), a special concrete historical method, as well as private scientific methods (formal legal and comparative legal). As a result of the study, the main regulatory and legal acts approved by public authorities as the system for ensuring the safety of air transportation is being developed. A periodization of the development of the legal regulation of flight safety was formed, on the basis of which a conclusion was drawn about the appearance of shortcomings in the legal regulation of ensuring safety in air transport in a certain period of its development.

Keywords

aircraft, air transportation, civil aviation, legal regulation, flight safety

For citation

Astakhov, A.I. (2023). The genesis of the legal foundations of civil aviation as a prospect for solving the problems of legal regulation of ensuring the safety of aviation passenger transportation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 229-237 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-229-237>

Введение

На сегодняшний день воздушный транспорт лидирует среди всех видов передвижения транспортного комплекса. Обеспечение безопасности на воздушном транспорте имеет первостепенное значение при эксплуатации воздушных судов. Степень обеспечения безопасности авиаперевозок обусловлена наличием комплекса нормативно-правовых актов, направленных на регулирование данного процесса.

В настоящее время законодательное регулирование обеспечения безопасности авиационных пассажирских перевозок несовершенно. В первую очередь, это связано с тем, что нормативные акты предыдущих де-

сятилетий закрепили экстенсивный путь развития гражданской авиации. Данный фактор оказал прямое влияние на нормотворчество современного этапа, снижая его эффективность. Правовое регулирование обеспечения безопасности полетов характеризуется отсутствием упорядоченности, а также наличием несогласованностей правовых норм внутри различных нормативных актов. Кроме того, аналогичные вопросы регулируются документами различных ведомств, что создает громоздкую систему правового регулирования. Трудности усугубляются и тем, что отсутствует единый нормативно-правовой акт, который бы трактовал все вопросы, связанные с обеспе-

чением безопасности на воздушном транспорте.

В последние годы проблемам и истории развития правового регулирования обеспечения безопасности авиационных пассажирских перевозок было уделено внимание в работах А.Ю. Пиджакова, М.Ю. Лебедевой, Л.М. Агекяна, В.Д. Путятина, С.Н. Зайковой, И.В. Минникес, М.Д. Эситашвили, Д.В. Мешанкова, Н.Б. Бовиновой, М.Н. Верхолец. В этих трудах содержатся фундаментальные основы нормотворчества деятельности гражданской авиации, а также обозначены некоторые проблемы, существующие в данной области права.

Следует отметить, что правовая основа деятельности гражданской авиации ежегодно обновляется. Органами государственной власти принимаются новые нормативно-правовые акты и стандарты в области обеспечения полетов по перевозке пассажиров, а также изменяются правовые нормы, действовавшие прежде. Между тем основной опорной точкой формирования законодательства в данной области остаются нормы права, принимаемые на протяжении всей истории обеспечения транспортной безопасности.

Следовательно, выделение основных этапов развития в области обеспечения безопасности полетов на основе анализа принимаемых на протяжении всего исторического развития правовых норм, регулирующих авиаперевозки, необходимо в целях решения названных выше проблем, оказывающих влияние на состояние законодательства в области защищенности полетов.

Результаты исследования

Обеспечение безопасности перевозок, осуществляемых воздушным транспортом, относится к одному из главных аспектов гражданской авиации. Развитие данной области характеризуется небольшим периодом истории, что обусловлено спецификой воздушного транспорта, получившего распространение и законодательное регулирование лишь в XX веке.

Однако в литературе отмечается наличие актов, регулирующих обеспечение безопасности на воздушном транспорте, существование которых приходится на XIX век. Так, в период правления Екатерины II был издан Указ о запрещении пускать воздуш-

ные шары с 1 марта по 1 декабря из-за опасности возникновения пожаров (1784 г.) [1, с. 38]. Основное назначение данного акта заключалось в том, чтобы обезопасить граждан и их имущество от последствий, полученных в результате падения шара. В свою очередь, во Франции такие полеты допускались только в случае наличия специального разрешения Правительства [2, с. 8]. Кроме того, запрету последовали иные иностранные государства: Пруссия, Италия, Бельгия, Австрийские Нидерланды.

На начало XX века приходится рождение авиационной промышленности в России. В 1910 г. был выпущен первый биплан «Россия-А», сконструированный А. Фарманом [3, с. 419]. Вслед за этим в 1914 г. началось производство самолета «Илья Муромец» на основе конструкции И.И. Сикорского. Именно он стал первым воздушным судном (ВС), совершившим полеты по перевозке пассажиров по линии Сарапул – Екатеринбург.

В результате свержения самодержавия в 1917 г. началось стремительное развитие гражданской авиации. Было принято решение о создании к середине XX века стройной системы правовых норм, регулирующих авиаперевозки.

Воздушный флот стал перспективной развивающейся отраслью народного хозяйства. Воздушные суда стали использоваться в качестве полноценного вида транспорта в интересах населения и народного хозяйства государства [4, с. 55].

Первым правовым актом, положившим начало формированию правового регулирования авиационных полетов в советском государстве, стал Декрет «О воздушных передвижениях» от 17 января 1921 г., принятый СНК РСФСР. Данный документ, несмотря на небольшой объем – четыре раздела, состоящие из двадцати шести статей, регулировал следующие вопросы:

- 1) требования обязательной регистрации и приписки к аэродрому ВС, а также пилота, совершающего полеты;
- 2) условия производства полетов, в том числе требования к лицам, пилотирующим ВС;
- 3) правила осуществления международных полетов с участием иностранных ВС;

4) ответственность пилотов и владельцев ВС за причиненные убытки¹.

Декрет послужил основой для принятия основного нормативно-правового акта, регулирующего деятельность гражданской авиации – Воздушного кодекса СССР, утвержденного 27 апреля 1932 г. Президиумом ЦИК СССР. Его положения были нацелены на охрану всего воздушного пространства над территорией и территориальными водами Советского государства. Помимо этого, он регулировал порядок деятельности гражданской авиации в целях обеспечения безопасности полетов ВС.

Воздушный кодекс содержал права и обязанности командира ВС. Согласно статье 24 Кодекса командир судна, находящегося в полете, имеет право применить все необходимые меры к лицам, отказавшимся подчиняться распоряжениям и создающим угрозу безопасности полета². Также в соответствии со статьей 25 Кодекса командир судна обязан принять необходимые меры к сохранению жизни, здоровья и имущества пассажиров, а также самого судна в случае возможной опасности или бедствия судна³.

Требования безопасности предъявлялись и к аэродромам. Указывалось, что они должны быть снабжены разрешением на эксплуатацию, а также промаркированы в целях опознавания с высоты и ориентировки летного состава при взлете и посадке.

Следующим нормативным актом, регулирующим в частности обеспечение безопасности авиаперевозок, стал Воздушный кодекс СССР от 7 августа 1935 г.

Небольшой период между принятием названных документов был оправдан необходимостью более четкого регулирования вопросов обеспечения безопасности полетов и перевозок пассажиров воздушным транспортом вследствие стремительного развития гражданской авиации.

¹ О воздушных передвижениях: Декрет СНК РСФСР от 17.01.1921: принят Декретом Совета Народных Комиссаров 17.01.1921 // Известия. 1921. № 24. 4 февр.

² Воздушный кодекс Союза ССР от 27.04.1932 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. 1932. № 32. Ст. 194а.

³ Там же.

Воздушный кодекс 1935 г. содержал следующие нововведения:

- введение общеобязательных правил о защите порядка и безопасности воздушных передвижений, а также охране имущества ВС;

- установлена административная ответственность лиц, создающих угрозу безопасности полета;

- регламентирован предельный размер штрафа за нарушение правил безопасности в сумме 500 рублей [5, с. 93];

- закреплены требования к полетам: наличие специальной предварительной подготовки и проверки ВС, экипажа, исправности необходимого оборудования в месте вылета и назначения, возможность выполнения полета при данных метеорологических условиях;

- установлена ответственность капитана ВС за техническое состояние ВС и его оборудование во время полета, присутствие полетной карты и ознакомление с ней, наличие необходимого для выполнения полета запаса топлива, а также надлежащее состояние экипажа;

- регламентирован порядок заключения и расторжения договора воздушной перевозки;

- установлена обязанность пассажиров соблюдать положения Кодекса, а также иные правила, принятые в его исполнение;

- регламентировано право воздушнотранспортного предприятия на немедленное расторжение договора перевозки без возвращения платы в случае несоблюдения данных условий;

- урегулированы вопросы, возникающие в случае отмены или перерыва рейса;

- установлена имущественная ответственность предприятия, эксплуатирующего ВС за причиненный вред пассажирам, если не докажет, что вред произошел вследствие наличия вины (умысла или грубой неосторожности) потерпевшего;

- регламентирован претензионный порядок по рассмотрению незаконных действий, вытекающих из воздушной перевозки⁴.

С наступлением Великой Отечественной войны развитие гражданской авиации было временно приостановлено. Как отмечал

⁴ Воздушный кодекс Союза ССР от 07.08.1935 // Собрание законов СССР. 1935. № 43. Ст. 359.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков: «Воздушный транспорт из-за отсутствия большого числа самолетов не играл в перевозках большой роли. Однако были случаи, когда совершать перевозки возможно было только с использованием воздушных судов, тогда такой вид транспорта имел определяющее значение»⁵.

Авиаперевозки были необходимы в целях срочной доставки продовольствия и снаряжения в труднодоступные районы, а также дефицитных материалов на заводы по производству военной техники [6].

За время боевых действий пострадали аэродромы, склады, обслуживающие воздушные суда предприятия, а также было повреждено и уничтожено большое число самолетов. Требовалось время на восстановление. Спустя год после завершения войны работа гражданского воздушного флота была восстановлена и переориентирована на эксплуатацию в мирных условиях.

В течение последующего десятилетия происходило увеличение числа внутренних и международных пассажирских авиаперевозок. Организация полетов была реформирована, вследствие чего требовалось принятие актуального нормативного правового акта, регламентирующего обеспечение безопасности авиационных пассажирских перевозок и отвечающего требованиям современности.

Проект нового Воздушного кодекса СССР был подготовлен ко второй половине 1959 г. Главным управлением Гражданского воздушного флота и Юридической комиссией при Совете Министров СССР [2, с. 12]. 26 декабря 1961 г. Воздушный кодекс СССР был утвержден указом Президиума Верховного Совета СССР.

Положениями Воздушного кодекса 1961 г. были подробно урегулированы вопросы обеспечения безопасности полетов. В частности, в статье 24 Кодекса указано, что лица, создающие своими действиями угрозу безопасности полета, могут быть удалены с судна, а в случае совершения преступления переданы правоохранительным органам⁶.

⁵ Антипенко Н.А. На главном направлении. Минск: Беларусь, 1982. С. 108.

⁶ Воздушный кодекс Союза ССР от 26.12.1961 // Министерство гражданской авиации СССР. М., 1966. 93 с.

Также ужесточен порядок допуска к эксплуатации аэродрома с целью обеспечения охраны пассажиров. В случае несоответствия аэропорта требованиям безопасности Министерство гражданской авиации полномочно запретить или ограничить его работу.

Все возникающие в полете естественные препятствия, способные привести к инциденту, должны иметь обозначение на навигационных картах. В свою очередь, искусственные препятствия должны быть оснащены знаками и световыми сигналами, видимыми воздушным судном с высоты.

Впервые регламентированы меры административного принуждения, направленные на обеспечение безопасности перевозок, осуществляемых воздушным транспортом. В соответствии со статьей 96 Кодекса органы гражданской авиации, милиции, таможенные учреждения и пограничные войска имеют право производить досмотр ручной клади, багажа и личный досмотр пассажиров. Он может быть осуществлен как на территории аэродрома, так и во время полета на борту воздушного судна. В последнем случае не требуется согласия лица⁷.

Кроме того, изменен предельный размер штрафа за нарушение правил безопасности, теперь он указывается в правилах об охране порядка и безопасности движения, об охране имущества, а также санитарных и противопожарных правилах и не должен превышать 30 рублей для должностных лиц и 10 рублей в отношении граждан.

Принятие нового Воздушного кодекса СССР в 1983 г. было обусловлено стремительным увеличением полетов пассажирских самолетов, а также необходимостью приведения к единообразию норм, регулирующих использование воздушного пространства. Действие Кодекса было расширено посредством распространения его положений на деятельность государственной и экспериментальной авиации [7, с. 282].

Вновь изданный Воздушный кодекс содержал следующие юридические нормы в части обеспечения безопасности авиаперевозок:

1) осуществление надзора органами государственной власти за обеспечением безо-

⁷ Там же.

пасности полетов возлагалось на Госавианадзор СССР;

2) наделение командира ВС полномочи-ем на применение оружия к лицам, создаю-щим своими действиями непосредственную угрозу безопасности полета и отказавшимся следовать его указаниям;

3) наделение командира ВС полномочи-ем на опорожнение топливного бака, сброс багажа, почты и груза в случае необходимости надлежащего обеспечения безопасности полета;

4) установление запрета на реализацию любого вида деятельности, представляюще-го угрозу безопасности полетов без специ-ального разрешения (пуск ракет, взрывные работы, стрельбы, запуск беспилотных ВС);

5) расширение перечня противозакон-ных деяний, влекущих ответственность за нарушение правил безопасности полетов: нарушение правил пожарной безопасности, повреждение ВС и его оборудования, про-ход и проезд по территории аэродрома без специального разрешения, поджог взрыво-опасных изделий или объектов, способст-вующих массовому скоплению птиц на мес-те размещения аэродрома;

6) наделение перевозчика правом:

– на расторжение с пассажиром догово-ра воздушной перевозки в случае его отказа на производство досмотра в аэропорту (пла-та за перевозку возвращается пассажиру);

– переносить или отменять вылет;

– делать остановки и совершать посадки за время всего полета;

– производить необходимые ремонтные работы;

– изменять маршрут или прекращать полет;

– сокращать число находящихся на бор-ту пассажиров, груза и почты⁸.

Стоит отметить, что термин «авиацион-ная безопасность» не использовался в тексте Воздушного кодекса СССР в связи с тем, что политическое руководство исключало возможность дезорганизации деятельности воздушных судов [8, с. 47].

Некоторые вопросы были урегулирова-ны в Положении об использовании воздуш-

ного пространства СССР, утвержденном 22 марта 1984 г.⁹ Так, действовал разреши-тельный порядок на осуществление деятель-ности, угрожающей безопасности полетов ВС. Вместе с тем согласование с органами и организациями, ответственными за аэродро-мы, обязательно для размещения материаль-ных объектов на их территориях.

Очередной проект Воздушного кодекса был подготовлен к 1991 г., однако распад Со-ветского Союза несколько дестабилизировал систему авиационных пассажирских перево-зок. Авиакомпания «Аэрофлот», единственно действующая с 1932 по 1992 г., была разде-лена на несколько самостоятельных авиа-транспортных объединений.

Воздушный кодекс РФ был утвержден лишь 19 марта 1997 г. и действует в настоя-щее время с внесенными в него изменения-ми и дополнениями. Обеспечению безо-пасности полетов ВС посвящена отдельная ста-тья 24.1 Воздушного кодекса РФ, где указа-ны следующие положения:

1) реализация государственной системы управления безопасностью полетов ВС обеспечивается международными стандар-тами ИКАО;

2) Правительство РФ устанавливает по-рядок разработки и применения систем управления безопасностью полетов ВС юри-дическими лицами, осуществляющими ком-мерческие авиаперевозки, техническое и аэронавигационное обслуживание ВС, а так-же разработчиками и производителями ВС;

3) сбор и анализ данных о возможном наступлении опасности в полете, их хране-ние и обмен ими осуществляет уполномо-ченный орган в сфере гражданской авиации на основании международных стандартов ИКАО¹⁰.

Воздушный кодекс РФ также раскрыва-ет содержание термина «авиационная безо-пасность», понимая под ней состояние за-щищенности авиации от незаконного вме-шательства в деятельность в области авиа-

⁹ Об утверждении Положения об использовании воздушного пространства СССР: постановление Сове-та Министров СССР от 22.03.1984 № 251 // Свод зако-нов СССР. 1989. Т. 8. 574 с.

¹⁰ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7351.

⁸ Воздушный кодекс Союза ССР от 11.05.1983 № 9275-Х // Свод законов СССР. 1989. Т. 8. 574 с.

ции. Исходя из данного определения, многие авторы приходят к выводу о специальном характере авиационной безопасности применительно к транспортной безопасности [9, с. 345]. При этом отмечается, что термин «безопасность полетов» не является тождественным авиационной безопасности. В определенном контексте безопасность полетов может трактоваться по-разному, к примеру, как отсутствие факторов, способных привести к ущербу [10, с. 161].

Дальнейшее развитие системы управления безопасностью полетами было обусловлено началом «организационной эры» – появилась электронная система сбора данных, обеспечивающих надзор за безопасностью полетов, в том числе оперативного контроля летных экипажей при выполнении ими служебных обязанностей [11, с. 4].

Положения Воздушного кодекса РФ получили продолжение в других принятых позже нормативных правовых актах, в частности, в Федеральных правилах использования воздушного пространства РФ 1999 г.¹¹, 2010 г.¹², а также Федеральных авиационных правилах «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей»¹³, которые детально регламентировали порядок обеспечения безопасности авиационных пассажирских перевозок.

Заключение

В результате анализа правовых норм, направленных на обеспечение безопасности авиационных пассажирских перевозок, можно сделать вывод о том, что их закрепление происходило постепенно и состояло в

прямой зависимости от событий, происходящих в стране. Представляется целесообразной следующая периодизация развития правового регулирования обеспечения безопасности полетов:

1909–1917 гг. – предварительный этап, характеризующийся зарождением авиационной промышленности в России.

1917–1932 гг. – стремительное развитие гражданской авиации, принятие решения о создании стройной системы правовых норм, регулирующих авиаперевозки.

1932–1941 гг. – действие Воздушных кодексов СССР 1932 г. и 1935 г., положивших начало правовому регулированию порядка деятельности гражданской авиации в целях обеспечения безопасности полетов воздушных судов.

1941–1945 гг. – временное приостановление развития гражданской авиации.

1945–1950-е гг. – увеличение числа внутренних и международных пассажирских авиаперевозок, принятие решения об утверждении актуального нормативного правового акта, регламентирующего обеспечение безопасности авиационных пассажирских перевозок.

1961–1983 гг. – принятие и действие Воздушного кодекса СССР 1961 г., детально регламентирующего вопросы обеспечения безопасности полетов; впервые регламентированы меры административного принуждения, направленные на обеспечение безопасности перевозок, осуществляемых воздушным транспортом.

1983–1991 гг. – стремительное увеличение полетов пассажирских самолетов, принятие решения о приведении к единообразию норм, регулирующих использование воздушного пространства и, как следствие, принятие и действие Воздушного кодекса СССР 1983 г.

С 1991 г. по настоящее время – период, характеризующийся комплексным урегулированием отношений, возникающих на воздушном транспорте; началось активное развитие правового обеспечения авиационной безопасности с учетом технического прогресса, а также принят ряд нормативных актов, направленных на регулирование авиаперевозок, в частности, Воздушный кодекс РФ и Федеральные авиационные правила.

¹¹ Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 22.09.1999 № 1084 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 40. Ст. 4861.

¹² Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 14. Ст. 1649.

¹³ Об утверждении Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей»: приказ Минтранса России от 28.06.2007 № 82 // Российская газета. 2007. 9 окт.

На основе выделенных этапов развития правового регулирования обеспечения безопасности авиационных пассажирских перевозок можно сделать вывод, что проблемы неупорядоченности, громоздкости и противоречивости нормотворчества рассматри-

ваемой деятельности начались с момента прекращения существования СССР, когда правовое регулирование деятельности гражданской авиации было насыщено большим объемом нормативных актов.

Список источников

1. Агекян Л.М., Путьтин В.Д. История развития путей сообщения, транспортных средств и институтов транспортного права (дореволюционный, советский и постсоветский период) // Вестник транспорта. 2013. № 5. С. 34-39. <https://elibrary.ru/qbjlrf>
2. Волков М.М. Советское воздушное право. Л.: Высш. авиац. училище гражд. авиации, 1969. 50 с. URL: https://aerohelp.com/sites/default/files/volkov_sovetskoe_vozdushnoe_pravo_chast_1.pdf
3. Бочкарева А.С., Хотина Ю.В. К вопросу об истории развития пассажирских перевозок на воздушном транспорте // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2016. № 5. С. 418-425. <https://elibrary.ru/waehul>
4. Лебедева М.Ю., Пиджаков А.Ю. Воздушный транспорт СССР в довоенные годы // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2011. № 170. С. 55-59. <https://elibrary.ru/opxxoz>
5. Зайкова С.Н. Административно-правовое обеспечение транспортной безопасности в истории отечественного законодательства // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 4. С. 83-109. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2021-16-4-zajkova>, <https://elibrary.ru/levrro>
6. Ярошенко А.А. Дальневосточная гражданская авиация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 1 (50). С. 99-103. <https://elibrary.ru/ntwpar>
7. Эргот А.А. Правовое регулирование деятельности авиации общего назначения (становление и развитие) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 279-288. <https://elibrary.ru/rbeoqr>
8. Минникес И.В., Эситашвили М.Д. Правовое регулирование авиационного бизнеса в России: поиск баланса между обеспечением транспортной безопасности и эффективностью авиaperевозок // Пролог: журнал о праве. 2021. № 1 (29). С. 43-53. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2021.1.5>, <https://elibrary.ru/sdgffm>
9. Пешков А.С. Понятие авиационная безопасность и безопасность полетов // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 9. С. 344-347. <https://doi.org/10.34755/IROK.2022.31.68.085>, <https://elibrary.ru/uxryti>
10. Мешанков Д.В. Анализ проблем обеспечения безопасности полетов и оценки убытков в результате авиационных происшествий в военной и гражданской авиации России // Вестник академии знаний. 2021. № 44 (3). С. 161-168. <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-11231>, <https://elibrary.ru/fokgwt>
11. Бовинова Н.Б., Верховец М.Н. Становление системы управления безопасностью полетов в гражданской авиации // Гражданская авиация: история и современность: материалы 2 науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Пенза: Изд-во Пенз. гос. аграр. ун-та, 2020. С. 3-7. <https://elibrary.ru/wpbkvf>

References

1. Agekyan L.M., Putyatyn V.D. (2013). Istoriya razvitiya putei soobshcheniya, transportnykh sredstv i institutov transportnogo prava (dorevolutsionnyi, sovetetskii i postsovetetskii period) [History of the development of means of communication, vehicles and institutions of transport law (pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet period)]. *Vestnik transporta = Transport Massanger*, no. 5, pp. 34-39. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qbjlrf>
2. Volkov M.M. (1969). *Sovetskoe vozdushnoe pravo* [Soviet Air Law]. Leningrad, Higher Aviation School of Civil Aviation Publ., 50 p. (In Russ.) URL: https://aerohelp.com/sites/default/files/volkov_sovetskoe_vozdushnoe_pravo_chast_1.pdf
3. Bochkareva A.S., Khotina Yu.V. (2016). To the question about the history of the development of passenger transportation by air transport. *Elektronnyi setevoi politematicheskii zhurnal «Nauchnye trudy KUBGTU» =*

- Electronic Network Polythematic Journal "Scientific works of Kuban State University"*, no. 5, pp. 418-425. (In Russ.) <https://elibrary.ru/waehul>
4. Lebedeva M.Yu., Pidzhakov A.Yu. (2011). Air transport of the USSR in pre-war years. *Nauchnyi vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoi aviatsii = Civil Aviation High Technologies*, no. 170, pp. 55-59. (In Russ.) <https://elibrary.ru/opxxoz>
 5. Zaikova S.N. (2021). Administrative and legal support of transport security in the history of Russian legislation. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Works of the Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences*, vol. 16, no. 4, pp. 83-109. (In Russ.) <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2021-16-4-zajkova>, <https://elibrary.ru/levrro>
 6. Yaroshenko A.A. (2010). Dal'nevostochnaya grazhdanskaya aviatsiya v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945 gg.) [Far Eastern Civil Aviation during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Administration on the East of Russia*, no. 1 (50), pp. 99-103. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ntwpap>
 7. Ergot A.A. (2013). Legal regulation of general aviation (formation and development). *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, no. 3, pp. 279-288. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rbeoqr>
 8. Minnikes I.V., Esitashvili M.D. (2021). Legal regulation of the aviation business in Russia: finding a balance between ensuring transport security and air transportation efficiency. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Law Journal*, no. 1 (29), pp. 43-53. (In Russ.) <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2021.1.5>, <https://elibrary.ru/sdgffm>
 9. Peshkov A.S. (2022). The concept of aviation safety and flight safety. *Voprosy ustoichivogo razvitiya obshchestva = Issues of Sustainable Development of Society*, no. 9, pp. 344-347. (In Russ.) <https://doi.org/10.34755/IROK.2022.31.68.085>, <https://elibrary.ru/uxryti>
 10. Meshankov D.V. (2021). Analysis of the problems of ensuring flight safety and assessing losses as a result of aviation accidents in the military and civil aviation of Russia. *Vestnik akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*, no. 44 (3), pp. 161-168. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-11231>, <https://elibrary.ru/fokgwt>
 11. Bovinova N.B., Verkhovets M.N. (2020). Stanovlenie sistemy upravleniya bezopasnost'yu poletov v grazhdanskoi aviatsii [The formation of the flight safety management system in civil aviation]. In: Gulyaev G.Yu. (executive ed.). *Materialy 2 nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Grazhdanskaya aviatsiya: istoriya i sovremennost'»* [Proceedings of the 2nd Scientific and Practical Conference with International Participation "Civil Aviation: History and Modernity"]. Penza, Penza State Agrarian University Publ., pp. 3-7. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wpbkvf>

Поступила в редакцию / Received 17.12.2022

Поступила после рецензирования / Revised 25.03.2023

Принята к публикации / Accepted 14.04.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.7+339.187.62

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-238-248>

Шифр научной специальности 5.1.3

Правовые аспекты договора лизинга и особенности лизинговых правоотношений в современной России

© БУЛГАКОВ Владимир Викторович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-5223-1527>, bvv30081960@yandex.ru

© БУЛГАКОВА Дарья Владимировна,

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0003-2847-9431>, dv.bulgakova@mail.ru

Аннотация

Актуальность исследования заявленной темы обусловлена бурным развитием различных видов правоотношений в российском гражданском обществе, а непосредственно в правоотношениях, связанных с предпринимательством и другой экономической деятельностью. Активное развитие рыночной экономики в нашей стране требует большого количества финансирования в разных сферах производства. Государственная политика в сфере экономического развития максимально направлена на развитие и поддержку различных уровней бизнеса. Использование лизинга существенно помогает развитию предпринимательства. Целью исследования служит определение теоретических моментов, требующих пересмотра и уточнения как со стороны ученого сообщества, так и со стороны практикующих юристов, а также выявление пробелов нынешнего законодательства в сфере лизинга. Исходя из названной цели, формируем следующие задачи: исследовать положение договора лизинга в современном законодательстве и цивилистической доктрине, выявить слабые стороны правового регулирования договора лизинга, выявить юридико-технические недочеты нормативных правовых актов в сфере договора финансовой аренды. Методы, используемые в ходе исследования: анализ, синтез, историко-правовой метод, сравнительно-правовой метод. Практическая ценность материала обусловлена тем, что результаты исследования можно использовать при заключении, изменении и расторжении договора финансовой аренды, а также при дальнейшем реформировании данной сферы гражданского законодательства. Теоретическая ценность заключена в возможности использования материалов статьи при дальнейшем исследовании договора финансовой аренды, а также при изучении и преподавании гражданско-правовых дисциплин. В результате исследования выявлены пробелы цивилистической доктрины относительно договора лизинга, сделан вывод о необходимости выделения договора лизинга в качестве отдельной категории договоров, определена необходимость внесения в качестве обязательного условия срока договора лизинга, проанализировано действующее законодательство с точки зрения соответствия ему практики применения договора лизинга, а также со стороны юридико-технических стандартов.

Ключевые слова

лизинг, финансовая аренда, гражданские правоотношения, имущество, лизингодатель, лизингополучатель

Для цитирования

Булгаков В.В., Булгакова Д.В. Правовые аспекты договора лизинга и особенности лизинговых правоотношений в современной России // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 238-248. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-238-248>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-238-248>

Legal aspects of the leasing agreement and features of leasing legal relations in modern Russia

© Vladimir V. BULGAKOV,

PhD (Law), Associate Professor of Civil Law Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-5223-1527>, bvv30081960@yandex.ru

© Daria V. BULGAKOVA,

Senior Lecturer of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2847-9431>, dv.bulgakova@mail.ru

Abstract

The relevance of the study of stated topic is due to the rapid development of various types of legal relations in Russian civil society, and directly in legal relations related to entrepreneurship and other economic activities. The active development of a market economy in our country requires a large amount of funding in various areas of production. The state policy in the field of economic development is maximally aimed at developing and supporting various levels of business. The use of leasing significantly helps the development of entrepreneurship. The purpose of the study is to identify theoretical points that require revision and clarification both on the part of the scientific community and on the part of practicing lawyers, as well as to identify gaps in the current legislation in the field of leasing. Based on the above goal, we form the following tasks: to investigate the position of the leasing agreement in modern legislation and civil law doctrine, to identify the weaknesses of the legal regulation of the leasing agreement, to identify legal and technical shortcomings of regulatory legal acts in the field of the financial lease agreement. Methods used in the course of the study: analysis, synthesis, historical and legal method, comparative legal method. The practical value of the material is due to the fact that the results of the study can be used when concluding, changing and terminating a financial lease agreement, as well as in further reforming this area of civil law. The theoretical value lies in the possibility of using the materials of the study in the further study of the financial lease agreement, as well as in the study and teaching of civil law disciplines. As a result of the study, the gaps in the civilistic doctrine regarding the leasing agreement are identified, the conclusion is made about the need to single out the leasing agreement as a separate category of agreements, the need to make the term of the leasing agreement as a mandatory condition is determined, the current legislation is analyzed from the point of view of its compliance with the practice of applying the leasing agreement, as well as from legal and technical standards.

Keywords

leasing, financial lease, civil legal relations, property, lessor, lessee

For citation

Bulgakov, V.V., & Bulgakova, D.V. (2023). Legal aspects of the leasing agreement and features of leasing legal relations in modern Russia. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 238-248 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-238-248>

Введение. Постановка проблемы

Появление и развитие института лизинга (или финансовой аренды) в нашей стране отличается от других зарубежных стран. В отличие от европейского опыта, где институт появился намного раньше, чем в России, его развитие отличается плавностью и последовательностью; в нашей стране институт финансовой аренды в привычном для нас виде появился ввиду резкого перехода от централизованной экономической системы к рыночной в начале 90-х гг. XX века в связи с прекращением существования СССР и перестроением экономики «на новые рельсы».

Тем не менее, можно выделить примеры элементов лизинговых правоотношений еще и в советское время. Например, известное обеспечение на условиях «ленд-лиза», которое заключалось в поставках США во время Второй мировой войны различной помощи (продовольствие, оружие, медикаменты, техника) в СССР по договору лизинга. Однако схожие правоотношения не получили развития в послевоенное время. Также в конце 1980-х гг. существуют примеры лизинговых правоотношений, связанных с приобретением военной техники у других стран посредством договора лизинга. Но стоит заметить, что лизинговые правоотношения в СССР осуществлялись только самим государством и только в рамках международных экономических отношений. У населения не было возможности стать субъектами рассматриваемых правоотношений.

В рамках перехода к рыночной экономике государство было очень заинтересовано в появлении и развитии лизинговых правоотношений. Но развитию и популяризации их мешал экономический кризис, однако, в свою очередь, распространение института лизинга могло помочь преодолеть его. Власть пыталась поддержать идею развития лизинга: принимались различные постановления и государственные программы, направленные на популяризацию и поддержку лизингового сектора.

В рассматриваемый период времени в России начинают появляться первые лизинговые компании, которые основывались зачастую коммерческими банками. Но стоит заметить, что существовали и такие компании, участниками которых становились

субъекты государственной и/или муниципальной власти. Как правило, такие компании предлагали наиболее выгодные условия лизинга для населения. Такие компании частично финансировались за счет бюджетной системы соответствующего субъекта и предлагали более низкие, чем их полностью коммерческие конкуренты, или даже «нулевые» процентные ставки во исполнение соответствующих государственных программ.

Договор лизинга уже долгое время является предметом пристального внимания ученого сообщества. Свои труды и исследования посвящали данному вопросу А.О. Зернов [1], К.Ф. Тринченко [2], В.А. Золочевский [3] и др.

Сейчас институт финансовой аренды находится в интересной стадии своего развития. Нынешнее состояние экономики позволяет активно использовать договор лизинга, однако, тем не менее, он и по сей день является «экзотикой», причиной этого, на наш взгляд, является ряд непроработанных или недостаточно проработанных вопросов, выявление и анализ которых являются целью настоящего исследования.

Итак, целью исследования является анализ института финансовой аренды на современном этапе развития социально-экономических отношений в России, чтобы определить теоретические моменты, требующие пересмотра и уточнения, а также выявить пробелы нынешнего законодательства в сфере лизинга. Основные проблемы договора финансовой аренды, как нам представляется, – определение его правовой природы, недостаточно четко проработанные нормы законодательства в сфере запрета лизинговых отношений относительно определенных объектов, ряд неточностей юридико-технического характера, выявленных нами в Федеральном законе «О финансовой аренде (лизинге)», на котором базируется реализация договора финансовой аренды и без детальной проработки которого невозможно дальнейшее развитие института лизинга, а также доверие граждан к данному институту.

Результаты исследования

В 1994 г. была учреждена Российская ассоциация лизинговых компаний. Ассоциация начала вести научную, исследовательскую и информационную деятельность, направленную на популяризацию лизинга сре-

ди населения, а также его оптимизацию для российских условий.

В конце 1990-х гг. в России случился экономический кризис, который изначально ударил по институту лизинга. Многие лизинговые компании прекратили свое существование. Однако спустя несколько лет ввиду экономического роста в России количество лизинговых компаний начало расти, и ситуация на лизинговом рынке была восстановлена, даже стал наблюдаться «рост спроса» на финансовую аренду.

Несмотря на то, что институт лизинга в современном виде существует в нашей стране порядка тридцати лет, стоит отметить, что данный институт до сих пор остается на уровне становления. Мы берем на себя смелость предположить, что такая ситуация возникает ввиду некоторых причин: недостаточная развитость инфраструктуры лизинга; высокий уровень налоговых отчислений для лизингодателей на фоне инфляции; недостаточная государственная поддержка лизинга.

Основу правового регулирования договора финансовой аренды составляет Гражданский кодекс Российской Федерации¹, а также Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)»². Согласно этому закону, «договор лизинга – договор, в соответствии с которым арендодатель (лизингодатель) обязуется приобрести в собственность указанное арендатором (лизингополучатель) имущество у определенного им продавца и предоставить лизингополучателю это имущество за плату во временное владение и пользование»³.

На наш взгляд, краеугольной проблемой договора финансовой аренды, выделяемой в правовой доктрине, является определение правовой природы договора лизинга, а также отнесение его к определенному виду договоров, если быть точнее – неуверенность ученого сообщества в том, что на сегодняш-

ний день договор лизинга отнесен к определенной категории верно. Таким образом, хотя Гражданский кодекс РФ и относит договор лизинга в Главу 34 «Аренда», у ученых данный вопрос остается дискуссионным.

Многие исследователи, будучи согласными с законодателем, относят договор лизинга к разновидностям договора аренды, а именно финансовой аренды. Так, доктор юридических наук Ю.С. Харитонova отмечает, что «переплетение функций предоставления имущества во временное пользование в договоре найма при лизинговой операции позволяет говорить о существовании особой разновидности арендных отношений – отношений финансовой аренды» [4, с. 26].

Договор лизинга отождествляется с договором аренды и, по мнению А.П. Белова, который считает, что по договору лизинга «арендатору оборудования предоставляется право использовать его, производя арендодателю периодические платежи в течение согласованного срока» [5, с. 30]. Как нами уже сказано, этой точки зрения придерживается и законодатель, который отнес договор лизинга в ГК РФ в главу 34 «Аренда» и издал федеральный закон, регулирующий договор лизинга, но назвав его при этом Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)». При этом важно понимать значение кредитно-финансовой стороны договора лизинга, в связи с которой ему и дается более расхожее наименование – финансовая аренда [6, с. 36].

Существует и иная точка зрения, которая относит лизинг к самостоятельному виду договора. Главный аргумент этой теории заключается в том, что лизинг содержит в себе элементы нескольких договорных конструкций. Более того, некоторые исследователи утверждают, что договор лизинга – трехсторонняя сделка, что не укладывается исключительно в конструкцию договора аренды [7, с. 133].

Этой теории придерживается, например, И.А. Решетник, считающая, что «договор лизинга интегрирует разнородные по своей природе элементы, среди которых можно выделять черты отношений арендного типа, купли-продажи, договоров об оказании юридических и фактических услуг» [8, с. 7].

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 29 янв. № 5. Ст. 410.

² О финансовой аренде (лизинге): Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. 2 нояб. № 44. Ст. 5394.

³ Там же.

Еще одним аргументом данной теории являются особые, не похожие ни на что более, отношения участников лизинга.

В связи с вышеизложенным, считаем нужным отметить, что мы придерживаемся второй теории, которая относит лизинг к самостоятельному виду договора. Также считаем, что законодательно необходимо провести соответствующий пересмотр правовых норм с целью выделения договора лизинга в отдельный вид договоров.

Предмет договора лизинга заключен в статье 666 ГК РФ. «Предметом договора финансовой аренды могут быть любые непотребляемые вещи, кроме земельных участков и других природных объектов»⁴. Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)» уточняет предмет лизинга и отмечает, что предметом финансовой аренды не может быть «имущество, которое федеральными законами запрещено для свободного обращения или для которого установлен особый порядок обращения»⁵. Нельзя взять в лизинг сырье или какие-нибудь расходные материалы. Они обладают свойством заканчиваться.

Отдельно хотелось бы выделить такую проблему, как недостаточно четко проработанные нормы законодательства в сфере запрета лизинговых отношений относительно определенных объектов. Хотя земельные участки и относятся к недвижимым вещам, но законодатель прямо наложил запрет на их использование в договоре лизинга.

На наш взгляд, данная норма является недоработанной, так как существует много способов обойти этот запрет. Данный запрет можно избежать с помощью Земельного кодекса Российской Федерации, который в части 1 статьи 35 устанавливает переход права собственности на недвижимое имущество (здание, сооружение). Поэтому собственник имеет право пользоваться земельным участком в случае, если на нем расположено его сооружение.

Еще одним способом обойти запрет лизинга земельных участков является договор аренды с последующим выкупом. В договоре аренды может быть предусмотрено, что арендатор имеет право передать земельный участок в субаренду с последующим выкупом этой земли субарендатором, тем самым данное соглашение заменит договор лизинга. То есть, по сути, если наложить данный договор на договор лизинга, то субарендатор будет являться лицом, выполняющим функции арендатора (лизингополучатель) в договоре лизинга, а лицо, которое берет земельный участок в аренду, будет выполнять функции арендодателя (лизингодатель) в договоре лизинга. Собственник земельного участка будет являться продавцом имущества в данном договоре.

Введя данный запрет, законодатель тем самым отметил, что земля – особый природный ресурс. Если это ресурс, то он нуждается в особой охране и защите. В договоре лизинга законодатель рассматривает земельные участки как недвижимое имущество только в связке с другими объектами недвижимости, поэтому отдельно земля не может быть предметом договора. Но на практике данная норма малоэффективна и полностью не защищает интересы Российской Федерации и неопределенного круга лиц, о чем необходимо задуматься законодателю и, возможно, провести реформу с целью урегулирования данного вопроса.

Также предметом договора лизинга является недвижимое имущество, но на данный момент сделки по передаче недвижимости в лизинг составляют очень маленький процент от общего числа таких сделок. Причиной этого является большое количество «подводных камней». Одной из таких проблем является право выбора продавца имущества. Здесь нельзя ничего изменить, так как подобное положение вещей, по мнению С.С. Соломина, «является реализацией принципа свободы договора – центрального принципа гражданского права» [9, с. 41]. Зачастую лицо, желающее приобрести имущество через данный договор, приходит в лизинговую компанию, уже заранее выбрав такого продавца. Но бывает и наоборот, что лизингодатель имеет наработанные связи с продавцами и может предложить потенци-

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 29 янв. № 5. Ст. 410.

⁵ О финансовой аренде (лизинге): Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. 2 нояб. № 44. Ст. 5394.

альному лизингополучателю использовать их. В любом случае каждой стороне нужно быть предельно внимательной, так как согласно части 2 статьи 22 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)» «риск невыполнения продавцом обязанностей по договору купли-продажи предмета лизинга и связанные с этим убытки несет сторона договора лизинга, которая выбрала продавца, если иное не предусмотрено договором лизинга»⁶.

Отметим, что в любом договоре финансовой аренды необходимо четко указывать предмет, который будет передаваться, потому что согласно части 3 статьи 15 Федерального Закона «О финансовой аренде (лизинге)» «в договоре лизинга должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить имущество, подлежащее передаче лизингополучателю в качестве предмета лизинга. При отсутствии этих данных в договоре лизинга условие о предмете, подлежащем передаче в лизинг, считается не согласованным сторонами, а договор лизинга не считается заключенным»⁷. Чтобы такого не произошло, необходимо составить приложение к договору, в котором будет прописано, какие у этого имущества будут характеристики; если это недвижимое имущество, то адрес, кадастровый номер; если это техническое оборудование, то его технические особенности, укомплектованность и иные особенности.

Договор финансовой аренды (лизинга), как и большинство типовых договоров, регулируемых гражданским законодательством, должен быть заключен на определенный срок. Бессрочный договор лизинга является ничтожным.

Таким образом, в случае истечения срока договора лизинга данный договор прекращает существование и перед субъектами больше не остается взаимных прав и обязанностей. Однако субъекты лизинговых правоотношений вправе пролонгировать договор с истекшим сроком действия.

⁶ О финансовой аренде (лизинге): Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. 2 нояб. № 44. Ст. 5394.

⁷ Там же.

Договор лизинга также может прекратить свое правовое действие по требованию лизингодателя в связи с судебной санкцией, примененной к субъекту по различным причинам. Так, лизингодатель имеет право расторгнуть договор в судебном порядке, если лизингополучатель не выполняет или выполняет недобросовестно свои обязанности по договору, а именно: не выплачивает установленную договором лизинговую выплату более двух раз подряд; использование лизингополучателем имущества, которое является предметом договора лизинга, сильно ухудшает его состояние и превышает нормы, указанные договором; использует полученное по договору имущество с явными нарушениями эксплуатационных норм.

Также лизингодатель имеет право на расторжение договора в судебном порядке, если лизингополучателем не выполняются отдельные, указанные в договоре условия. Например, договор предписывает проводить очистку и мойку переданной в лизинг строительной техники ежемесячно в целях сохранения ее работоспособности, а лизингополучатель игнорирует этот пункт договора.

Договор финансовой аренды может быть расторгнут в судебном порядке и по требованию лизингополучателя. Для этого лизингодателем должны быть нарушены следующие условия: лизингодатель не предоставил в установленный договором срок указанное в договоре имущество; имущество, предоставленное лизингодателем, оказалось непригодно для правильной и безопасной эксплуатации.

Хотелось бы выделить особый субъект договора финансовой аренды, а именно лизинговые компании. Согласно части 1 статьи 5 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)», «лизинговые компании (фирмы) – коммерческие организации (резиденты Российской Федерации или нерезиденты Российской Федерации), выполняющие в соответствии с законодательством Российской Федерации и со своими учредительными документами функции лизингодателей»⁸. Признаками лизинговой компании является то, что лизинговая деятельность ведется в соответствии с федеральным законодательством

⁸ Там же.

и учредительными документами организации, а лизинговая компания выполняет функции лизингодателя. Под такие же требования попадает любой субъект, который в договоре финансовой аренды выполняет функции лизингодателя. Отметим особый статус банков. После получения разрешения они могут выполнять лизинговые операции. Получается, что банки являются лизинговыми компаниями, но если буквально толковать статью 5 Федерального закона «О финансовой аренде», то видно, что лизинговые компании выполняют функции лизингодателей. Но на практике мы видим, что лизинговые компании могут осуществлять и иные функции, так как это не запрещено законом, а даже наоборот, в иных нормативно-правовых актах разрешено. По сути, для многих организаций лизинговая деятельность является дополнительной к иным видам деятельности.

Лизинговые компании стоит отличать от лизинговых брокерских фирм. Они отличаются по выполнению функций. Зачастую лизинговые компании используют услуги лизинговых брокеров для повышения выгоды.

Правовые гарантии обеспечения выполнения обязательств по договору лизинга наиболее актуальными являются для малых предприятий. При наличии страховых мероприятий как для лизингодателя, так и для лизингополучателя создается наиболее свободное экономическое пространство. Это позволяет лизинговым компаниям существовать на рынке более свободно, что положительно влияет на экономический рост и развитие предпринимательских отношений в различных сферах.

Следующий аспект, на котором хотелось бы заострить внимание, – страхование лизингового имущества. Именно развитие этого института, на наш взгляд, может позволить повысить уровень доверия населения договору лизинга и побудить к его заключению. Страхование лизингового имущества является очень важным аспектом в рамках рассматриваемого договора, так как на практике риски и ущербы в отношении имущества, являющегося предметом договора лизинга, зачастую могут возникать ввиду неконтролируемых субъектами договора форс-мажорных ситуаций: различных непредви-

денных событий техногенного и природного характера.

В качестве страхования лизинговой деятельности лизингодателя традиционно используют страховые фонды. Лизинговые компании для защиты своего имущества от возможных рисков и ущербов могут формировать на собственной базе страховые фонды, а также обращаться к услугам различных страховых компаний, предоставляющих соответствующие услуги.

Стоит отметить, что формирование собственного страхового фонда является также достаточно рискованным мероприятием и может быть доступно лишь крупным лизинговым компаниям или лизинговым компаниям с государственным участием. Это объясняется сложностью формирования денежного фонда, равного по стоимости всему имуществу, имеющемуся у лизинговой компании, а также невозможностью предсказать в будущем рациональность и необходимость создания такого фонда.

Что касается страхования ответственности лизингополучателя, то существует большое количество страховых компаний, которые занимаются непосредственно страхованием рисков физических и юридических лиц, являющихся получателями имущества по договору лизинга.

Также нам хотелось бы отметить ряд неточностей нормативно-правового регулирования договора финансовой аренды, которые были выявлены в ходе анализа, проведенного в рамках представленного исследования. Как уже неоднократно отмечалось и подчеркивалось ранее, основным нормативным правовым актом, который регулирует договор лизинга, является Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)». Однако в этом законе есть некоторые юридическотехнические недостатки, которые, на наш взгляд, «тормозят» развитие института финансовой аренды. Во-первых, статья 15 указанного закона называется «Содержание договора лизинга». По общему правилу, под содержанием договора понимаются права и обязанности сторон, но в данной статье кроме них указана форма договора, а также возможность заключения иных договоров. Поэтому законодателю необходимо изменить название данной статьи, например, на:

«Содержание и форма договора лизинга». Во-вторых, в статье 4 перечислены субъекты договора лизинга. Там указан лизингодатель, лизингополучатель и продавец. Те субъекты лизинга, которые привел законодатель, являются обязательными для лизинга, но не достаточными для реализации данного договора на практике. По нашему мнению, этот список необходимо расширить и добавить такие субъекты, как кредиторы, страховщики, банки, то есть те, кто принимает участие в финансировании и приобретении лизингового имущества, а также в его страховании. Хотя данные субъекты не всегда участвуют в договорах лизинга, но в российской действительности лишь у небольшого количества лизинговых компаний есть возможность за собственные средства приобретать имущества по заказу лизингополучателя⁹.

Отметим, что существуют и иные недостатки у Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)», а именно в пункте 3 части 1 статьи 4 указанного закона. В данной норме законодатель использует такую фразу: «продавец может одновременно выступать в качестве лизингополучателя в пределах одного лизингового правоотношения». На наш взгляд, данная формулировка является некорректной, так как договор лизинга является сложной, комплексной нормой, в которую могут входить различные правоотношения и иные договора. Поэтому непонятно, в каких именно правоотношениях продавец может выступать в качестве лизингополучателя. Кроме того, данная норма приводит к тому, что невозможно применить часть 2 статьи 10 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)», которая гласит, что «при осуществлении лизинга лизингополучатель вправе предъявлять непосредственно продавцу предмета лизинга требования к качеству и комплектности, срокам исполнения обязанности передать товар и другие требования, установленные законодательством Российской Федерации и договором купли-продажи между продавцом

и лизингодателем»¹⁰. Данную правовую коллизию, на наш взгляд, необходимо урегулировать, поставив в приоритет часть 2 статьи 10, так как ей нельзя пренебречь при заключении договора лизинга, не нарушив тем самым законных прав лизингополучателя.

Но также считаем необходимым отметить следующее. Как видно из части 2 статьи 10 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)», данная норма защищает интересы лизингополучателя. Но существует практика, когда и лизингополучатель, и лизингодатель предъявляют требования к поставщику за один и тот же ущерб. Закон не ограничивает подобные действия. Законодатель четко урегулировал данные случаи, а именно в части 2 статьи 670 ГК РФ сказано, что «в последнем случае арендатор вправе по своему выбору предъявлять требования, вытекающие из договора купли-продажи, как непосредственно продавцу имущества, так и арендодателю, которые несут солидарную ответственность»¹¹.

Для заключения лизинга, как и для заключения любого другого договора, стороны должны договориться по существенным условиям. Существенные условия договора – понятие цивилистики, обозначающее условия, без которых гражданско-правовой договор не считается заключенным. Официально законодатель установил единственное существенное условие – предмет. Если стороны не договорились по поводу существенных условий, то договор будет считаться незаключенным.

М.В. Безуглая считает, что к уже названным условиям необходимо также добавить «условия о сроке лизинга и цене» [10, с. 33]. На наш же взгляд, законодательно необходимо установить в качестве существенного условия срок договора лизинга. Если срок не будет определен, то договор будет считаться заключен на неопределенный срок. При такой ситуации каждая сторона может расторгнуть договор, предупредив другую сторону за месяц, а в случае, если предметом лизинга являются объекты недвижимости, – за три месяца. Применение

⁹ О финансовой аренде (лизинге): Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. 2 нояб. № 44. Ст. 5394.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 29 янв. № 5. Ст. 410.

такой нормы на практике приводит к дестабилизации лизинговых отношений, так как по своей природе лизинговый договор не предназначен для заключения на неопределенный срок.

Хотелось бы отметить некоторые недостатки национального законодательства Российской Федерации о лизинге. Одним из таких аспектов является то, что в законодательстве о финансовой аренде отсутствуют нормы, которые устанавливают возвратный лизинг. Возвратный лизинг – это разновидность договора лизинга, при котором лизингополучатель является одновременно и поставщиком оборудования, передаваемого в лизинг. Данная разновидность договора финансовой аренды очень эффективна в экономическом плане для малого и среднего бизнеса. С помощью данного договора организации, испытывающие финансовые затруднения, могут продать свое имущество лизинговой компании, получить необходимые средства и направить их, например, на погашение различных издержек этого предприятия. А лизинговая компания заключает с этой же организацией договор финансовой аренды и передает по нему проданное имущество. Конечно, у данной формы лизинга есть и недостатки, например то, что возможен риск потери имущества по вине недобросовестного лизингодателя, который может прекратить свою деятельность или расторгнуть договор на особых условиях. Так же к недостаткам относится и чрезмерное внимание со стороны налоговых органов, которые пытаются усмотреть в данной сделке неправомерные действия. Но, на наш взгляд, плюсы данной формы лизинга оправдывают ее риски. Интересным фактом является то, что ранняя редакция Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)» закрепляла данную форму лизинга. Но, к сожалению, со вступлением в силу закона «№ 10-ФЗ» была исключена. На наш взгляд, законодателю необходимо вернуть данную форму лизинга и более детально ее проработать, так как она эффективна для экономического развития малого и среднего бизнеса по причинам, названным выше.

Хотелось бы рассмотреть особенность еще одной формы данного договора, а именно лизинг с правом выкупа. Лизинг с

правом выкупа являет собой отдельный предмет изучения и давно находится в центре внимания ученого сообщества. Интересны как с теоретической, так и с практической точки зрения те определения, которые ученые дают данному виду договора лизинга. Так, данный вид договора предусмотрен статьей 19 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)», а именно «договором лизинга может быть предусмотрено, что предмет лизинга переходит в собственность лизингополучателя по истечении срока договора лизинга или до его истечения на условиях, предусмотренных соглашением сторон»¹². Как правило, в данной разновидности договора лизинга указывается, что так называемые выкупные платежи – это стоимость, по которой предмет лизинга переходит в собственность к лизингополучателю, определяемая договором лизинга. Бывают ситуации, когда стороны в договоре занижают стоимость выкупных платежей, а основную сумму предмета данного договора включают в лизинговые платежи. В таких случаях, как правило, возникает вопрос, может ли лизингополучатель вернуть фактическую сумму выкупных платежей, которую он уплатил под видом лизинговых платежей. Нам представляется важным с точки зрения защиты прав лизингополучателя внесение в законодательство положения, согласно которому лизингополучателю будет предоставлено право вернуть причитающуюся ему сумму.

Заключение

Итак, в ходе исследования мы пришли к следующим выводам, которые, в свою очередь, доказывают тот факт, что именно сейчас время необходимости реформирования сферы финансовой аренды, а также доказывают актуальность и перспективность работы в сфере заключения договора финансовой аренды.

1. В настоящее время договор финансовой аренды способствует привлечению инвестиций в Российскую Федерацию, а также существенно помогает в развитии различного вида организаций, в том числе росту мелкого и среднего бизнеса.

¹² О финансовой аренде (лизинге): Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. 2 нояб. № 44. Ст. 5394.

2. В силу специфики договора финансовой аренды необходимо определить его как отдельный вид договора.

3. С целью защиты законных прав и лизингодателя, и лизингополучателя абсолютно необходимо установить в качестве существенного условия договора лизинга условие о сроке действия договора.

4. Существующие правовые коллизии в сфере договора лизинга необходимо решать в пользу норм, максимально защищающих права «слабой» стороны – как правило, лизингодателя.

5. Запрет лизинга земельных участков – малоэффективен, полностью не защищает интересы Российской Федерации и неопределенного круга лиц, подразумевает множество способов «обхода» прямого запрета и наносит определенный ущерб развивающемуся бизнесу, как и в целом экономике страны. Поэтому предлагаем исключить данный запрет из нормативных правовых актов.

Совершенно очевидно, что на сегодняшний день необходимо реформирование Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)» с целью исключения ряда юридико-технических неточностей.

Список источников

1. Зернов А.О., Воскресенская Е.В. Актуальные проблемы договора финансовой аренды (лизинга) // *Colloquium-journal*. 2020. № 5 (57). С. 137-141. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11422>, <https://elibrary.ru/kcgibs>
2. Тринченко К.Ф. Правовое регулирование договора финансовой аренды (лизинга) в России // *Наука и образование сегодня*. 2018. № 1 (24). С. 55-57. <https://elibrary.ru/ylvxyq>
3. Золочевский В.А. Правовая природа и тенденции развития договора финансовой аренды (лизинга) // *Digital*. 2021. № 2. С. 130-145. <https://elibrary.ru/mgkeds>
4. Харитонова Ю.С. Договор лизинга. М.: Юрайт М, 2002. 224 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000744911>
5. Белов А.П. Финансовый лизинг и его возможности // *Внешняя торговля*. 2013. № 1. С. 30-38.
6. Егоров А.В. Лизинг: аренда или финансирование? // *Вестник ВАС РФ*. 2012. № 3. С. 36-60. <https://elibrary.ru/opjhlx>
7. Захарова О.Н. Договор лизинга с правом выкупа: проблемы теории и практики // *Известия БГУ*. 2012. № 4. С. 132-136. <https://elibrary.ru/patpgj>
8. Решетник И.А. Гражданско-правовое регулирование лизинга в РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2018. 216 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000233336>
9. Соломин С.С. Реализация принципа свободы договора в контексте заключения смешанного договора // *Право и экономика*. 2011. № 10. С. 41-44. <https://elibrary.ru/okavgn>
10. Безуглая М.В. Существенные условия договора лизинга // *Юрист*. 2014. № 11. С. 33-36. <https://elibrary.ru/oisyzp>

References

1. Zernov A.O., Voskresenskaya E.V. (2020). Actual problems of the financial lease agreement (leasing). *Colloquium-Journal*, no. 5 (57), pp. 137-141. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11422>, <https://elibrary.ru/kcgibs>
2. Trinchenco K.F. (2018). Pravovoe regulirovanie dogovora finansovoi arendy (lizinga) v Rossii [Legal regulation of a financial lease (leasing) agreement in Russia]. *Nauka i obrazovanie segodnya = Science and Education Today*, no. 1 (24), pp. 55-57. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ylvxyq>
3. Zolochevskii V.A. (2021). The legal nature and development trends of a financial lease (leasing) agreement. *Digital*, no. 2, pp. 130-145. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mgkeds>
4. Kharitonova Yu.S. (2002). *Dogovor lizinga* [Leasing Agreement]. Moscow, Urait M Publ., 224 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000744911>
5. Belov A.P. (2013). Finansovyi lizing i ego vozmozhnosti [Financial leasing and its possibilities]. *Vneshnyaya trgovlya* [International Trade], no. 1, pp. 30-38. (In Russ.)
6. Egorov A.V. (2012). Lizing: arenda ili finansirovanie? [Leasing: rent or financing?]. *Vestnik VAS RF = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, no. 3, pp. 36-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/opjhlx>

7. Zakharova O.N. (2012). Lease agreement with the right of redemption: theoretical and practical issues. *Izvestiya BGU = Bulletin of Baikal State University*, no. 4, pp. 132-136. (In Russ.) <https://elibrary.ru/patpgj>
8. Reshetnik I.A. (2018). *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie lizinga v RF: dis. ... kand. yurid. nauk* [Civil Law Regulation of Leasing in the Russian Federation. PhD (Law) diss.]. Perm, 216 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000233336>
9. Solomin S.S. (2011). Freedom of contract principle in the context of conclusion of a mixed contract. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, no. 10, pp. 41-44. (In Russ.) <https://elibrary.ru/okavgv>
10. Bezuglaya M.V. (2014). Sushchestvennye usloviya dogovora lizinga [Essential terms of the leasing agreement]. *Yurist = Lawyer*, no. 11, pp. 33-36. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oisyzp>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 12.01.2023

Поступила после рецензирования / Revised 13.03.2023

Принята к публикации / Accepted 14.04.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342+328.185

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-249-262>

Шифр научной специальности 5.1.4

Экономическая безопасность Российской Федерации в свете криминализации экономических отношений

© **ВОРОБЬЁВА Светлана Викторовна**,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33,
<https://orcid.org/0000-0003-1059-2065>, vorob-sveta@yandex.ru

Аннотация

Одними из наиболее актуальных вопросов обеспечения национальной безопасности России выступают вопросы укрепления ее экономической составляющей, то есть экономической безопасности. От уровня экономического развития государства зависит не только благополучие граждан внутри государства, но и стабильное положение государства на международной арене. Цель исследования – рассмотреть экономическую безопасность в контексте национальной безопасности, а также определить фактор негативного влияния криминализации сферы экономики как одной из ведущих угроз экономической безопасности государства посредством применения общелогических, эмпирических и теоретических методов исследования. Отмечено, что сложность современных взаимоотношений между странами и нарушенное экономическое и политическое сотрудничество приводят к тому, что в условиях санкционной политики в отношении Российской Федерации актуализируются вопросы, связанные с обеспечением экономической безопасности в контексте стабилизации и охраны национальных интересов. Важность данного компонента подчеркнута тем, что от уровня обеспечения экономической безопасности зависит развитие и обеспечение других сфер – социальной, нравственно-духовной, политической и пр. В связи с этим обеспечение экономической безопасности является одним из основных направлений деятельности государства. Также для экономической безопасности ведущей угрозой является крупномасштабная криминализация экономики, где теневой сектор, коррупционная составляющая, деформация бюджетной сферы и иные негативные процессы значительным образом наносят вред безопасности страны в социально-экономической плоскости. Проанализированы составные элементы экономической безопасности, показатели и место экономической безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации. Подчеркнуто, что на безопасность государства и благосостояние общества разрушительное влияние оказывает криминализация экономической сферы.

Ключевые слова

национальная безопасность, экономическая безопасность, экономика, национальная экономика, санкции, механизм обеспечения экономической безопасности, уровни, индикаторы экономической безопасности, криминализация экономики, коррупция, теневая экономика, социальное расслоение

Для цитирования

Воробьёва С.В. Экономическая безопасность Российской Федерации в свете криминализации экономических отношений // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 249-262.
<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-249-262>

Economic security of the Russian Federation in the light of criminalization of economic relations

© Svetlana V. VOROBYOVA

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-1059-2065>, vorob-sveta@yandex.ru

Abstract

One of the most pressing issues of ensuring Russia's national security is the strengthening of its economic component, that is, economic security. The level of economic development of the state depends not only on the well-being of citizens within the state, but also on the stable position of the state in the international arena. The purpose of the research is to consider economic security in the context of national security, as well as to determine the factor of the negative impact of criminalization of the economy as one of the leading threats to the economic security of the state through the use of general logical, empirical and theoretical research methods. It is noted that the complexity of modern relations between countries and disrupted economic and political cooperation lead to the fact that in the context of the sanctions policy against the Russian Federation, issues related to ensuring economic security in the context of stabilization and protection of national interests are being actualized. The importance of this component is emphasized by the fact that the development and maintenance of other spheres – social, moral and spiritual, political, etc. depends on the level of ensuring economic security. In this regard, ensuring economic security is one of the main activities of the state. Also, the leading threat to economic security is the large-scale criminalization of the economy, where the shadow sector, the corruption component, the deformation of the budgetary sphere and other negative processes significantly harm the country's security in the socio-economic plane. The components of economic security, indicators and the place of economic security in the national security system of the Russian Federation are analyzed. It is emphasized that the criminalization of the economic sphere has a destructive effect on the security of the state and the welfare of society.

Keywords

national security, economic security, economy, national economy, sanctions, mechanism of economic security, levels, indicators of economic security, criminalization of the economy, corruption, shadow economy, social stratification

For citation

Vorobyova, S.V. (2023). Economic security of the Russian Federation in the light of criminalization of economic relations. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 249-262 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-249-262>

Введение. Постановка проблемы

Экономика является базовым плацдармом функционирования общества и государства, от уровня развития и безопасности экономического сектора зависит как внутреннее состояние государства (финансовая стабильность, уровень безработицы, развитие бизнеса, качество жизни населения и т. д.), так и положение государства на международной арене.

Обеспечение экономической безопасности является доминирующим направлением государственной политики в настоящее время. Государство использует все возможные способы и механизмы в кон-

тексте обеспечения эффективности функционирования и развития экономической сферы: выработка соответствующей государственной политики, использование новых цифровых и информационных технологий, перераспределение ресурсов на актуальные сферы развития, поддержание сферы малого и среднего бизнеса, политика импортозамещения и т. д.

Тем не менее, количественный показатель угроз экономике страны в настоящее время увеличился. Государство в последние годы ощущает негативное воздействие на все сферы общественных отношений в лице внешних и внутренних угроз.

Ежегодно возрастает криминализация экономического сектора, поэтому государство в лице руководящих органов должно кардинальным образом пересмотреть и доработать стратегические меры и программы по основным направлениям обеспечения экономической безопасности, такие как стратегия борьбы с криминальной экономикой, экономическая и социальная политика, политика против коррупции. Необходимо определить дальнейшие действия по борьбе с экономической преступностью и ее профилактике.

Целью данного исследования является приращение знания в вопросах понятия и обеспечения экономической безопасности, определения влияния криминализации экономики на снижение уровня национальной безопасности.

Результаты исследования

Анализ категории экономической безопасности государства, как одной из основных составляющих национальной безопасности государства, необходимо производить исходя из сущностно-содержательного понятия этого феномена.

Понятие «экономической безопасности», как и понятие «национальной безопасности» возникло относительно недавно – в 90-е гг. XX века. Стоит подчеркнуть, что в советский период, при наличии планово-распорядительной экономики и огромного запаса материального и рабочего ресурса, вопросы обеспечения экономической и национальной безопасности так остро не стояли, как сейчас [1, с. 49].

Реалии нынешнего времени показали, что первоочередные интересы стран Запада и США направлены на подрыв экономических устоев России, что вылилось в крупномасштабные санкции, энергетический шантаж, морское эмбарго, повышение цен на комплектующие, подрыв Северного потока, отказ от сотрудничества в сфере инвестиций и иные разрушительные меры дестабилизации экономической сферы.

В таких условиях приоритет экономической безопасности над другими видами безопасности в контексте обеспечения национальной безопасности очевиден [2, с. 8]. Поэтому обеспечение экономической безопасности и суверенитета государства в на-

стоящее время является одним из ведущих направлений российской государственной политики [3, с. 49].

Современные международные процессы и течения используют экономику как геополитический инструмент, механизм давления на государства. В настоящее время можно наблюдать активную санкционную политику не только в отношении России, но и, например, Ирана, для «дестабилизации» и сокращения экономического потенциала.

Стоит отметить, что экономическая безопасность – сложное и многоаспектное явление, в связи с чем в научных кругах и у практиков мы можем встретить большое количество авторских трактовок данного понятия [4, с. 28].

Так, часть ученых стремятся раскрыть понятие экономической безопасности через систему ценностей и интересов, которые данный вид безопасности «раскрывает» и обеспечивает. В.И. Лукашин обосновывает следующее определение экономической безопасности: «развитая и динамичная система защиты экономических интересов России» [5, с. 67]. В качестве объектов защиты экономической безопасности рассматриваются следующие элементы:

- экономика государства в целом (наrodnое хозяйство);
- экономика отдельных субъектов РФ (региональное хозяйство);
- экономика отдельных отраслей (отраслевое хозяйство);
- экономика отдельных юридических и физических лиц.

Представляет интерес и рассмотрение понятия экономическая безопасность с точки зрения конкурентоспособности экономики.

В.И. Орехов дает следующее определение экономической безопасности: «такое состояние экономики и производственных сил, при котором реализуется высокий уровень самостоятельного социально-экономического обеспечения интересов общества и государства, в том числе с учетом необходимого уровня конкурентоспособности в рамках коммуникации в системе международного экономического хозяйства» [6, с. 15]. Да, представленное определение также можно рассматривать как «имеющее право на су-

ществование», но акцентирование конкурентоспособности экономики как основного показателя выступает не совсем логичным и правильным.

Отметим, что конкурентоспособность – это самостоятельный фактор, а скорее производный показатель стабильности и развития экономики. Даже с низким уровнем конкурентоспособности государственная (национальная) экономика способна обеспечить внутренний необходимый спрос и реализовать базовые экономические интересы общества и государства.

Следующее понимание экономической безопасности раскрывается через уровень защищенности экономики в целом. В.Ш. Уразгайев склоняется к данному понятию в таком аспекте: «экономическая безопасность представляет собой состояние защищенности экономических коммуникаций и экономического развития (прогрессии) в контексте реализации национальных интересов обществ и государства, а также повышение обороноспособности страны от внешних и внутренних посягательств» [7, с. 45].

Данное определение в наибольшей степени приближено к легальной трактовке, которая закреплена в Стратегии экономической безопасности.

Заметим, что легальная трактовка понятия экономическая безопасность предусмотрена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Статья 7 данной Стратегии содержит следующее определение: «экономическая безопасность – состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»¹.

Данный документ в целом регламентирует основные вопросы обеспечения экономической безопасности в России. Однако у данного стратегического документа есть и

один недостаток в целом: Стратегия была принята в 2017 г. и до 2023 г. ее положения на законодательном уровне не изменялись, а в реальной жизни за данные 5 лет в экономике произошли глобальные изменения (чего стоят лишь события 2022–2023 гг.). Естественно, что данные «новшества» не отражены в стратегии, и требуется дальнейшая корректировка содержательной части документа стратегического характера.

Как отмечает Л.А. Морозова, «отечественные ученые уже давно пришли к выводу, что эпоха, когда предпринимались попытки полностью исключить влияние государства на экономику, прошла, и без государственного вмешательства экономика не может успешно развиваться. Более того, экономическим отношениям необходимо придать юридическую форму. Следовательно, задача юридической науки и практики состоит в нормативно-правовом обеспечении экономической деятельности Российского государства» [8, с. 423].

В установлении приоритетов в экономической сфере ведущая роль принадлежит Указу Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 гг.»²

Система экономической безопасности состоит из следующих компонентов:

- концепция и стратегия защищенности государства;
- комплекс национальных интересов РФ в экономической сфере;
- внутренние и внешние угрозы, посягающие на устойчивость национальной экономики;
- финансовая стабильность;
- пороговое значение индикаторов экономической безопасности;
- организационная структура механизма обеспечения экономической безопасности;
- нормативная регламентация финансового и экономического сектора и их правовая защищенность.

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817.

Среди основных элементов в управлении механизмом обеспечения экономической безопасности выделяют такие, как: финансовая составляющая; интеллектуальная составляющая; кадровое обслуживание; технологическая составляющая; нормативно-правовой компонент; информационно-коммуникационный компонент; хозяйственно-рыночный компонент [9, с. 35].

Обеспечение и реализация данных компонентов и выражается в деятельности по управлению системой обеспечения экономической безопасности. Особое место в контексте обеспечения экономической безопасности и управления данными процессами уделяется анализу современного состояния экономики в условиях санкций, новых экономических трендов, геополитической напряженности и т. д.

В контексте обеспечения экономической безопасности большое внимание уделяется инструментариям, способам и методам обеспечения данной сферы: актуализируется законодательство, используются инновационные механизмы, технологии и научные достижения, развиваются основные показатели экономической деятельности и т. д.

Бесспорно, первоочередными мерами в сфере обеспечения экономической безопасности должны стать создание и внедрение ресурсосберегающих, экологически безопасных технологий в каждой отрасли, создание максимально благоприятных условий для производства конкурентоспособной продукции и выпуска новых товаров при создании экспериментальных линий, опытных образцов и т. д.

На государственном уровне, в том числе и на законодательном, обеспечить поддержку наиболее уязвимых отраслей, где имеет место большая доля импорта по программному обеспечению, комплектующим и иным компонентам.

Однако в рамках обеспечения экономической безопасности отдельное место уделяется уровням данного обеспечения. Как отмечается, экономическая безопасность – это огромный пласт, который тесным образом «переплетен» и с другими областями безопасности. При этом в условиях большого государства обеспечение сталкивается и с территориальными проблемами. В связи с этим

разработка и обеспечение экономической безопасности на каждом уровне данной системы выступает актуальным для государства.

В рамках «классической модели» уровни экономической безопасности можно разделить на международный уровень, национальный уровень, локальный уровень, частный уровень [10, с. 27].

При этом, как отмечают многие представители научных кругов, данная трактовка и выделение именно таких уровней может не соответствовать условиям эффективного обеспечения экономической безопасности, так как в полном объеме не учитывает «уровневых критериев». Основываясь на данной позиции, ученые и специалисты стремятся предложить и обосновать свое деление обеспечения экономической безопасности по определенным уровням.

Экономическая безопасность на практике выражается в обеспечении объекта данной деятельности (в качестве которого может выступать конкретная сфера экономических отношений, федеральные процессы или предприятия, региональные и муниципальные предприятия, локальные единицы экономической деятельности – фермер, предприниматель и т. д.) необходимыми ресурсами в контексте обеспечения экономической деятельности (например, материальные ресурсы, рабочая сила, технологии и инновации, информация и т. д.) с целью достижения нормальных условий социально-экономического существования и развития.

В.Л. Васильев выделяет следующие три основных уровня обеспечения экономической безопасности:

1 уровень – субъекты экономической деятельности (в рамках данного понятия автор раскрывает работающие (производящие) предприятия). В рамках примера обеспечения экономической безопасности на данном уровне можно рассматривать план развития отдельно взятого предприятия, оперативное внесение изменений (изменение политики) данного предприятия в связи с изменившимися экономическими условиями и т. д. Критериями оценки состояния экономической безопасности на данном уровне могут выступить объемы производства, наличия и объем заимствованных средств (как кредитных, так и инвестиционных), количество

клиентов (клиентская база), развитие уровней масштабирования. Одним из наиболее важных критериев выступают показатели финансов данного предприятия – расходы, доходы, чистая прибыль.

Стоит подчеркнуть, что на уровне субъектов экономической деятельности большое внимание уделяется и оценке конкуренции: с одной стороны, данный критерий рассматривается как положительный (так как «стимулирует» развитие производств и освоение рынка), а с другой стороны, его можно рассматривать как угрозу экономической безопасности субъекта (многие фирмы, организации и предприятия прекращали свою экономическую деятельность как раз из-за того, что не смогли «выдержать» конкуренцию).

2 уровень – уровень регионов или отраслей. В рамках примера обеспечения экономической безопасности на данном уровне можно рассматривать стратегии и планы развития (обеспечения) экономического развития региона, стимулирование развития региональных производств за счет не только федеральных, но и региональных средств и т. д. Критериями оценки состояния экономической безопасности на региональном (отраслевом) уровнях может служить: уровень региона в экономической деятельности страны (в том числе и по отраслевым показателям), территория региона, наличие ресурсов и коэффициенты их использования, финансовая, ресурсная обеспеченность региона, показатели развития экономической сферы региона и т. д.

Большое значение в рамках оценки экономической безопасности уделяется вопросам обеспеченности населения региона: уровень заработных плат, наличие и «доступность» работы, уровень безработицы. Доходит до оценки «уровня счастья населения» и уровня удовлетворенности своей жизнью.

3 уровень – уровень страны (в некоторой степени данный уровень можно рассмотреть как уровень федеральных округов в составе Российской Федерации). В рамках примера обеспечения экономической безопасности на данном уровне можно рассматривать федеральные стратегические документы развития экономической сферы. Среди показателей обеспечения экономической безопасности на государственном уровне

имеет место использовать: общеэкономические показатели государства, внутренний валовый продукт (ВВП), наличие и развитие наукоемких производств, показатели экспорта и импорта продукции и т. д. [11, с. 273].

В рамках данного уровня активно используются и анализируются отраслевые показатели (значения), такие как: финансовые; продовольственный; производственный; ресурсный; энергетический; инвестиционный и др.

Можно отметить, что уровни обеспечения экономической безопасности подразделяются в зависимости от масштабов экономической деятельности и оцениваются (характеризуются) социально-экономическими индикаторами. При этом, реализуя анализ обеспечения экономической безопасности на каком-либо уровне, необходимо подходить к данному вопросу комплексно, то есть учитывать все возможные показатели экономической деятельности, «не пренебрегать» уровнем субъектов экономической деятельности и уровнем регионов [12, с. 45].

Важное место в контексте данной деятельности занимают процессы, связанные с формированием и поддержкой системы управления экономической безопасности. Использование актуальных технологий и современных инструментов управления является наиболее действенным для функционирования национальной экономики.

Оценивая состояние экономической безопасности, особое внимание уделяют следующим показателям: темпы роста ВВП; уровень и качество жизни населения; темпы инфляции и уровень безработицы; имущественное расслоение общества; расходы на НИОКР; конкурентоспособность; зависимость от импорта; транспарентность экономики и др. [13, с. 576].

Вышеуказанные показатели позволяют в той или иной степени отразить реальную картину состояния национальной экономики, выявить возможные «проблемные аспекты», спрогнозировать угрозы и их последствия и т. д.

С учетом современных международных процессов и явлений также необходимо оценить возможные угрозы и «сложности» обеспечения экономической безопасности. Обновленная Стратегия экономической бе-

зопасности РФ до 2030 г. из указанных внутренних угроз значительное место уделяет преступности, коррупции и теневой экономике³. Сегодня особенно важно исследовать и анализировать данные негативные явления с целью дальнейшей профилактики и противодействия.

Так, главными стратегическими рисками и угрозами национальной безопасности РФ в экономической сфере на долгосрочную перспективу являются:

1) снижение уровня и потенциалов экспорта сырья и ресурсов российского происхождения;

2) увеличение зависимости национальной экономики от продукции и поставок иностранных экономических субъектов (особенно в стратегических значимых отраслях);

3) потеря национального контроля над ресурсной экономической базой;

4) ухудшение уровня и состояния технологической базы национальных субъектов экономики;

5) неравномерное и непрогнозируемое экономическое развитие субъектов РФ;

6) низкий уровень защищенности и возможности адаптации к современным условиям национальной финансовой системы;

7) высокий уровень экономической преступности (особенно коррупционного характера) и тенденции к активной криминализации экономической сферы;

8) недостаточный уровень законодательного сопровождения государственного регулирования российской экономики;

9) снижение темпов экономического роста, появление дефицита торгового и платежного баланса, сокращение доходных статей бюджета, которые могут привести к замедлению перехода к инновационному развитию, последующему накоплению социальных проблем в стране;

10) прямое негативное воздействие на обеспечение национальной безопасности в экономической сфере могут оказать дефицит топливно-энергетических, водных и биологических ресурсов, принятие дискримина-

ционных мер и усиление недобросовестной конкуренции в отношении России, а также кризисные явления в мировой финансово-банковской системе;

11) сосредоточение основных усилий на развитии науки, технологий и образования, совершенствовании национальных инвестиционных и финансовых институтов в интересах достижения необходимого уровня безопасности в военной, оборонно-промышленной и международной сферах и иные.

Следует отметить, что внутренние угрозы не менее опасны для стабильного функционирования российской экономики. Они заключены не только в несовершенстве законодательной регламентации экономического сектора, монопольном положении и недобросовестной конкуренции субъектов экономических отношений и слабой правовой дисциплине, но и в не менее серьезных аспектах, обуславливающих криминализацию экономических отношений и коррупцию в сфере управления экономикой.

Криминализацию экономики можно сравнить с наиболее острыми социальными проблемами, которые особенно негативно отражаются на развитии общества. Статистические данные об уровне экономической преступности в РФ свидетельствуют о том, что данная угроза препятствует экономическому развитию государства. В научной литературе используется разнообразный понятийный аппарат, характеризующий криминальный экономический сектор: «нелегальный», «подпольный», «криминальный», «теневой», «скрытый» и т. п.

Данная проблема является особенно значимой в современный период, когда получили распространения посягательства на экономическую безопасность государства.

Теневая экономика плотно взаимосвязана с легальным оборотом экономической сферы. При этом она также использует и оперирует основными легальными экономическими процессами: государственные услуги, движение активов, рабочая сила, заработная плата и т. д. Главной целью представителей теневой экономики является уход из-под государственного (в первую очередь налогового) контроля в рамках получения большей прибыли (сверхприбылей). Это обусловлено тем, что «предприниматель»

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

экономит на налогах, соблюдении и обеспечении необходимых условий и требований производства, качестве продукции и услуг, соответствующим пенсионным и медицинским взносам работников и т. д. [14, с. 128].

Борьба с «подпольной экономикой» – это не новый вектор государственной деятельности. Рыночные механизмы хозяйствования в экономике не снижают объема теневого сектора, оценка масштаба всех неофициальных процессов экономической деятельности является актуальным направлением исследования. Данное положение определено несколькими факторами [15, с. 77]:

1) до сих пор отсутствует универсальная методика и способы оценки теневой экономики. Так, каждое государство, оценивая уровень теневой экономики, ориентируется на собственные методики и способы, свою специфику, делая акцент на определенных видах экономической деятельности. Сравнить показатели теневой экономики разных государств при таких условиях является нерациональным;

2) теневая экономика представляет сложное и объемно негативное явление для государства. Традиционные (существующие) методы сбора такого рода информации не позволяют объективно отразить показатели всего объема теневой экономики и раскрыть специфику данной деятельности, реакцию на разнообразные государственные внедрения в рамках борьбы с теневой экономикой.

В современных условиях можно выделить следующие виды теневой экономики.

1. «Доходы в бюджет» (неофициальная экономика). Данный вид базируется на коррупции. Он взаимосвязан с подкупом государственных служащих, должностных лиц и иных представителей надзорных и контролирующих органов в рамках получения привилегий в бизнесе или скрытия определенного объема доходов от контроля. Предприниматели в данных случаях исходят из соображений меньших издержек: пролонгировать свои интересы путем дачи взятки, размер которой меньше, чем предстоящий «государственный гнет» (налоги и иные отчисления в пользу государства, муниципалитета).

2. «Вторая экономика» (нерегистрируемая экономика). Данный вид представля-

ет собой неофициальную (запрещенную) экономическую деятельность, которая осуществляется законным (реальным) экономическим субъектом в рамках реальной его экономической деятельности. Однако часть финансового оборота, а также товарооборота не отражается в контрольно-статистической документации, то есть скрывается от налогообложения. Полученные данным путем материальные выгоды распределяются между участниками подобных сговоров (как правило, это руководители).

3. «Черный бизнес» (нелегальная экономика). Данный вид связан с деяниями, запрещенными уголовным законодательством РФ, с одной из самых тяжелых и сложных форм преступности – организованной преступности и представляет собой угрозу не только для экономической сферы, но и для общественной и государственной безопасности. В данном случае речь идет о незаконном преступном бизнесе, который никаким образом не может быть легализован: изготовление и распространение наркотиков, оружия, поддельных табачных и спиртных напитков, организация и склонение к проституции и т. д. [16, с. 117].

4. «Серая экономика» (недекларируемая экономика). Данный вид является относительно безопасным, так как правомерная экономическая деятельность осуществляется, но без образования соответствующих юридических лиц, то есть субъекты экономической деятельности не зарегистрированы официально. Так, они избегают расходов, связанных с налогами и другими денежными отчислениями в пользу государства. Распространенными субъектами данного вида, как правило, являются представители малого бизнеса с небольшими оборотами.

Расширение теневого сектора экономики является весьма актуальной и опасной угрозой для экономической безопасности государства. Она связана с множеством негативных последствий, которые напрямую отражаются на обществе и государстве: качество и уровень жизни, социальное обеспечение, государственная поддержка, наличие и разнообразие рабочих мест и т. д. [17, с. 525].

Высокий уровень теневого сектора экономики напрямую влияет и на национальную безопасность государства в целом. Во-

первых, это международный авторитет и статус – государство с высоким уровнем теневой экономики не может рассматриваться международными экономическими субъектами как надежный и перспективный партнер для долгосрочного сотрудничества, так как оно не может справиться и наладить эффективную систему экономического контроля и учета внутри государства для выявления и противодействия теневому сектору экономики. Отсюда вытекает следующая угроза – это низкая привлекательность национальной экономики для иностранных инвесторов. Для быстрого и полномасштабного развития отдельных отраслей экономики (как, например, стратегически важных производств) необходимы большие денежные вливания, которые внутренними силами государство обеспечить не может, в связи с этим и возникает потребность и борьба за свободные активы внешних субъектов экономической деятельности. Теневая экономика снижает уровень инвестиционной привлекательности государства [17, с. 525].

При расширении теневой экономики снижается объем и масштаб легального сектора, то есть сокращаются налоговые вливания в бюджет государства, налоги являются основной статей дохода бюджета РФ. В связи с этим можно говорить о сокращении бюджета и сокращении финансирования основных сфер государственной деятельности (политики). В первую очередь снижается финансирование социальной сферы (обеспечение бюджетников, обслуживание инфраструктур и т. д.). Однако при таких темпах расширения экономики, «корректировки» бюджета могут добраться и до основополагающих для обеспечения безопасности направлений – финансирование оборонных комплексов, силовых структур и т. д. А это напрямую связано с понижением уровня и качества деятельности по обеспечению национальной безопасности. В современных условиях напряженных международных отношений и ситуаций Россия не может себе позволить данные понижения.

Помимо вышеперечисленного, расширение теневого сектора экономики связано со стимулированием, увеличением и расширением следующих негативных процессов:

- снижение роста внутреннего валового продукта (ВВП) на душу населения, что в целом отражает низкий уровень развития национальной экономики;

- развитие и увеличение экономических преступлений, где одна из самых значительных ролей отдается коррупционной деятельности;

- рост инфляции и нарушение платежно-финансовых потоков;

- рост безработицы, ухудшение уровня, условий и оплаты труда;

- увеличение опасных последствий для экологии государства, так как представители теневого бизнеса не соблюдают правил охраны и содержания окружающей среды (это относительно к незаконным лесозаготовкам, браконьерству и т. д.).

Для более углубленного ознакомления с проблемой теневой экономики необходимо рассматривать ее не только с точки зрения понятийного аппарата, исторического развития, видовых разнообразий, реальных и потенциальных угроз, но и разобраться в причинах появления и расширения неофициальной сферы экономической деятельности [18, с. 112].

Все предпосылки появления и развития теневого сектора экономики можно разделить на три большие группы:

1 группа – экономические предпосылки. Сюда можно отнести несовершенство института приватизации, отсутствие государственной поддержки для некоторых сфер экономики, наличие формальных монополистов (которые диктуют цены и условия рынка), высокий налоговый «гнет» и др.;

2 группа – правовые предпосылки. Сюда можно отнести несовершенство правовой базы в рамках регулирования экономической деятельности, отставание законодательства от современных технологий и научных экономических достижений (как правило, технологические новшества сначала приобретают статус запрещенных, что тормозит внедрения и развитие новых направлений экономики, связанных с данными достижениями), сложное и неоднозначное таможенное и налоговое законодательство и т. д.;

3 группа – социальные предпосылки. Сюда можно отнести: низкий уровень каче-

ства жизни, высокий уровень безработицы, снижение уровня обеспечения условий труда и т. д. [19, с. 107].

Таким образом, можно сказать, что предпосылками развития теневой экономики выступают довольно большое количество негативных факторов в различных сферах жизнедеятельности общества: социальной, правовой, экономической.

Если сравнивать данный объем предпосылок с реальной ситуацией в России, то процесс развития теневого сектора экономики выступает закономерным, так как все необходимые (негативные) условия для эффективного развития данной области экономики созданы.

Обыденное понимание теневого сектора экономики связано с серыми зарплатами и неофициальными работами (подработками). Согласно официальным социологическим опросам, около 30 % трудоспособного населения РФ имеют неофициальную вторую работу (или подработку), а по последним данным около 2/3 опрошенных заявили о желании иметь вторую неофициальную работу или подработку, то есть данный показатель в скором времени возрастет⁴. В связи с этим можно констатировать факт «идеальных» условий для дальнейшего развития теневого сектора экономики в нашем государстве.

Отметим, что расширение сектора теневой экономики способствует:

- снижению поступления налогов в бюджет, как следствие, государственное воздействие со стороны финансов значительно ослабевает;
- падению уровня рыночной конкурентоспособности;
- неэффективности использования бюджетных средств;
- росту коррупционных проявлений, в том числе в правоохранительной сфере;
- социальному расслоению;
- дискредитации правового механизма в регламентации общественных отношений, и как следствие росту социальной напряженности;
- дискредитации государства в международных отношениях и др.

Таким образом, теневая экономика является одной из наиболее актуальных факторов, повышающих уровень экономических преступлений в РФ. Она представляет собой финансовую деятельность субъектов экономики, которая ведется на территории определенного государства без соответствующего государственного учета, в связи с чем данная деятельность неподконтрольна государственным органам и наносит колоссальный вред экономике государства, благосостоянию населения.

В настоящее время необходимо принятие следующих мер уменьшения «теневых» мер экономики: пересмотр налоговой политики государства; ужесточение наказания, в том числе и безоговорочное обращение в пользу государства во всех случаях выявления скрытых денежных средств, ухода от налогов и т. д.; социальная ретрансляция негативных влияний теневой экономики; сдерживание от ухода «в тень», а также стимулирование «выхода из теневого сектора» путем снятия соответствующей ответственности и разъяснения и обеспечения нормального легального функционирования в рамках российской экономики. Расследование преступности значительно осложняется за счет указанных негативных факторов в экономической сфере.

В современном российском обществе еще не ликвидирован такой общегосударственный негативный фактор, как криминализация экономики. На первоочередной повестке перед государством стоят вопросы по незамедлительному принятию решений в целях обеспечения национальной безопасности посредством минимизации таких угроз, как нелегальная, теневая экономика, коррупция, которая тесно переплетается с организованной преступностью и др.

Коррупционные проявления снижают темпы экономического роста, нивелируют потенциал институтов гражданского общества, нарушают комплекс прав и свобод граждан, формируют правовой нигилизм и т. п. Преступные структуры стремятся лоббировать свои интересы на правительственном уровне, воздействуя на банковскую сферу, некоммерческие организации, налоговую сферу и иные сектора экономики [20, с. 206].

⁴ ВЦИОМ. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6333815>

Анализ рыночных отношений, экономики России дает право понять, что национальная экономика в положении, в котором она находится, не может выйти из состояния криминализации без оптимизации и формирования новых механизмов в экономической сфере.

Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. «О стратегии финансовой защищенности в промежуток вплоть до 2030 года» относит к основным призывам и угрозам экономической безопасности высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере⁵.

Воздействуя негативным образом на российскую экономику, коррупция:

- задерживает экономический рост из-за бюджетного дефицита;
- падает уровень рыночной конкурентоспособности субъектов экономической сферы;
- низкая эффективность воплощения социальных проектов из-за хищения денежных средств;
- малый и средний бизнес уходит с рынка из-за неконкурентоспособности с крупными фирмами;
- в экономический сектор из-за нестабильности механизма его функционирования сложнее привлечь инвестиции;
- с дифференциацией прибыли населения происходит снижение общего уровня жизни.

«Коррупция побуждает подобные негативные исходы для Российской Федерации, как:

- объективная угроза экономической безопасности в абсолютно всех ее формах и проявлениях;
- затруднение свершения стоящих перед ней стратегических задач;
- огласка присутствия коррупции в верховных эшелонах власти ведет к подрыву доверия и ставит под подозрение и законность;
- увеличение материального неравенства и бедность большей части населения;

- увеличение теневой экономики;
- увеличение общественной напряженности, что надрывает и обессиливает государственную экономику и угрожает общественно-политической стабильности в стране;
- усугубление инвестиционного климата, вследствие чего индивидуальному бизнесу не остается ничего иного, кроме как стремиться к получению быстрой прибыли (зачастую – сверхприбыли) в неожиданных обстоятельствах, а требования с целью долгосрочного инвестирования отсутствуют;
- неисполнение конкурентоспособных элементов рынка;
- утрата обществом значительной части интеллектуального потенциала согласно фактору присутствия коррупции в образовательной сфере;
- снижение престижа страны в международном уровне, повышение опасности ее экономической и общественно-политической изоляции и иные негативные последствия» [21, с. 52].

Заключение

Подводя итог, мы можем сказать, что в современных условиях экономика – одна из наиболее важных и фундаментальных составляющих жизнедеятельности общества и государства. От уровня экономического развития зависит не только уровень качества и обеспеченности граждан внутри государства, но и положение государства на международной арене в призма его роли в мировом экономическом хозяйстве. Экономическую безопасность можно рассматривать как некоторый «материальный плацдарм» обеспечения национальной безопасности, так как именно от уровня обеспечения данного вида безопасности зависит состояние остального видового разнообразия: социальной безопасности, политической безопасности, культурно-нравственной безопасности, информационной безопасности, оборонной безопасности и т. д. В связи с этим вопросы экономической безопасности имеют приоритетное значение.

В рамках рассмотренных явлений следует отметить, что сущность понятия экономической безопасности нельзя рассматривать без такой составляющей, как криминализация общества и властных структур.

⁵ О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 // Вестник науки и образования. 2019. Ч. 3. № 9 (63).

Именно данные показатели помогут сформировать и эффективно реализовать приоритетные направления и стратегический вектор в решении национальных проблем в сфере экономической безопасности.

Стратегия национальной безопасности в качестве важнейших угроз экономическому сектору государства относит теневую экономику, организованную преступность, коррупцию, все иные формы противоправной деятельности, создающие благоприятные условия для криминализации хозяйственно-

финансовой деятельности субъектов экономических отношений.

Процессам криминализации, базирующимся на механизмах, аналогичных официальным экономическим правоотношениям, необходимо противопоставить прочный заслон как со стороны законодательства, так и со стороны эффективной скоординированной работы специальных правоприменительных органов в сфере борьбы с экономической преступностью и защиты экономических интересов Российской Федерации.

Список источников

1. Малюгина Т.В. Формирование системы управления экономической безопасностью предприятия // Молодой ученый. 2020. № 35 (325). С. 49-54. <https://elibrary.ru/irgpzc>
2. Васильева С.П. Экономическая безопасность: определения и сущность // Журнал прикладных исследований. 2020. № 3. С. 6-13. https://doi.org/10.47576/2712-7516_2020_3_6, <https://elibrary.ru/umuydn>
3. Воробьева С.В. К вопросу об укреплении суверенности российской государственности // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 3/4. С. 48-57. <https://elibrary.ru/yohrmc>
4. Табаков А.В. Содействие внешнеэкономической деятельности и обеспечение экономической безопасности России: в поисках баланса частных и публичных интересов // Вестник Российской таможенной академии. 2013. № 4. С. 25-34. <https://elibrary.ru/robklv>
5. Лукашин В.И. Экономическая безопасность. М.: Моск. гос. ун-т экономики, статистики и информатики, 1999. 134 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000626155>
6. Орехов В.И. Экономическая безопасность современной России в условиях кризиса. М.: ИНФРА-М, 2014. 105 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006747012>
7. Уразгалиев В.Ш. Экономическая безопасность. М.: Юрайт, 2019. 675 с. <https://elibrary.ru/rboeep>
8. Морозова Л.А. Правовые приоритеты в экономической политике современной России // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3. № 12. С. 423-431. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-12-421-431>, <https://elibrary.ru/ndnqus>
9. Колобаев А.В. Формирование системы обеспечения экономической безопасности предприятия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4. С. 35-41. <https://elibrary.ru/zwjjrh>
10. Крутиков В.К., Дорожкина Т.В., Костина О.И., Якунина М.В. Экономическая безопасность. Калуга: Изд-во «Эйдос», 2017. 196 с. <https://elibrary.ru/tpijij>
11. Васильев В.Л. Уровни экономической безопасности: анализ методических подходов // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 18. С. 273-279. <https://elibrary.ru/sxyhxt>
12. Криворотов В.В. Экономическая безопасность государства и регионов. М.: Юнити-Дана, 2012. 350 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006530351>
13. Золаев Э.А. Экономическая безопасность государства: понятие и угрозы цифровизации // Экономическая безопасность. 2022. № 2. Т. 5. С. 571-582. <https://doi.org/10.18334/ecsec.5.2.114826>, <https://elibrary.ru/onalca>
14. Ечмаков С.М. Теневая экономика: Анализ и моделирование. М.: Финансы и статистика, 2004. 405 с. <https://elibrary.ru/qqilgh>
15. Мацневский Н.С. Теневая Россия: истоки, сущность, причины, последствия. Томск: Красное знамя, 2015. 533 с. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/1656292/> (дата обращения: 20.12.2022)
16. Черемных О.А. Экономические преступления в Российской Федерации как угроза ее экономической безопасности // Экономика и предпринимательство. 2019. № 11 (112). С. 117-122. <https://elibrary.ru/jhvvhn>
17. Дадалко В.А., Тюкина У.Е. Влияние теневого сектора экономики на национальную безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. № 3 (372). С. 521-532. <https://doi.org/10.24891/ni.15.3.521>, <https://elibrary.ru/yzinsx>
18. Кузнецова Е.И. Экономическая безопасность и конкурентоспособность. Формирование экономической стратегии государства. М.: Юнити-Дана, 2020. 240 с. <https://elibrary.ru/rbcbsp>

19. Ечмаков С.М. Теневая экономика: Анализ и моделирование. М.: Финансы и статистика, 2004. 405 с. <https://elibrary.ru/qqilgh>
20. Воробьева С.В., Волков И.А. Некоторые проблемы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 14. С. 206-209. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2020-4-14-206-215>, <https://elibrary.ru/sdrbz1>
21. Фрунзеева А.Н., Фрунзеева Ж.Н. Коррупция как угроза экономической безопасности // Вестник науки и образования. 2019. № 9-4 (63). С. 52-55. <https://elibrary.ru/zpvhsp>

References

1. Malyugina T.V. (2020). Formirovanie sistemy upravleniya ekonomicheskoi bezopasnost'yu predpriyatiya [Formation of an enterprise economic security management system]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], no. 35 (325), pp. 49-54. (In Russ.) <https://elibrary.ru/irgpcz>
2. Vasileva S.P. (2020). Economic security: definitions and essence. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*, no. 3, pp. 6-13. (In Russ.) https://doi.org/10.47576/2712-7516_2020_3_6, <https://elibrary.ru/umuydn>
3. Vorobeva S.V. (2017). The issue of strengthening of the sovereignty of Russian statehood. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 1, no. 3-4, pp. 48-57. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yohrmc>
4. Tabakov A.V. (2021). International trade facilitation and ensuring Russia's economic security blanket: searching a balance of public and private interests. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii = Vestnic of Russian Customs Academy*, no. 4, pp. 25-34. (In Russ.) <https://elibrary.ru/robklv>
5. Lukashin V.I. (1999). *Ekonomicheskaya bezopasnost'* [Economic Security]. Moscow, Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics Publ., 134 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000626155>
6. Orekhov V.I. (2014). *Ekonomicheskaya bezopasnost' sovremennoi Rossii v usloviyakh krizisa* [Economic Security of Modern Russia in a Crisis]. Moscow, INFRA-M Publ., 105 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006747012>
7. Urazgaliev V.Sh. (2019). *Ekonomicheskaya bezopasnost'* [Economic Security]. Moscow, Yurait Publ., 675 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rbocep>
8. Morozova L.A. (2019). Legal priorities in the economic policy of modern Russia. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 3, no. 12, pp. 423-431. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2019-3-12-421-431>, <https://elibrary.ru/ndnqus>
9. Kolobaev A.V. (2017). Formation of the system of ensuring economic safety of enterprises. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, no. 4, pp. 35-41. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zwjrrh>
10. Krutikov V.K., Dorozhkina T.V., Kostina O.I., Yakunina M.V. (2017). *Ekonomicheskaya bezopasnost'* [Economic Security]. Kaluga, Eidos Publ., 196 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tpipij>
11. Vasilev V.L. (2014). Urovni ekonomicheskoi bezopasnosti: analiz metodicheskikh podkhodov [Levels of economic security: analysis of methodical approaches]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan Technological University], vol. 17, no. 18, pp. 273-279. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sxyhxt>
12. Krivorotov V.V. (2012). *Ekonomicheskaya bezopasnost' gosudarstva i regionov* [Economic Security of the State and Regions]. Moscow, Unity-Dana Publ., 350 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006530351>
13. Zolaev E.A. (2022). Economic security of the state: concept and threats of digitalization. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic Security*, no. 2, vol. 5, pp. 571-582. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/ecsec.5.2.114826>, <https://elibrary.ru/onalca>
14. Echmakov S.M. (2004). *Tenevaya ekonomika: Analiz i modelirovanie* [Shadow Economy: Analysis and Modeling]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 405 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qqilgh>
15. Matsievskii N.S. (2015). *Tenevaya Rossiya: istoki, sushchnost', prichiny, posledstviya* [Shadow Russia: Origins, Essence, Causes, Consequences]. Tomsk, Red Banner Publ., 533 p. (In Russ.) Available at: <https://www.chitalnya.ru/work/1656292/> (accessed: 20.12.2022)
16. Cheremnykh O.A. (2019). Economic crimes in the Russian federation as a threat to its economic security. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 11 (112), pp. 117-122. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jhvvhn>

17. Dadalko V.A., Tyukina U.E. (2019). The impact of the informal sector of the economy on the national security of Russia. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, vol. 15, no. 3 (372), pp. 521-532. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/ni.15.3.521>, <https://elibrary.ru/yzinsx>
18. Kuznetsova E.I. (2020). *Ekonomicheskaya bezopasnost' i konkurentosposobnost'. Formirovanie ekonomicheskoi strategii gosudarstva* [Economic Security and Competitiveness. Formation of the Economic Strategy of the State]. Moscow, Unity-Dana Publ., 240 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rbcbsp>
19. Echmakov S.M. (2004). *Tenevaya ekonomika: Analiz i modelirovanie* [Shadow Economy: Analysis and Modeling]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 405 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qqilgh>
20. Vorobeveva S.V., Volkov I.A. (2020). Certain problems of crimes qualification related to abuse and excess of authority. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 4, no. 14, pp. 206-215. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2020-4-14-206-215>, <https://elibrary.ru/sdrbzi>
21. Frunzeeva A.N., Frunzeeva Zh.N. (2019). Corruption as a threat to economic security. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Herald of Science and Education*, no. 9-4 (63), pp. 52-55. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zpvhsp>

Поступила в редакцию / Received 26.01.2023

Поступила после рецензирования / Revised 05.04.2023

Принята к публикации / Accepted 14.04.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.78

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-263-274>

Шифр научной специальности 5.1.3

Предложения по реформированию гражданско-правовой охраны искусственного интеллекта как единого объекта интеллектуальной собственности

© ГОЛОВИН Кирилл Сергеевич,

аспирант, кафедра частноправовых дисциплин, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34, <https://orcid.org/0009-0002-8844-488X>, golovinks@gmail.com

Аннотация

Цель данного исследования – предложить реформы правовой охраны искусственного интеллекта (ИИ) в России, в частности, в отношении охраны ИИ как единого объекта интеллектуальной собственности. Исследование предполагает, что модернизированная патентная охрана является наилучшим способом защиты прав на ИИ и его результатов, поскольку патентная охрана может обеспечить более комплексную и надежную защиту прав на технологии ИИ. Методология работы включила анализ существующей в России нормативно-правовой базы для охраны ИИ и выявление пробелов в этом контексте. Автор предлагает несколько мер по изменению законодательства, включая введение патентной охраны для всех ИИ, создание хранилища рабочих версий ИИ и сокращение срока патентной охраны для предотвращения монополизации. Проведенный анализ показал, что существующая правовая база для охраны ИИ в России неадекватна и требует переоценки. Существующий режим охраны ИИ должен быть расширен до патентной охраны, что может стимулировать инвестиции в исследования и разработки в области ИИ. Создание хранилища рабочих версий ИИ может повысить эффективность исследований и разработок, одновременно решая проблему «черного ящика», присущую ИИ. Кроме того, сокращение срока патентной охраны может предотвратить монополизацию и гарантировать, что ИИ принесет пользу обществу в целом. Теоретическая и практическая значимость данного исследования заключается в том, что в нем предлагаются изменения существующей правовой базы для охраны ИИ как объекта интеллектуальной собственности. В исследовании представлены авторские редакции следующих концепций: патентная охрана ИИ, депозитарий рабочих версий ИИ, сокращение срока патентной охраны. Эти предложения могут помочь решить правовые проблемы, связанную с правовой охраной ИИ как объекта интеллектуальной собственности, и обеспечить адекватную защиту прав, способствуя инновациям и балансу интересов общества в целом.

Ключевые слова

искусственный интеллект, патентное право, авторское право, программы для ЭВМ, нейронная сеть, алгоритмы машинного обучения

Для цитирования

Головин К.С. Предложения по реформированию гражданско-правовой охраны искусственного интеллекта как единого объекта интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 263-274. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-263-274>

Proposals for reforming the civil law protection of artificial intelligence as a single object of intellectual property

© Kirill S. GOLOVIN,

Post-Graduate Student, Private Law Disciplines Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34, B. Cheremushkinskaya St., Moscow, 117218, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0002-8844-488X>, golovinks@gmail.com

Annotation

The purpose of this study is to propose reforms of the legal protection of artificial intelligence (AI) in Russia, in particular, in relation to the protection of AI as a single object of intellectual property. The study suggests that modernized patent protection is the best way to protect AI rights and results, as patent protection can provide more comprehensive and stronger protection of AI technology rights. The methodology of the work included an analysis of the existing legal and regulatory framework for the protection of AI in Russia and the gaps identification in this context. The author proposes several measures to change the law, including the introduction of patent protection for all AI, the working repository creation versions of AI, and the patent protection term reduction to prevent monopolization. The analysis carried out showed that the existing legal framework for the protection of AI in Russia is inadequate and needs to be reassessed. The current AI protection regime should be expanded to include patent protection, which could encourage investment in AI research and development. Creating a repository of working versions of AI can improve the efficiency of research and development, while solving the “black box” problem inherent in AI. In addition, shortening the patent protection term can prevent monopolization and ensure that AI benefits society as a whole. The theoretical and practical study significance lies in the fact that it proposes changes to the existing legal framework for the protection of AI as an object of intellectual property. The study presents the author’s editions of the following concepts: patent protection of AI, depository of working versions of AI, reduction of the term of patent protection. These proposals can help solve the legal problems associated with the legal protection of AI as an object of intellectual property, and provide adequate protection of rights, promoting innovation and balancing the interests of society as a whole.

Keywords

artificial intelligence, patent law, copyright, computer programs, neural network, machine learning algorithms

For citation

Golovin, K.S. (2023). Proposals for reforming the civil law protection of artificial intelligence as a single object of intellectual property. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 263-274 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-263-274>

Введение. Постановка проблемы

Осмысление искусственного интеллекта (далее по тексту – ИИ) и его значения в современных технологиях является вопросом первостепенной важности для экономического, технологического и военного доминирования Российской Федерации в мире. Важность развития правового регулирования данной отрасли однозначно определена и подтверждена многочисленными нормативными актами, такими как Указы Президента Российской Федерации от 01 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федера-

ции»¹ и от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»², и Распоряжения Правительства от 28 июля 2017 г. № 1632-р³ и от

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. 05 дек. № 49. Ст. 6887.

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. 14 окт. № 41. Ст. 5700.

³ Об утверждении Программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р // Собрание зако-

23 марта 2018 г. № 482-р⁴, Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ⁵.

Кроме того, в 2020 г. принято распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в области технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года»⁶. Целью Концепции является определение основных подходов к преобразованию системы регулирования в Российской Федерации для содействия созданию и применению технологий ИИ в различных областях экономики при соблюдении прав граждан и обеспечении безопасности личности, общества и государства. Концепция также определяет ряд принципов регулирования использования технологий ИИ и робототехники, которые служат основным вектором развития регулирования в настоящий период времени. Концепция, помимо определения принципов регулирования и прав граждан, очерчивает области применения технологий ИИ и необходимые направления законодательных изменений.

ИИ важен для технологического развития страны, поскольку он способен стимулировать инновации, повышать эффективность и производительность, а также пред-

лагать новые решения сложных проблем. Например, такие технологии на базе ИИ, как самоуправляемые автомобили, системы медицинской диагностики [1, с. 101] и программное обеспечение для распознавания речи, способны произвести революцию в соответствующих отраслях и способствовать экономическому росту страны.

Однако крайне важно обеспечить адекватную правовую защиту прав разработчиков ИИ, чтобы стимулировать инновации и предотвратить кражу интеллектуальной собственности. Модификация патентной охраны ИИ может помочь защитить уникальные характеристики и функциональные возможности систем ИИ. Без патентной охраны создатели ИИ могут не решаться вкладывать время и ресурсы в разработку новых и инновационных систем ИИ, опасаясь, что их технология будет скопирована конкурентами без каких-либо юридических последствий.

В России охрана ИИ как единого объекта интеллектуальной собственности не предусмотрена, поэтому в настоящее время возможна только отдельная охрана оболочки ИИ – программы для ЭВМ нормами об авторском праве, алгоритмов машинного обучения и нейронных сетей нормами авторского или патентного права в зависимости от технического результата, как будет указано далее. Считаю: авторско-правовая охрана не соответствует экономической природе ИИ, и если ранее было принято решение об охране программ для ЭВМ авторским правом, то в настоящий момент все ИИ в Российской Федерации должны получить патентную охрану для технологического и экономического развития. Так как раздвоенная авторско-правовая и патентная охрана для разных ИИ создает сложности для разработчиков в выборе надлежащих способов защиты, дополнительно охрана авторским правом является недостаточной для предотвращения кражи интеллектуальной собственности или стимулирования инноваций в индустрии ИИ. Без надлежащей единой правовой конструкции охраны сложно создать и сохранить свое технологическое развитие в отрасли ИИ и конкурировать с другими странами, обеспечивающими более надежную патентную охрану ИИ (США, ЕС, Китай).

нодательства Российской Федерации. 2017. 07 авг. № 32. Ст. 5138.

⁴ Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Технет» (передовые производственные технологии): распоряжение Правительства РФ от 23.03.2018 № 482-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. 09 апр. № 15 (Часть V). Ст. 2173.

⁵ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. 27 апр. № 17. Ст. 2701.

⁶ Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.: распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. 31 авг. № 35. Ст. 5593.

Целью настоящего исследования является осуществить правовой анализ ИИ как единого объекта интеллектуальной собственности и обоснование того, что модернизированная патентная охраны является наилучшим способом защиты прав на ИИ и его результатов. В работе утверждается, что охрана с помощью патентного права применима к ИИ, поскольку это сложная технология, включающая различные компоненты, в том числе аппаратное и программное обеспечение, и трудно найти адекватные способы защиты с помощью других режимов охраны интеллектуальной собственности. Согласно проведенному исследованию, патентная охрана способна обеспечить более надежную и всеобъемлющую охрану ИИ и его результатов, что необходимо для развития и коммерческого использования технологии ИИ. Следует отметить, что данное исследование носит гражданско-правовой характер и посвящено правовому анализу и обоснованию модернизации авторско-правовой и патентной охраны для поиска наилучшего способа защиты прав на ИИ и его результатов.

Результаты исследования

1. Понятие искусственного интеллекта

Дать определение ИИ непростая задача. Существует множество определений ИИ и множество типов систем ИИ. Джон Маккарти [2, с. 80], придумавший термин «искусственный интеллект», не дал для него самостоятельного определения, а Рассел и Норвиг предложили почти десять различных [3].

Определения варьируются по мере того, как подчеркиваются различные аспекты ИИ. Искусственный интеллект может быть определен, исходя из ее характеристик, как система, способная выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта, такие как распознавание, принятие решений, творчество, обучение, развитие и общение. ИИ также можно описать как инструмент, который делает существующие решения более эффективными за счет использования всех данных, находящихся в пределах досягаемости ИИ.

Существует восемь важных особенностей ИИ, некоторые ИИ включают часть или все эти особенности, в то время как другие более похожи на программы для ЭВМ. ИИ, обладающие всеми восемью признаками,

включая роботов, работающих вместе с ИИ, используются не только для решения сложных проблем во все большем числе отраслей – «умные» транспортные средства, потребительские устройства, медицинские и фармацевтические технологии, – но и для создания и производства продуктов и процессов.

Творчество: ИИ обладает способностью генерировать новые концепции, процессы и улучшать существующие. Он способен копировать и повторять существующие продукты и данные для получения оригинальных результатов. Например, системы ИИ могут создавать чертежи, проекты и изобретения, такие как технические устройства и лекарства. Возникают юридические вопросы, касающиеся прав интеллектуальной собственности на созданные ИИ работы, особенно если трудно определить степень участия человека в творческом процессе.

Непредсказуемые результаты: ИИ разработан для использования алгоритмов, которые могут применять непредсказуемые комбинации, ведущие к непрогнозируемым способам достижения оптимального решения и, следовательно, непредсказуемым решениям с точки зрения программистов, создателей и пользователей. Системы ИИ ориентированы на достижение цели и работают путем обработки данных и принятия решений, которые не могут быть предвидены участниками процесса. Непрозрачность процесса ИИ, который часто называют «черным ящиком», поднимает вопросы открытости и подотчетности, особенно в случаях, когда генерируемые ИИ решения могут иметь значительные юридические и этические последствия [4, с. 93].

Независимое, автономное функционирование: Способность ИИ функционировать независимо и автономно является одной из основополагающих характеристик систем ИИ. Автономный ИИ может иметь различные определения в разных отраслях и для разных систем, но в целом это означает способность устройства ИИ выполнять задачи высокого уровня без внешнего вмешательства человека. Возникают вопросы о том, кто несет ответственность за любые юридические или этические последствия, возникающие в результате действий, предпринимаемых автономной системой ИИ.

Эволюция: Системы ИИ способны развиваться и изменяться в ответ на новые данные. Эта особенность способствует непредсказуемости, о которой говорилось ранее. Результаты, генерируемые ИИ, могут отличаться от первоначального плана создателей или операторов системы. Здесь потенциально могут возникнуть юридические проблемы, связанные с правом собственности на интеллектуальную собственность развивающейся системы ИИ, особенно если результаты, генерируемые ИИ, не соответствуют первоначальному замыслу создателей или операторов.

Способность обучаться, собирать, осуществлять доступ и взаимодействовать с внешними данными: Способность ИИ активно искать внешние данные и взаимодействовать с ними является важной характеристикой. На основе собранных данных система ИИ может продолжать работу, получая обратную связь и затем улучшая результаты. Возникают вопросы о том, кому принадлежат данные, собранные системой ИИ, и кто имеет право доступа и использования этих данных.

Эффективность и точность: Системы ИИ обладают способностью обрабатывать огромные объемы данных с точностью, эффективностью и скоростью, превосходящими возможности человеческого мозга. В связи с этим возможны юридические проблемы, связанные с точностью результатов, генерируемых ИИ, особенно в тех случаях, когда они могут иметь значительные юридические последствия.

«Свободный выбор» и ориентация на цели: Способность системы ИИ выбирать между различными вариантами для достижения наилучшего возможного результата является важной характеристикой ИИ. Например, оружие, оснащенное ИИ, определяет, какие цели атаковать, основываясь на окружающих данных, а специальные системы ИИ, встроенные в автомобили без водителя, обрабатывают данные, чтобы определить оптимальный маршрут и избежать препятствий. Возможны юридические проблемы, связанные с ответственностью за решения, принимаемые системами ИИ, особенно если эти решения приводят к причинению вреда или ущерба.

Сотрудничество: Системы ИИ предназначены для совместной работы с людьми и

другими системами ИИ. Это создает новые проблемы в плане создания новых продуктов и процессов, являющихся результатом совместной работы, и ставит вопросы о том, кому принадлежит интеллектуальная собственность, полученная в результате такой совместной работы. Может возникнуть юридическая проблема в отношении прав интеллектуальной собственности на совместную работу, особенно если сложно определить степень участия человека в совместной работе.

Все эти восемь особенностей в той или иной степени характеризуют различные области применения ИИ. Становится все более очевидным по мере развития технологий и по мере того, как ИИ когда в них встраиваются перечисленные выше функции, становятся все более способными имитировать функции, которые мы считаем символом человеческого разума, создавая новые продукты и процессы. Системы ИИ стали ценными для решения конкретных проблем и теперь обещают улучшить конкретные человеческие навыки – не только точность, скорость и способность обрабатывать огромные объемы данных, но и креативность, автономность, новизну и другие характеристики, которые создают патентоспособные инновации. Таким образом, традиционное патентное право неприменимо в новую эпоху ИИ.

В России юридическое определение понятия «искусственный интеллект» можно найти в двух важных законодательных актах: Федеральном законе № 123-ФЗ от 24 апреля 2020 г.⁷ и Указе Президента РФ № 490 от 10 октября 2019 г.⁸ Понятие ИИ в современном понимании относится к группе технологических решений, предназначенных для вос-

⁷ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. 27 апр. № 17. Ст. 2701.

⁸ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. 14 окт. № 41. Ст. 5700.

произведения когнитивных способностей человека, таких как решение проблем и самообучение, без использования запрограммированных алгоритмов. Эти технологические решения включают в себя программные приложения, использующие технологии машинного обучения, связную инфраструктуру, процедуры и услуги для обработки данных и выработки решений. Это определение охватывает как современные технологии ИИ, которые работают над заранее определенными задачами, так и будущие автономные технологии ИИ, которые потенциально могут вытеснить роль человека.

Кроме того, закон определяет передовые методы ИИ, в правовом аспекте передовые методы ИИ классифицируются как научно-технические инновации, которые предусматривают развитие, способность автономно решать проблемы и возможность автоматического проектирования физических объектов. Дополнительно к передовым методам ИИ относятся алгоритмы, которые могут решать проблемы на основе разделенных и/или ограниченных данных, обработка информации с использованием новых вычислительных систем, интерпретационная обработка данных и различные иные методы.

Законодателем проводится четкое разграничение между понятиями ИИ и ИИ-технологий [5, с. 50]. Согласно закону, под ИИ понимается совокупность технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека, такие как самообучение и решение проблем без заранее установленного алгоритма. С другой стороны, технологии ИИ основаны на использовании ИИ и охватывают ряд компьютерных систем, программного обеспечения и коммуникационной инфраструктуры, использующих ИИ.

Более того, закон дает определение «технологического решения», которое включает в себя различные понятия, связанные с технологиями, такие как компьютерные программы, базы данных и другое программное обеспечение. Дополнительно в законе отмечается, что технологические решения могут также включать информацию о наиболее эффективных способах их использования, что означает, что правовая база сосредото-

чена не только на самой технологии, но и на способах ее внедрения и оптимизации.

Таким образом, краткое определение ИИ – это набор технологических решений, которые имитируют когнитивные функции человека и позволяют получить результаты, сравнимые с интеллектуальной деятельностью человека. Это сложная и многогранная технологическая область, границы которой постоянно расширяются и развиваются. По своей сути ИИ включает в себя компьютерные системы, способные выполнять задачи, которые традиционно требуют человеческого интеллекта, такие как распознавание закономерностей, принятие решений, обучение и общение.

Определяющими характеристиками систем ИИ являются их способность работать автономно, развиваться в ответ на новые данные, давать непредсказуемые результаты, взаимодействовать с внешними источниками данных и получать к ним доступ, а также сотрудничать с другими системами ИИ и людьми. Важно отметить, что системы ИИ могут также демонстрировать креативность и изобретательность, создавая новые продукты и процессы, которые бросают вызов традиционным представлениям о человеческой изобретательности.

Учитывая широту и потенциальное влияние технологии ИИ, юридическое определение ИИ должно быть тщательно разработано, чтобы отразить его различные технические характеристики и одновременно признать его правовые и нормативные последствия. Комплексное юридическое определение ИИ должно охватывать его технические компоненты, включая алгоритмы машинного обучения, коммуникационную инфраструктуру и процедуры обработки данных, а также правовые и этические аспекты, такие как право собственности на данные, ответственность за автономное принятие решений и последствия для традиционных режимов интеллектуальной собственности.

2. Формы правовой охраны ИИ

Гражданский кодекс Российской Федерации⁹ в статье 1225 закрепляет закрытый

⁹ Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание

перечень охраняемых объектов интеллектуальной собственности. Он включает в себя, в частности, охрану научных, литературных и художественных произведений, а также изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Каждый из них имеет свои уникальные особенности. Охрана с помощью авторского права не требует регистрации или соблюдения формальностей; вместо этого она охраняет форму выражения произведения. Она включает в себя право на неприкосновенность произведения, не допускающее изменений или дополнений без разрешения автора, включая добавление иллюстраций, комментариев, предисловия.

В отличие от этого, патентная охрана направлена на содержание результатов интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере. Для получения патентной охраны объекты должны соответствовать условиям патентоспособности, установленным ГК РФ.

Изобретения являются патентоспособными, если они отвечают условиям новизны, изобретательского уровня и промышленной применимости. Если изобретение не известно из уровня техники, включая общедоступную информацию во всем мире до даты приоритета изобретения, то оно является новым. Оно имеет изобретательский уровень, если для специалиста в данной области не следует явным образом из уровня техники, и промышленную применимость, если оно может быть использовано в различных областях экономики или социальной сферы.

Согласно пункту 50 Правил¹⁰, проверка соответствия заявленного изобретения условиям патентоспособности, предусмотренному пунктом 5 статьи 1350 ГК РФ, включает:

- анализ задачи, решаемой при создании заявленного изобретения;
- анализ результата, обеспечиваемого заявленным изобретением;
- исследование причинно-следственной связи между признаками заявленного изобретения и обеспечиваемым им результатом.

законодательства Российской Федерации. 2006. 25 дек. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

¹⁰ О государственной регистрации изобретений: Приказ Минэкономразвития России от 21.02.2023 № 107. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

Кроме того, представлен алгоритм проверки принадлежности заявленного решения к изобретению. Решение считается относящимся к объектам, не являющимся изобретениями как таковыми, если все признаки, которыми характеризуется заявленное изобретение в формуле изобретения, обеспечивают нетехнический результат.

Данный критерий (определение того, относится ли заявленное решение к техническому решению) основан на определении того, достигает ли заявленное предложение результата, который можно считать техническим.

В пункте 36 Правил указано, что к техническим результатам относятся результаты, представляющие собой явление, свойство, а также технический эффект, обусловленный явлением, свойством, объективно проявляющиеся при осуществлении способа или при изготовлении или использовании продукта, в том числе при использовании продукта, полученного непосредственно способом, воплощающим изобретение, и, как правило, характеризующиеся физическими, химическими или биологическими параметрами.

Другими словами, для того чтобы изобретение в области ИИ получило патентную охрану в России, оно должно иметь технический эффект, который может быть объективно проявлен при осуществлении способа или в процессе производства или использования продукта. Этот технический эффект должен характеризоваться физическими, химическими или биологическими параметрами, а не просто нетехническим результатом, достигаемым путем выполнения определенной процедуры или получения информации.

Большинство систем ИИ воплощаются в программах для ЭВМ, охрана результатов интеллектуальной деятельности, связанных с программами для ЭВМ, осуществляется в соответствии с законодательством об авторском праве. Согласно статье 1261 ГК РФ все виды компьютерных программ, включая операционные системы и пакеты программного обеспечения, охраняются так же, как и литературные произведения. Правообладатель имеет возможность зарегистрировать такие программы в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной

собственности в течение срока действия исключительного права¹¹.

Патентование изобретения может предоставить охрану алгоритму программы как способу. Однако при осуществлении защиты программного обеспечения в рамках патентного права необходимо учитывать некоторые особенности заявки на изобретение. ГК РФ также определяет объекты, которые не являются техническими решениями и не могут охраняться как изобретения. К таким объектам относятся математические методы, правила и методы игр, интеллектуальной или экономической деятельности, компьютерные программы, а также решения, которые связаны только с представлением информации. Все эти объекты могут быть реализованы с помощью компьютерных программ и выражены в виде алгоритма компьютерной операции.

Алгоритмы обычно определяются как набор инструкций, используемых для решения проблем. Эти указания могут быть реализованы в компьютерных программах для выполнения необходимых шагов для решения конкретной проблемы. Таким образом, алгоритмы – это инструменты, используемые для обработки данных, что позволяет обрабатывать огромные объемы данных.

Система ИИ создается на основе данных и состоит как из запрограммированных алгоритмов, так и из математических моделей. Математические модели – это абстрактные ментальные концепции, используемые для объяснения того, как обрабатывать и использовать лежащие в их основе числа. Однако патентная охрана технических изобретений не рассматривает математические методы как изобретения, и поэтому они не подлежат патентной охране.

Алгоритмы предназначены для решения проблем логическим путем, а не с помощью контролируемых естественных сил физического мира. Математические модели состоят из формул и числовых значений и не имеют технического содержания. Следовательно, ни одно из этих явлений не считается техническим изобретением и не подлежит патент-

ной охране в соответствии с частью 5 статьи 1350 ГК РФ, которая исключает патентоспособность определенных явлений. Однако компьютерные программы могут пониматься как инструменты для реализации алгоритмов и математических моделей и могут иметь техническое содержание в конкретных случаях.

Если модель имеет технический эффект, то применяется патентное право. На практике трудно представить себе математическую модель или компьютерную программу, имеющую прямой технический эффект, без физических элементов. Тем не менее, формула изобретения может быть определена таким образом, чтобы включить патентную охрану модели или программы «как таковой». Таким образом, использование математических методов для достижения технического успеха не исключает патентоспособности.

Например, процедура, которая координирует оптимизационные модели и алгоритмы с аппаратными средствами для вычислений в больших приложениях для достижения энергоэффективности и ресурсосберегающих процессов, может быть патентоспособным изобретением [6, с. 45].

С учетом вышеизложенного, давайте рассмотрим некоторые примеры составляющих ИИ объектов, которые могут претендовать на патентную охрану.

3. Алгоритмы машинного обучения

Традиционные программы для ЭВМ пишутся с использованием алгоритма, который определяет заранее определенную инструкцию для машины, подобно юридическому изложению фактов и последствий. Программист точно описывает путь принятия решения, включая соответствующие факты, чтобы прийти к определенному результату.

Основная сила компьютерных программ заключается в их способности безошибочно обрабатывать огромные объемы информации. Однако системы ИИ, использующие машинное обучение, обладают уникальной способностью расширять сферу своей деятельности, приобретая знания на основе обучающих наборов данных. Эта способность к непрерывному самосовершенствованию обеспечивает гораздо больше возможностей для применения, чем традиционные компьютерные программы. Алгоритмы, на

¹¹ Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. С.П. Гришаева. Доступ из СПС Консультант-Плюс.

которых основаны такие системы, по своей структуре отличаются от алгоритмов компьютерных программ вне ИИ, с четко определенными и часто организованными нейронными сетями или другими математическими системами. Их сложность заключается во взаимосвязях между различными элементами модели.

Практическая задача разработки систем ИИ заключается в поиске подходящего механизма для корректировки системы на основе данных обучения. Корректировки могут повторяться, а система может быть «переконфигурирована», чтобы обеспечить динамические решения, которые со временем адаптируются к новым данным и содержащейся в них информации.

Системы ИИ имеют два основных слоя: слой обучения и прикладной слой, каждый из которых имеет свой собственный набор программных инструкций [7, р. 2230]. Обучающий слой адаптирует исходную модель, используя обучающие наборы данных, а прикладной слой окончательно применяет разработанную модель. Структура модели и программные инструкции обычно определяются экспертом во время разработки алгоритма машинного обучения. Однако качество и количество обучающих данных также имеют решающее значение для успеха системы.

Алгоритмы машинного обучения – это подмножество алгоритмов ИИ, которые позволяют машинам обучаться на основе данных и улучшать свою производительность с течением времени. Будучи разновидностью программного обеспечения, алгоритмы машинного обучения обычно подлежат охране авторским правом при условии, что они выражены на языке программирования. Однако охрана авторских прав не распространяется на идеи или концепции, лежащие в основе алгоритма, а только на конкретное выражение этих идей в коде.

В качестве альтернативы алгоритмы машинного обучения могут быть охраняться патентами, если они имеют технический эффект и схематично описаны в патентной заявке без исходного кода. Хотя это обеспечивает более сильную охрану, чем авторское право, в некоторых отношениях это также ослабляет охрану, поскольку точная последовательность команд не охраняется, кроме

того, не происходит охрана обучающих данных. Это особенно важно для работы ИИ, поскольку последовательность команд может иметь решающее значение для работы алгоритма.

4. Нейронные сети

Следует отметить, что в наше время нейронные сети являются наиболее часто используемыми системами машинного обучения. Эти системы представляют собой вычислительные модели, основанные на принципах работы человеческого мозга, в котором несколько слоев нейронов соединены между собой. Каждый нейрон получает входные данные от предыдущего уровня, применяет к ним заданный вес, а затем создает выходное значение, которое затем передается на следующий уровень. Количество входных нейронов зависит от предоставленных данных, а количество выходных нейронов – от поставленных вопросов. Например, для автоматического распознавания почтовых индексов требуется десять выходных нейронов для определения чисел от 0 до 9.

Простые нейронные сети, используемые на практике, состоят не менее чем из трех уровней, включая входной уровень, скрытый уровень и выходной уровень. Однако сложные сети могут включать в себя несколько уровней. Хотя различные технологии могут использовать разные подходы, системы машинного обучения обычно состоят из трех элементов: наборов данных, алгоритмов и математических моделей с соответствующими параметрами, которые остаются применимыми для будущих правовых соображений. Алгоритм оптимизирует параметры математической модели путем повторных запусков программы для получения оптимальных результатов.

Глубокое обучение, подгруппа нейронных сетей является наиболее продвинутой формой машинного обучения. Эта техника использует нейронную сеть с несколькими уровнями, называемую «глубокой» сетью, и несколько таких сетей также могут быть объединены. Следовательно, глубокое обучение может работать со многими уровнями абстракции, позволяя изучать даже сложные предметы. Такие глубокие сети особенно полезны в распознавании изображений и речи, обработке текстов и современных про-

граммах перевода. Важно подчеркнуть, что внешний вид нейронной сети или модели обучения зависит от типа решения проблемы, хотя математически ее можно описать как набор формул и параметров.

Нейронные сети – это программы для ЭВМ, состоящие из подмножества алгоритмов ИИ, которые имитируют поведение человеческого мозга. В нейронных сетях математические модели взаимодействия нейронов сочетаются с обучением больших данных для достижения конечного результата. Поэтому наибольшую ценность представляет конечный продукт работы ИИ, а не просто схема в патенте или программный код.

Однако охрана ИИ, основанного на нейронных сетях, представляет собой сложную задачу. Традиционные режимы охраны, такие как авторское и патентное право, недостаточны для решения уникальных особенностей технологии ИИ. Хотя нейронная сеть может производить технический эффект и может претендовать на патентную охрану в России как компонент материального объекта, например, повышать точность или скорость распознавания изображений, точная последовательность команд не охраняется, что ослабляет патентную охрану.

Таким образом, возможно, необходимо создать новый комплексный режим охраны ИИ на основе нейронных сетей, используя элементы как авторского, так и патентного права. Охрана должна распространяться не только на исходный код, но и на конечный продукт работы ИИ. Это позволит охранять ИИ на основе нейронной сети как оригинальное авторское произведение, подобно тому, как авторское право охраняет творческие произведения.

5. Правовую охрану ИИ необходимо реформировать

Несмотря на то, что права на программное обеспечение, включая программы искусственного интеллекта, возможно защитить в рамках режима охраны интеллектуальной собственности, предусмотренного законом об авторском праве, нельзя отрицать, что защита прав при патентной охране обеспечивает гораздо более значительную и эффективную охрану инноваций.

Когда речь идет о программном обеспечении и ИИ, авторское право имеет ограни-

ченную сферу действия, поскольку возможна защита только выражения произведения, то есть исходный код, объектный код и другие формы кода. В отличие от этого, патентная охрана может охватывать как программное обеспечение, так и аппаратные компоненты системы ИИ, что обеспечивает гораздо более широкий объем охраны. Более того, патентные права могут быть реализованы легче, чем авторские, поскольку патенты регистрируются, что означает, что они публикуются и доступны для публичного ознакомления.

Кроме того, при авторско-правовой охране программы для ЭВМ не раскрывается, как ИИ выносит свои решения и работает. Искусственный интеллект работает на основе набора запрограммированных правил, которые позволяют ему выносить суждения. Его способность выполнять конкретную задачу основана на его обучении использовать встроенные правила, и нейронная сеть, обученная на различных наборах данных, может использоваться для вынесения суждений по различным проблемам. Однако в большинстве приложений не раскрывается структура или организация искусственного интеллекта, в результате чего ИИ воспринимается как «черный ящик» [8, p. 150].

Другим важным аспектом ИИ является способ обучения. Чтобы сократить время обучения ИИ, человек может тщательно подобрать набор данных или использовать обучающую обратную связь, которая автоматически предоставляет выборку данных для обучения ИИ [9]. Авторско-правовая охрана работы ИИ скрывает принцип работы, методы обучения и цели обучения ИИ, что недопустимо в некоторых областях, таких как медицина или опасное производство или вождение автомобиля. При оформлении патента не указывается точный исходный код работы ИИ, что делает невозможным проверку работы ИИ по блок-схемам. Поэтому для раскрытия принципов работы ИИ существует необходимость создания хранилища рабочих версий ИИ с раскрытием программного кода.

Когда дело доходит до определения права собственности и защиты авторских прав на изобретения, созданные ИИ в рамках режима правовой охраны, возникает ряд проблем, которые необходимо решить. Одна из проблем

заключается в том, что в создании ИИ часто участвуют многочисленные заинтересованные стороны с различными интересами, что затрудняет определение того, кто имеет право на защиту авторских прав.

Закключение

Следует отметить, что существующая в России законодательная база в отношении охраны ИИ нуждается в переоценке, чтобы обеспечить адекватную охрану систем ИИ и при этом соблюсти баланс интересов изобретателей и общества в целом.

Во-первых, необходимо дать четкое определение ИИ в статье 1261 ГК РФ, разграничив понятия программы для ЭВМ, ИИ, машинного обучения и нейронных сетей:

Искусственный интеллект – это вид программы для ЭВМ, которая может использовать нейронные сети и методы машинного обучения для обработки и анализа данных, выявления закономерностей и принятия прогнозов или решений на основе этих данных.

Машинное обучение – использование алгоритмов для извлечения закономерностей из данных, позволяющих делать прогнозы и принимать решения без непосредственного вмешательства человека для выполнения задачи.

Нейронная сеть – это вид программы для ЭВМ, используемой в работе искусственного интеллекта, способной обучаться на основе данных, выявлять закономерности и делать прогнозы на основе этих данных.

Во-вторых, следует ввести патентную охрану для всех ИИ, а не только охрану по

средством авторского права, чтобы стимулировать инвесторов вкладывать средства в исследования и разработки ИИ. Следует признать сложность разграничения технических и нетехнических свойств ИИ, в связи с чем охрана не должна ограничиваться только теми ИИ, которые указаны в заявке как обладающие техническими свойствами, создавая двойственность правового регулирования.

В-третьих, в связи с присущей ИИ природой «черного ящика» необходимо создать депозитарий с рабочими версиями ИИ, что позволит исследователям и гражданам получить доступ к информации о том, как работают системы ИИ, и совершенствовать их.

Наконец, чтобы предотвратить монополизацию и обеспечить пользу ИИ для общества в целом, предлагается сократить срок патентной охраны ИИ. Важно найти баланс между охраной интересов изобретателей и обеспечением того, чтобы ИИ приносил пользу обществу в целом.

В заключение, очевидно, что для решения уникальных проблем, возникающих в связи с ИИ, необходимо внести изменения в существующую правовую базу, в следующих исследованиях будут предложены конкретные изменения в правовые нормы для усовершенствования правового регулирования ИИ. Давая четкие определения, вводя патентную охрану, создавая депозитарий и сокращая срок патентной охраны, Россия может обеспечить, чтобы ИИ приносил пользу обществу в целом и одновременно защищал интересы изобретателей.

Список источников

1. Мишина Н.В. Влияние пандемии COVID-19 на формирование права искусственного интеллекта // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. № 2. С. 98-102. <https://doi.org/10.23683/2313-6138-2020-7-2-13>, <https://elibrary.ru/pkeddk>
2. Hauck R., Cevc B. Patentschutz für Systeme Künstlicher Intelligenz? // Zeitschrift für Geistiges Eigentum. 2019. Bd. 11. Heft 2. S. 135-169. <https://doi.org/10.1628/zge-2019-0008>
3. Jin R., Yanisky-Ravid Sh. Summoning a new artificial intelligence patent model: in the age of pandemic // Michigan State Law Review. 2021. Vol. 2021. № 3. P. 811-860. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3619069>
4. Арзуманян А.Б. Искусственный интеллект: вопросы международно-правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 92-99. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-92-99>, <https://elibrary.ru/ieaaqu>
5. Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике. М.: ООО «Юстицинформ», 2022. 228 с. <https://elibrary.ru/rfcgjq>
6. Сальников М.Ю. Практика патентования IT-технологий // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 10. С. 43-50. <https://elibrary.ru/uqaatx>

7. Yanisky-Ravid Sh., Liu Xiaoqiong. When artificial intelligence systems produce inventions: the 3A era and an alternative model for patent law // *Cardozo Law Review*. 2018. P. 2215-2263. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2931828>
8. Schönberger D. Deep copyright: up- and downstream questions related to artificial intelligence (AI) and machine learning (ML) // *Zeitschrift für Geistiges Eigentum*. 2018. Bd. 10. Heft 1. S. 145-173. <https://doi.org/10.1628/zge-2018-0003>
9. Petit N. Law and Regulation of artificial intelligence and robots – conceptual framework and normative implications // SSRN. 2017. 31 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=2931339> (accessed: 03.02.2023). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2931339>

References

1. Mishina N.V. (2020). Influence of the COVID-19 pandemic on formation of the right of artificial intelligence. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Law Faculty, Southern Federal University*, no. 2, pp. 98-102. (In Russ.) <https://doi.org/10.23683/2313-6138-2020-7-2-13>, <https://elibrary.ru/pkeddk>
2. Hauck R., Cevc B. (2019). Patentschutz für Systeme Künstlicher Intelligenz? *Zeitschrift für Geistiges Eigentum*, Bd. 11, Heft 2, S. 135-169. (In Ger.) <https://doi.org/10.1628/zge-2019-0008>
3. Jin R., Yanisky-Ravid Sh. (2021). Summoning a new artificial intelligence patent model: in the age of pandemic. *Michigan State Law Review*, vol. 2021, no. 3, pp. 811-860. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3619069>
4. Arzumanyan A.B. (2021). Artificial intelligence: international issues of legal regulation. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*, no. 3, pp. 92-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-92-99>, <https://elibrary.ru/ieaaqu>
5. Kirsanova E.E. (2022). *Pravovoe regulirovanie oborota prav na rezul'taty intellektual'noi deyatel'nosti v tsifrovoi ekonomike* [Legal regulation of the turnover of intellectual property rights in the digital economy]. Moscow, LLC Yustitsinform Publ., 228 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rfcgjq>
6. Sal'nikov M.Yu. (2021). Practice of IT patenting. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost' = Intellectual Property. Industrial Property*, no. 10, pp. 43-50. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uqaatx>
7. Yanisky-Ravid Sh., Liu Xiaoqiong. (2018). When artificial intelligence systems produce inventions: the 3A era and an alternative model for patent law. *Cardozo Law Review*, pp. 2215-2263. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2931828>
8. Schönberger D. (2018). Deep copyright: up- and downstream questions related to artificial intelligence (AI) and machine learning (ML). *Zeitschrift für Geistiges Eigentum*, Bd. 10, Heft 1, S. 145-173. (In Ger.) <https://doi.org/10.1628/zge-2018-0003>
9. Petit N. (2017). Law and regulation of artificial intelligence and robots – conceptual framework and normative implications. SSRN, 31 p. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2931339> (accessed 03.02.2023). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2931339>

Поступила в редакцию / Received 05.03.2023

Поступила после рецензирования / Revised 14.06.2023

Принята к публикации / Accepted 16.06.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-275-286>

Шифр научной специальности 5.1.4

Дифференциация уголовной ответственности за неосторожное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью с выделением квалифицирующего признака

© ГОРОБЦОВА Юлия Олеговна,

адъюнкт, факультет подготовки научно-педагогических и научных кадров, ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя», Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12, <https://orcid.org/0009-0008-9160-8973>, juliaskorbich@mail.ru

Аннотация

Уделено внимание специфике дифференциации уголовной ответственности с учетом теории уголовного права. Констатируется, что в нашем случае применимо к деянию, сопряженному с причинением смерти по неосторожности (статья 109 УК РФ), а также нанесением тяжкого вреда здоровью по неосторожности (статья 118 УК РФ), происходит дифференциация с учетом субъекта преступления (лицом, не надлежаще исполняющим свои профессиональные обязанности; как правило, это медицинские работники). Так, человеком нарушаются определенные правила, которые направлены на охрану и защиту жизни. Вследствие чего по роду своей профессии он мог бы предвидеть наступление смерти или причинение тяжкого вреда здоровью и предупредить ситуацию, оказать соответствующую помощь. Акцентируется внимание на особенностях привлечения данных субъектов к уголовной ответственности при определении причинной связи. О вреде здоровью или смерти можно говорить, если только врач совершает конкретные действия (а не воздерживается от действий), которые ухудшают состояние больного. Однако есть основания исключения привлечения лиц, осуществляющих ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей. Например, в случае, когда лицом были соблюдены все соответствующие его профессиональной деятельности правила поведения, однако смерть наступила, но по другим возникшим причинам и основаниям или подобным же образом потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью и т. д. Подчеркнуто, что дальнейшее развитие дифференциации уголовной ответственности преступлений по неосторожности, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью или смерти, с выделением квалифицирующих признаков, особенно значимы на сегодняшний день.

Ключевые слова

неосторожное причинение смерти, неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью человека, ненадлежащее исполнение лицами своих профессиональных обязанностей, медицинские сотрудники, уголовная ответственность

Для цитирования

Горбцова Ю.О. Дифференциация уголовной ответственности за неосторожное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью с выделением квалифицирующего признака // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 275-286. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-275-286>

Differentiation of criminal liability for negligent infliction of death or grievous bodily harm with the allocation of a qualifying feature

© Yulia O. GOROBTSOVA,

Adjunct, Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, 12 Akademika Volgina St., Moscow, 117997, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0008-9160-8973>, juliaskorbich@mail.ru

Abstract

Attention is paid to the specifics of criminal liability differentiation, taking into account the criminal law theory. It is stated that in our case, it is applicable to an act associated with causing death by negligence (Article 109 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as infliction of grievous bodily harm by negligence (Article 118 of the Criminal Code of the Russian Federation), differentiation takes place taking into account the subject of the crime (a person who improperly performs their professional duties; as a rule, these are medical staff). Thus, a person violates certain rules that are aimed at saving and protecting life. As a result, by the nature of his profession, he could foresee the onset of death or the infliction of grievous bodily harm and prevent the situation, provide appropriate assistance. Attention is focused on the features of bringing these subjects to criminal liability in determining the causal relationship. It is possible to talk about harm to health or death, if only the doctor performs specific actions (and does not refrain from actions) that worsen the patient's condition. However, there are grounds for excluding the involvement of persons who improperly perform their professional duties. For example, in the case when a person complied with all the rules of conduct corresponding to his professional activity, however, death occurred, but for other reasons and grounds that arose, or in a similar way, the victim suffered serious bodily harm, etc. It is emphasized that the further development of the differentiation of criminal liability for crimes by negligence associated with the infliction of grievous bodily harm or death, with the allocation of qualifying features, is especially significant today.

Keywords

negligent infliction of death, negligent infliction of grievous bodily harm, improper performance of professional duties by persons, medical staff, criminal liability

For citation

Gorobtsova, Yu.O. (2023). Differentiation of criminal liability for negligent infliction of death or grievous bodily harm with the allocation of a qualifying feature. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 275-286 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-275-286>

Введение

Российский законодатель уже на протяжении нескольких лет акцентирует внимание на особенностях противодействия насильственной преступности. Подразумеваются, в частности, деяния, посягающие на жизнь и здоровье лиц. Любая насильственная криминальная деятельность представляет собой социально-опасную форму агрессии одного лица по отношению к другому. Кроме того, именно на данный вид преступности приходится значительное число зарегистрированных общественно опасных деяний.

Так, согласно статистическим данным Судебного Департамента при Верховном суде Российской Федерации, за 2019 г. по статьям 105–109 УК РФ было осуждено 7511 человек. Из них по части 2 статьи 109 УК РФ приговорено 143 лица, в 2020 г. – 6233 из них по части 2 статьи 109 УК РФ осуждено 114 лиц, в 2021 г. – 6873, при этом по части 2 статьи 109 УК РФ подлежали ответственности 122 лица. За первое полугодие 2022 г. – 3079 правонарушителей по вышеуказанным составам преступлений, но применимо к части 2 статьи 109 УК РФ осужден 61 человек.

В 2019 г. по статьям 111–116.1 УК РФ наказано 42045 преступников, в 2020 г. – 28363, в 2021 г. – 37136, за первое полугодие 2022 г. приговорено 17440 человек¹. При этом по статье 118 УК РФ в 2019 г. получили приговор 1027 человек, из них по части 2 статьи 118 УК РФ – 48, в 2020 г. осужден 841, из них по части 2 статьи 118 УК РФ – 30 лиц. В 2021 г. наказаны 833 лица, из них 31 был осужден по части 2 статьи 118 УК РФ, в первом полугодии 2022 г. насчитывалось 364 преступника, из них 18 человек приговорено по части 2 статьи 118 УК РФ.

Между тем рассматриваемые нами деяния в общем числе совершаемых преступлений, посягающих на жизнь и здоровье, представляют незначительное число. С каждым годом происходит снижение статистических данных. Однако, вместе с тем, они совершаются лицами с использованием своих профессиональных обязанностей (об этом скажем ниже).

Подчеркнем, что, как отмечают многие исследователи, изучаемые в работе преступления обладают латентностью. Так, например, по мнению М.Е. Репина, из 8 млн экспертиз каждая 10-я указывает на неправильное лечение [1, с. 131].

С точки зрения иных ученых, очень проблематично доказать объективную сторону преступления. При этом латентность связана с тем, что присутствует некомпетентность правоохранительных органов в процессе расследования подобных деяний, а также нарушение законности в учетно-регистрационной структуре. Не исключены и пробелы статистической отчетности касательно выявления подобных деяний [2, с. 76; 3, с. 77-78].

Между тем необходимость уголовно-правовой охраны жизни и здоровья гражданина продиктована несколькими факторами. Во-первых, жизнь и здоровье относятся к естественным правам и свободам, что в настоящее время регламентируется в международных правовых актах.

Во-вторых, охрана данных прав представлена в Конституции Российской Феде-

рации. Таким образом, в статье 20 гарантируется право на жизнь, а охрана здоровья человека регламентирована статьей 41.

В-третьих, жизнь является особой ценностью для человечества, так как убийство причиняет невосполнимый вред личности, лишая его самого ценного – жизни.

Хотелось бы также уточнить, что, согласно Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», моментом рождения следует считать отделение плода от организма матери посредством родов.

При этом необходимо учитывать, что законодательно началом жизни человека является срок беременности 22 недели и более (подпункт 1 пункта 1 статьи 2 приказа Минздрава России от 27 декабря 2011 г. № 1687 «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи»). Тем самым эмбрион сроком жизни в 22 недели уже можно считать человеком, хоть и находящимся в утробе матери².

В свою очередь, смертью гражданина, в соответствии с нормами отечественного законодательства, признается гибель его мозга либо биологическая смерть (необратимая гибель)³.

В то время как здоровье, исходя из статьи 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», предполагает под собой «состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором у него отсутст-

² О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи: приказ Минздрава России от 27.12.2011 № 1687н (ред. от 15.04.2021) // Российская газета. 2012. 23 марта.

³ См., например: Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724; Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека: Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 № 950 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 39. Ст. 5289.

¹ Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 27.12.2022).

вуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма».

Охрана здоровья граждан возлагается на органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностных и иных лиц, ответственных за профилактику заболеваний человека и гражданина и принятие мер, необходимых для сохранения и укрепления физического и психического здоровья населения⁴.

Кроме того, в настоящее время в отечественном УК уголовно-правовая ответственность за убийство и причинение вреда здоровью какой-либо тяжести прописана в начале Особенной части УК РФ. Тем самым российский законодатель подчеркнул, что подобные права являются высшей ценностью в нашей стране. А также это коррелирует со статьей 2 Конституции Российской Федерации: «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»⁵.

Между тем, как уже нами ранее отмечалось, российский законодатель в рамках статей 109 и 118 УК РФ выделил специальный субъект преступления, совершенного лицом вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей.

Тем самым отечественный законодатель дифференцирует уголовную ответственность за эти деяния с учетом субъекта преступления. Причем дифференциация уголовной ответственности – дифференцированная оценка государством преступлений, которые отличаются по характеру проявления и степени общественной опасности. Тем самым определяются различные виды воздействия на виновное лицо в зависимости от того, кем были совершены деяния.

Степень тяжести преступления – это основной критерий для дифференциации уголовной ответственности. На нее главным

образом влияет степень общественной опасности как преступления, так и преступника и характер совершенного нарушения.

Дифференциация затрагивает многие институты общей части уголовного права. Законодатель во время установления форм реагирования на преступное поведение учитывает обстоятельства с учетом того, кто именно совершил определенное общественно опасное деяние. Такими обстоятельствами могут быть категории или множественность преступлений, возраст преступника, характеристика его личности и т. д.

УК РФ акцентирует внимание, что основная цель дифференциации уголовной ответственности – установление справедливых границ реагирования правоохранительных органов на совершенные преступления и на лиц, совершивших их (статьи 3 и 6 УК РФ). Дифференциация, тем самым, обеспечивает реализацию принципа справедливости уголовной ответственности.

Рассмотрим процесс квалификации опасных для общества деяний. Первым стоит отметить один из наиболее важных критериев при дифференциации преступлений – типовая степень общественной опасности. Она подразделяется, в зависимости от серьезности опасности для общества, на деяния «с отягчающими обстоятельствами» и «со смягчающими обстоятельствами».

Для такой дифференциации существуют критерии, определяющие границы того или иного типа. В общем виде можно выделить следующую цепочку: квалификация преступления – степень общественной опасности – наказание. То есть каждый последующий элемент определяется предыдущим. Такой принцип работает и для характеристики опасности для общества, но с разницей в том, что характеристика влияет на вид преступления, а типовая степень – на тип внутри вида.

При формировании ответственности и санкций отраженная в квалифицирующих признаках рассматриваемая выше степень учитывается законодателем первоочередно.

Между тем анализируемые нами деяния, совершаемые лицами, осуществляющими свои профессиональные обязанности, отражены в части 2 статьи 109 УК РФ и части 2 статьи 118 УК РФ.

⁴ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁵ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.

Разберемся, что представляет собой «ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей», ведь единого понимания этого определения не существует.

Так, анализируя различные мнения ученых, можем прийти к выводу, что под вышеуказанным термином подразумевается «совершение деяния, которое полностью или частично не соответствует определенным требованиям, вследствие чего для потерпевшего наступает смерть или причиняется тяжкий вред здоровью».

Причем отметим, что именно преступления, совершаемые лицами из-за ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей, превосходят другие деяния по степени и характеру общественной опасности. Ведь они не только дискредитируют, снижают авторитет различных профессий, формируют негативное общественное мнение, но и посягают на важнейшую ценность человека – на жизнь, защита которой является одной из главных обязанностей любого правового государства [3, с. 77; 4, с. 190-191].

Между тем ответственности по части 2 статьи 109 УК РФ и части 2 статьи 118 УК РФ могут подлежать не только медицинские сотрудники, но и представители иных специальностей, например, электрики, сварщики и т. д. Однако превалируют в судебной практике именно медицинские работники⁶,

под которыми понимаются «лица, имеющие право осуществлять определенный вид медицинской деятельности» [5, с. 186-187].

Так, отечественный законодатель дифференцировал ответственность в зависимости от того, кем из медицинского персонала было совершено изучаемое деяние. Если смерть потерпевшего или тяжкий вред здоровью пациента причинены главным врачом, то он подлежит ответственности за халатность (часть 2 статьи 293 УК РФ). Ведь в этом случае нарушается нормальная деятельность всего медицинского учреждения. А при совершении вышеуказанных преступлений лечащим врачом необходимо квалифицировать его деяние по части 2 статьи 109 или части 2 статьи 118 УК РФ [6, с. 24].

Также упомянем, что вопрос относительно понятия «врачебной ошибки» по настоящее время остается дискуссионным. И это касается не только данного термина. Так как, анализируя юридическую литературу, мы можем выявить много понятий, касательно трактовки которых по настоящее время идет дискуссия [7–14].

Возвращаясь к термину «врачебная ошибка», отметим, что, по замечанию М.Е. Репина, касательно трактовки вышеуказанного понятия присутствует дискуссия. Ведь одни исследователи предлагают под ней подразумевать «добросовестное заблуждение (при отсутствии состава преступления, сопряженного с халатностью или проявлением виновным лицом небрежности (включая невежество))». Другие считают, что именно здесь необходимо иметь в виду только «добросовестное заблуждение, но при этом не содержащее признаков преступления и правонарушения». Третьи уверены – термин означает «неправильное определение врачом заболевания или неправильное проведение лечебных мероприятий вследствие того, что лечащий врач заблуждается». Чет-

⁶ См., например: Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 14.06.2019 № 22-2769/2019. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс; Апелляционное постановление Оренбургского областного суда от 25.07.2019 по делу № 22-1898/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PfidwqbXQmJO/?regular-txt=> (дата обращения: 12.01.2023); Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 26.08.2020 по делу № 3/10-6/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RhHt4WLuRPd1/> (дата обращения: 12.01.2023); Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2021 по делу № 88-15251/2021, 2-353/2020. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс; Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2021 № 77-754/2021. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2022 по делу № 88-1864/2022, 2-506/2021. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс; Приговор Юрьев-Польского районного суда Владимирской области от 20.09.2019 по делу

№ 1-23/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/mk6lKcNzBC5C/?page=3®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt= (дата обращения: 12.01.2023); Приговор Высокогорского районного суда Республики Татарстан от 3.07.2020 по делу № 1-146/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XCLKp1xRqkX/> (дата обращения: 12.01.2023).

вертые выдвигают трактовку «врачебной ошибки» следующим образом: «Это заблуждение врача при выполнении своей профессиональной деятельности, при этом в его деянии отсутствует халатность или недобросовестность» [1, с. 133-134].

Между тем подобные ошибки следует разделять на две категории:

1) совершение ошибок, влекущих уголовную ответственность вследствие ненадлежащего исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей;

2) совершение ошибок, исключающих наступление для виновных лиц уголовной ответственности (то есть квалифицируются как невиновное причинение вреда).

При этом каждая совершенная ошибка оценивается любым лицом субъективно.

Тем самым необходимо отличать фактическую ошибку от невиновного причинения вреда. Так как в последнем случае у лица отсутствует возможность предвидеть наступление общественно опасных последствий, что служит обстоятельством, исключающим вину человека.

Между тем под «фактической ошибкой» в уголовном праве подразумевается «неверное представление лица о возможных последствиях, что выступает основополагающим обстоятельством при определении объективных признаков определенного преступления и квалификации степени общественной опасности».

Таким образом, именно фактическая ошибка становится причинной связью между деянием и последствием. При этом, по исследованию некоторых авторов, нередко врачи заблуждаются в процессе соотнесения причинной связи и наступивших неблагоприятных последствий для потерпевшего (пациента) [15, с. 600-602].

Результаты исследования

Особенно подчеркнем, что именно профессиональная преступность, как правило, относящаяся к медицинской деятельности, является ключевым обстоятельством при квалификации деяния, предусмотренного частью 2 статьи 109 УК РФ и частью 2 статьи 118 УК РФ. Выражено такое деяние, в первую очередь, в несоответствии официальным требованиям, которые возложены на конкретное лицо. Получается, что виновный

полностью либо частично не выполняет предписания, установленные его профессиональной сферой. Это закреплено в части 2 статьи 109 и части 2 статьи 118 УК РФ и является отягчающим обстоятельством причинения смерти и причинения тяжкого вреда здоровью человека по неосторожности.

В данный квалифицирующий признак вкладывают особый смысл. Лицо по роду своей профессии могло бы предвидеть наступление смерти или причинение тяжкого вреда здоровью и предупредить ситуацию, оказать соответствующую помощь. По сути подразумевается, что человеку, скончавшемуся по неосторожности другого, причинена высокая степень тяжести вреда здоровью или не было уделено достаточного внимания, не осуществлялся необходимый контроль для предотвращения его смерти или нанесения тяжкого вреда здоровью [16, с. 137].

Квалифицирующий признак говорит о наличии специального субъекта. Здесь речь идет о лице, которое было обязано соблюдать определенные правила, установленные его профессией, но в нашем случае – это медицинские работники, на которых в силу специального образования налагаются высокие требования. Обществом исключается совершение профессиональных ошибок в их деятельности в принципе.

Получается, что мотивы и намерения этого гражданина составляют субъективную сторону преступления. Однако обычно речь идет о причинении тяжкого вреда и смерти именно по неосторожности в результате небрежности или легкомыслия.

Между тем в «неосторожности» нет указания на профессиональную деятельность при совершении преступления с подобной формой вины, так как указываются только личные качества преступника [17, с. 60].

Поэтому, как нами было указано немного ранее, при наступлении уголовной ответственности для медицинских сотрудников необходимо учитывать несколько факторов:

1) совершаемое деяние изучаемыми лицами в определенном случае свидетельствует о нарушении правил оказания медицинской помощи пациенту;

2) медицинский сотрудник должен осознавать противоправность своих действий. Подразумевать, что вследствие его дея-

тельности потерпевшему может быть причинен тяжкий вред здоровью или даже наступить смерть.

Причем именно осознание врачом наступления неблагоприятных последствий для потерпевшего выступает причинно-следственной связью при привлечении медицинского работника к уголовной ответственности.

Поэтому если врач сделал все возможное для лечения пациента, но наступили неблагоприятные последствия, врач не должен подлежать уголовной ответственности [16, с. 138].

Таким образом, во всех случаях необходимо установить причинную связь между нарушением медицинским работником нормативных предписаний по оказанию медицинской помощи и наступившим результатом в виде причинения вреда здоровью пациента или смерти, при условии небрежного или легкомысленного отношения к исполнению профессиональных обязанностей со стороны медработника.

При этом важно сказать, что присутствует и добросовестное заблуждение медицинского работника, с учетом которого исключается возможность привлечения его к уголовной ответственности [18, с. 110-111].

Тем самым для наступления уголовной ответственности необходимо учитывать возможность предвидения медицинским работником наступления вредоносных последствий для своего пациента. И если в силу совершения определенных действий произойдет причинение вреда здоровью или смерть, правонарушение будет указываться с квалифицирующим признаком.

Также субъективную сторону составляет вина в виде неосторожности. По сути, имеется в виду легкомысленное или небрежное отношение к установленным профессиональным требованиям.

Конечно, необходима правильная квалификация изучаемых преступлений, выявление всех правил, требований и предписаний, которые были нарушены лицом. Так как в некоторых случаях первоначально деяние квалифицируется по части 2 статьи 293 УК РФ «Халатность»⁷.

⁷ Определение Конституционного суда Российской Федерации от 20.11.2003 № 451-О. Документ

Объективная сторона преступления, где основным субъектом является медицинский работник, обусловлена некоторыми факторами. Во-первых, подобное преступление характеризуется наличием опасных последствий. Данные последствия стали результатом какой-либо медицинской услуги, которая была оказана конкретному человеку и повлекла за собой наступление смерти.

Во-вторых, обязательно устанавливаются все недостатки и дефекты медицинской услуги, оказанной человеку. Здесь подразумевается выявление несоответствий совершенных действий медицинского характера. Несоответствия проявляются в нарушении или несоблюдении установленных правил и требований, которые предъявляются медицинским работникам.

В-третьих, наличие между всеми действиями и факторами причинно-следственной связи. То есть недостатки и дефекты оказания медицинской услуги влекут за собой неблагоприятные последствия для пациентов. Все должно находиться во взаимосвязи, чтобы следователь мог видеть совершенный факт, его причину и результат, которые образовались из-за ранее указанных частей цепочки причинно-следственной связи.

Однако есть случаи, при которых ответственность должностного лица исключается:

1) когда лицом были соблюдены все соответствующие его профессиональной деятельности правила поведения, однако смерть наступила, но по другим возникшим причинам и основаниям. Или подобным же образом потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью;

2) когда существуют обстоятельства появления определенных рисков. То есть происходит нарушение установленных профессиональных требований, однако вследствие крайней необходимости или риска, обладающего обоснованным признаком, данные требования нарушаются;

3) не было возможности предвидения наступления вредоносных последствий из-за несоблюдения или нарушения определенных

опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 09.09.2021 № 89-УД21-16-К7. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

правил поведения, установленных профессией.

Тем самым дефект оказания медицинской помощи предполагает под собой ненадлежащее проведение диагностики, определение курса лечения пациента и т. д., приведшие к смерти пациента или причинению тяжкого вреда здоровью [19, с. 102].

Действительно, о причинной связи с вредом здоровью или смертью можно говорить, если только врач совершает конкретные действия (а не воздерживается от действий), которые ухудшают состояние больного. Но и тогда следует оценивать степень тяжести вреда здоровью потерпевшего, причиненного врачом, лишь в пределах того вмешательства, которое врач осуществил [20, с. 190].

Вместе с тем следует указать, что неосторожное причинение смерти лицом, отраженное в части 2 статьи 109 УК РФ, предполагает, что медицинский работник при осуществлении своих профессиональных обязанностей поспособствовал смерти человека.

Однако, несмотря на факт смерти, вызванный неосторожностью, причинение смерти по неосторожности не является убийством. Важно уметь разграничивать умышленные убийства и причинение смерти по неосторожности. В особенности это касается умышленного убийства с косвенным умыслом и неосторожное легкомысленное причинение вреда, где есть возможность предвидения наступления смерти из-за совершенных действий, но отсутствует желание и стремление ее наступления.

Здесь есть свои отличия. Косвенный умысел содержит сознательное допущение смерти. При нем играет свою роль безразличие и отсутствие действий по предотвращению наступления смерти. В случае легкомыслия нет места безразличию. Тут основной является надежда на собственные навыки и умения, которые помогут избежать летального исхода. Однако в результате отсутствия должной предусмотрительности смерть все же наступает.

Важным моментом является умение отличать случайное причинение смерти от смерти по неосторожности. Случайное причинение смерти исключает возможность ее предвидения, из-за чего отсутствует важ-

нейший элемент состава преступления – вина. Все эти факты свидетельствуют о несчастном случае, где исключается возможность возложения ответственности на определенное лицо.

Примечательно, ведь существует такая точка зрения, согласно которой утверждается, что степень общественной опасности причинения смерти по неосторожности, выраженной в форме легкомыслия, намного выше, чем у преступления, совершенного в результате небрежности [21]. Это связано с тем, что в случае легкомыслия встречается сознательное пренебрежение осторожностью. По сути, речь идет о нарушении определенных правил, которые направлены на охрану и защиту жизни человека. Легкомыслие подразумевает предвидение возможности смерти, но самонадеянность на предотвращение всех последствий, а также непредвиденность наступления смерти при имеющейся возможности предвидения. В большинстве случаев причинение смерти по неосторожности – результат небрежности⁸.

Проанализировав некоторые аспекты деяния, отраженного в части 2 статьи 109 УК РФ, переходим к рассмотрению части 2 статьи 118 УК РФ

Так, данная статья УК РФ определяет уголовную ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности.

Строгость наказания для такого преступления может определяться многими признаками, рассмотрим некоторые варианты: преступление, совершенное в результате неправильного выполнения обязанностей, и преступление, не касающееся особых обязанностей гражданина.

Также немаловажным фактором становится вид тяжести вреда здоровью в зависи-

⁸ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.06.2020 № 77-859/2020. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс; Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2021 по делу № 77-878/2021. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2021 № 77-595/2021. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2021 № 77-26/2021. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

мости от нанесенных повреждений. Он квалифицируется повреждением легкой, средней и тяжелой степени, которые определяет судебно-медицинская экспертиза. При этом уголовная ответственность за ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей наступает (как уже ранее нами указывалось) только за последний вид.

Рассматривая статью 118 УК РФ, важно выделить квалифицирующие признаки причинения смерти по неосторожности. Например, ситуация, когда лицо ненадлежащим образом, некачественно и несоизмеримо своей профессии исполняет обязанности. Речь идет о том, что субъект, занимающий определенную должность на некоторых профессиях, частично или полностью не соответствует стандартам поведения, то есть не соблюдает установленные требования и предписания для безопасной реализации обязанностей, что может повлечь за собой смерть. В данном случае необходимо устанавливать то, какие конкретные профессиональные обязанности, требования и правила поведения были нарушены.

При этом следует отметить целесообразность выделения в анализируемых нами деяниях такого квалифицирующего признака, как совершение правонарушений в отношении малолетних. Ведь важно отметить, что, в соответствии с законодательным подходом, имеет место повышенная уголовно-правовая охрана малолетних, а также лиц, находящихся в беспомощном состоянии. К примеру, это указано в части 2 статьи 105 УК РФ, части 2 статьи 111 УК РФ, части 2 статьи 112 УК РФ.

Хотя, анализируя УК ряда стран постсоветского пространства, важно выделить УК Республики Беларусь, в котором регламентируется ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего (статья 165)⁹. По нашему мнению, в российском праве это выступило бы превенцией совершению деяний в отношении данных лиц.

⁹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9.07.1999 № 275-З (ред. от 09.03.2023) // Континент. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984#pos=6;-142&sdoc_params=text (дата обращения: 12.03.2023).

Тем более, как показывает мониторинг судебной практики, подобные преступления распространены в отношении малолетних. Примером может являться постановление Президиума Брянского областного суда от 28 августа 2019 г. № 44У-41/2019, в котором подчеркивается, что Ш.Н.Н. ненадлежаще исполнил свои профессиональные обязанности при обследовании и установлении диагноза. Вследствие чего у С.Е.Е. начала развиваться нейроинфекция, приведшая к биологической смерти¹⁰.

В то же время в рамках Конституционного суда РФ было вынесено определение от 26 октября 2021 г. № 2146-О, в котором указывается, что А.О.Г. работал детским хирургом. Однако ненадлежаще исполнил свои обязанности относительно своевременного и адекватного объема заместительной гормональной терапии на всех этапах оказания медицинской помощи У., вследствие чего у последнего наступила смерть¹¹.

Перейдем к причинению тяжкого вреда здоровью малолетнего, совершенного лицом вследствие ненадлежащего исполнения им своих профессиональных обязанностей. Так, следует привести определение Конституционного суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 г. № 248-О. В нем подчеркивается, что Ш. произвел санацию полости рта под общей анестезией малолетней дочери И.А.Е., в результате девочка впала в кому¹².

Кроме того, на это указывает и опрос сотрудников правоохранительных органов относительно совершенствования рассматриваемых нами деяний. Так как ими предлагается, в частности, выделить в качестве квалифицированного состава преступления «неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти малолетнему вследствие ненадлежащего исполнения человеком своих профессиональных обязанностей».

¹⁰ Президиум Брянского областного суда от 28.08.2019 № 44У-41/2019. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Определение Конституционного суда Российской Федерации от 26.10.2021 № 2146-О. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

¹² Определение Конституционного суда Российской Федерации от 13.02.2018 № 248-О. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

Заключение

Таким образом, нами были рассмотрены вопросы, связанные с дифференциацией уголовной ответственности за неосторожное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью с выделением квалифицирующего признака. В данных случаях подразумевается причинение смерти или тяжкого вреда здоровью из-за определенной небрежности или легкомыслия.

Эти неосторожные действия отягчает квалифицирующий признак ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. По нашему мнению, это необходимая и обязательная законодательная мера, так как на лиц, принадлежащих к специаль-

ному субъекту, в данном случае налагается особая ответственность за жизни людей.

Речь идет не только о причинении вреда здоровью и жизни, но и о том, что присутствует ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, в силу чего могут погибнуть один или несколько человек. Установленные требования для представителей определенных профессий необходимы с целью сохранения безопасности и жизни людей. Считается важным введение и других квалифицирующих признаков по составам изучаемых преступлений, к примеру, необходимость учета малолетнего возраста потерпевшего.

Список источников

1. Ретин М.Е. Некоторые тактические и методические особенности расследования преступлений, связанных с «врачебной ошибкой» // Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. круглого стола / под общ. ред. Е.Н. Рахмановой. СПб.: Петрополис, 2017. С. 130-136. <https://elibrary.ru/ypregx>
2. Грозин С.Ю., Шелегов В.Г., Кузнецов Е.В. Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 74-77. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-2-74-77>, <https://elibrary.ru/usaeoa>
3. Абдулкеримова З.Я. Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей: пробелы в законодательстве и пути его совершенствования // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2013. № 2. С. 77-80. <https://elibrary.ru/qbsmed>
4. Скорик А.А. Причинения смерти по неосторожности и его отличие от невиновного причинения смерти // Сборник научных трудов преподавателей, магистрантов и аспирантов юридического факультета СФ МПГУ. М., 2018. С. 190-193. <https://elibrary.ru/hzqamf>
5. Хромова М.Р. Специальный субъект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ // Право. Общество. Государство: сб. науч. тр. студентов и аспирантов. СПб.: С.-Петербург. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. С. 185-187. <https://elibrary.ru/njhtbr>
6. Чернякова Р.Р. Уголовная ответственность медицинских работников. Иркутск: ИГМУ, 2015. 80 с. URL: <https://www.ismu.baikal.ru/src/downloads/>
7. Осокин Р.Б., Курсаев А.В. О некоторых противоречиях в применении категории «порнография» в Уголовном кодексе РФ и российском законодательстве // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 8 (100). С. 331-336. <https://elibrary.ru/obmiez>
8. Осокин Р.Б. Общественная нравственность: опыт теоретико-инструментального анализа // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. № 7. С. 74-78. <https://elibrary.ru/sdcafl>
9. Смаль Ж.А. Понятие «информация» как юридическая дефиниция // Идеи и новации. 2013. № 1. С. 119-122. <https://elibrary.ru/zfcukt>
10. Бородин А.В., Осокин Р.Б. Понятие и признаки культурных ценностей // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 101-107. <https://elibrary.ru/turbtd>
11. Кокорев В.Г., Арсенькина Л.С. Лишение свободы на определенный срок: понятие, признаки, значение // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 119-125. <https://elibrary.ru/ovrtfx>
12. Булохов И.И. Понятие и признаки киберпреступления // Молодой ученый. 2022. № 46 (441). С. 182-183. <https://elibrary.ru/duuwpc>
13. Магомедова А.И., Убайдулаев Р.К. Понятие, признаки рецидива преступлений // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 242-244. <https://elibrary.ru/jxvexo>
14. Тараканов И.А. Пределы необходимой обороны: понятие, сущность и признаки // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2022. № 3 (33). С. 96-100. <https://elibrary.ru/zasytl>

15. Ситник В.Н. Уголовно-правовое регулирование врачебной ошибки: проблемы, причины и пути решения // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 599-604. <https://elibrary.ru/ofmfan>
16. Нестерович И.Ю. Уголовная ответственность медицинских работников как вид юридической ответственности // Актуальные вопросы юридических наук: материалы 3 Междунар. науч. конф. Казань: Молодой ученый, 2017. С. 136-139. <https://elibrary.ru/yjjsyf>
17. Гордеев В.И., Филимонов А.Е. Грань неосторожности и умысла в квалификации преступных деяний медицинских работников при невежественном (безграмотном) исполнении ими своих профессиональных обязанностей // Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. круглого стола / под общ. ред. Е.Н. Рахмановой. СПб.: Петрополис, 2017. С. 58-67. <https://elibrary.ru/wdsbck>
18. Сариев О.М. Врачебные ошибки и их влияние на определение основания и пределов уголовной ответственности медицинских работников // Вестник СевКавГТИ. 2014. № 17. С. 108-112. <https://elibrary.ru/snfltn>
19. Лобан И.Е., Исаков В.Д. О понятиях: ятрогения и дефект оказания медицинской помощи // Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. круглого стола / под общ. ред. Е.Н. Рахмановой. СПб.: Петрополис, 2017. С. 101-105. <https://elibrary.ru/ypreez>
20. Топильская Е.В. О понятии причинения вреда здоровью при оказании медицинской помощи // Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. круглого стола / под общ. ред. Е.Н. Рахмановой. СПб.: Петрополис, 2017. С. 185-191. <https://elibrary.ru/yprejz>
21. Хребтова Т.В. Общественная опасность причинения смерти по неосторожности и проблемы назначения наказания // Молодой ученый. 2021. № 8 (350). С. 147-149. <https://elibrary.ru/rfxpab>

References

1. Repin M.E. (2017). Some tactical and methodical features of crimes investigation related to the "medical mistake". In: Rakhmanova E.N. (general ed.). *Sbornik statei po materialam Vserossiiskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola «Ugolovnaya otvetstvennost' meditsinskikh rabotnikov: voprosy teorii i praktiki»* [Collection of Works Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table "Criminal Liability of Medical Workers: Issues of Theory and Practice"]. St. Petersburg, Petropolis Publ., pp. 130-136. (In Russ.). <https://elibrary.ru/ypregx>
2. Grozin S.Yu., Shelegov V.G., Kuznetsov E.V. (2022). Causing death by negligence due to improper performance by a person of his professional duties. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, no. 2, pp. 74-77. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-2-74-77>, <https://elibrary.ru/usaeoa>
3. Abdulkirimova Z.Ya. (2013). The causation of death by inadvertence because of the improper execution of professional responsibilities: gaps in legislation and ways of improvement. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Herald of Dagestan State University*, no. 2, pp. 77-80. (In Russ.). <https://elibrary.ru/qbsmed>
4. Skorik A.A. (2018). Prichineniya smerti po neostorozhnosti i ego otlichie ot nevinovnogo prichineniya smerti [Causing death by negligence and its difference from innocent causing death]. *Sbornik nauchnykh trudov prepodavatelei, magistrantov i aspirantov yuridicheskogo fakul'teta SF MGPU* [Collection of Scientific Works of Lecturers, Master's Degree Students and Post-Graduate Students of Faculty of Law of Samara Branch of Moscow City University]. Moscow, pp. 190-193. (In Russ.). <https://elibrary.ru/hzqamf>
5. Khromova M.R. (2020). A special subject of a crime under part 2 of Article 109 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Sbornik nauchnykh trudov studentov i aspirantov «Pravo. Obshchestvo. Gosudarstvo»* [Collection of Scientific Works of Students and Post-Graduate Students "Law. Society. State"]. St. Petersburg, Saint-Petersburg Institute (Branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) Publ., pp. 185-187. (In Russ.). <https://elibrary.ru/njhtbr>
6. Chernyakova R.R. (2015). *Ugolovnaya otvetstvennost' meditsinskikh rabotnikov* [Criminal Liability of Medical Workers]. Irkutsk, Irkutsk State Medical University Publ., 80 p. (In Russ.). Available at: <https://www.ismu.baikal.ru/src/downloads/>
7. Osokin R.B., Kursaeв A.V. (2011). About some contradictions in application of pornography category in Criminal Code of Russian Federation and Russian legislation. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, no. 8 (100), pp. 331-336. (In Russ.). <https://elibrary.ru/obmiez>

8. Osokin R.B. (2013). Public morality: the experience of theoretical and instrumental analysis. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry* [Education. Science. Scientific Personnel], no. 7, pp. 74-78. (In Russ.). <https://elibrary.ru/sdcafl>
9. Smal' Zh.A. (2013). The term "information" as a legal definition. *Idei i novatsii = Ideas and Innovations*, no. 1, pp. 119-122. (In Russ.). <https://elibrary.ru/zfcuht>
10. Borodin A.V., Osokin R.B. (2015). Concept and signs of cultural values. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 4, pp. 101-107. (In Russ.). <https://elibrary.ru/turbtd>
11. Kokorev V.G., Arsen'kina L.S. (2018). Imprisonment for determined period: term, signs, effect. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, no. 2, pp. 119-125. (In Russ.). <https://elibrary.ru/ovrtfx>
12. Bulokhov I.I. (2022). Ponyatie i priznaki kiberprestupleniya [The concept and signs of cybercrime]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, no. 46 (441), pp. 182-183. (In Russ.). <https://elibrary.ru/duuwpc>
13. Magomedova A.I., Ubaidulaev R.K. (2022). The concept, signs of recidivism of crimes. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, no. 8 (171), pp. 242-244. (In Russ.). <https://elibrary.ru/jxvexo>
14. Tarakanov I.A. (2022). Limits of necessary defense: concept, essence and signs. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika* [Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice], no. 3 (33), pp. 96-100. (In Russ.). <https://elibrary.ru/zasytl>
15. Sitnik V.N. (2022). Criminal law regulation of medical error: problems, causes and solutions. *Voprosy Rossiiskoi yustitsii* [Issues of Russian Justice], no. 17, pp. 599-604. (In Russ.). <https://elibrary.ru/ofmfan>
16. Nesterovich I.Yu. (2017). Ugolovnaya otvetstvennost' meditsinskikh rabotnikov kak vid yuridicheskoi otvetstvennosti [Criminal liability of medical workers as a type of legal liability]. *Materialy 3 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Aktual'nye voprosy yuridicheskikh nauk»* [Proceedings of the 3rd International Scientific Conference "Current Issues of Law"]. Kazan, Young Scientist Publ., pp. 136-139. (In Russ.). <https://elibrary.ru/yjjsyf>
17. Gordeev V.I., Filimonov A.E. (2017). The verge of negligence and intent in qualification of the medical stuff crime by ignorant execution of their professional duties. In: Rakhmanova E.N. (general ed.). *Sbornik statei po materialam Vserossiiskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola «Ugolovnaya otvetstvennost' meditsinskikh rabotnikov: voprosy teorii i praktiki»* [Collection of Works Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table "Criminal Liability of Medical Workers: Issues of Theory and Practice"]. St. Petersburg, Petropolis Publ., pp. 58-67. (In Russ.). <https://elibrary.ru/wdsbck>
18. Sariev O.M. (2014). Vrachebnye oshibki i ikh vliyanie na opredelenie osnovaniya i predelov ugolovnoi otvetstvennosti meditsinskikh rabotnikov [Medical errors and their influence on the determination of the basis and limits of criminal liability of medical workers]. *Vestnik SevKavGTI* [Bulletin of the North Caucasian Humanitarian-Technical Institute], no. 17, pp. 108-112. (In Russ.). <https://elibrary.ru/snfltn>
19. Loban I.E., Isakov V.D. (2017). On the concepts: iatrogenic and the defect in the provision of medical care. In: Rakhmanova E.N. (general ed.). *Sbornik statei po materialam Vserossiiskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola «Ugolovnaya otvetstvennost' meditsinskikh rabotnikov: voprosy teorii i praktiki»* [Collection of Works Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table "Criminal Liability of Medical Workers: Issues of Theory and Practice"]. St. Petersburg, Petropolis Publ., pp. 101-105. (In Russ.). <https://elibrary.ru/ypreez>
20. Topil'skaya E.V. (2017). About a concept of damnification to health in case of health care delivery. In: Rakhmanova E.N. (general ed.). *Sbornik statei po materialam Vserossiiskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola «Ugolovnaya otvetstvennost' meditsinskikh rabotnikov: voprosy teorii i praktiki»* [Collection of Works Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table "Criminal Liability of Medical Workers: Issues of Theory and Practice"]. St. Petersburg, Petropolis Publ., pp. 185-191. (In Russ.). <https://elibrary.ru/yprejt>
21. Khrebtova T.V. (2021). Obshchestvennaya opasnost' prichineniya smerti po neostorozhnosti i problemy naznacheniya nakazaniya [Public danger of causing death by negligence and problems of sentencing]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, no. 8 (350), pp. 147-149. (In Russ.). <https://elibrary.ru/rfxpab>

Поступила в редакцию / Received 03.04.2023

Поступила после рецензирования / Revised 14.06.2023

Принята к публикации / Accepted 16.06.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.77

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-287-294>

Шифр научной специальности 5.1.3

Учет приоритетности принципов охраны здоровья в патентных правоотношениях

© ЛАТЫНЦЕВ Александр Викторович,

кандидат юридических наук, директор, Научно-исследовательский институт правовых экспертиз и комплексных исследований, Российская Федерация, 125480, г. Москва, ул. Героев Панфиловцев, 9, корп. 3, <https://orcid.org/0000-0002-5698-6302>, info@niilex.ru

Аннотация

Проанализированы аспекты соотношения гражданских прав, в частности, в сфере интеллектуальной собственности, и конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь. Так, конкретизированы раскрывающие сущность данного конституционного права и содержащиеся в отраслевом законодательстве в сфере здравоохранения конституционно-значимые принципы, в том числе принцип необходимости обеспечения доступности лекарственных препаратов. При этом указан существенный пробел в российском законодательстве в части отсутствия четкой конкретизации принципа необходимости обеспечения доступности медицинских изделий. Отдельное внимание уделено вопросам обеспечения права граждан на получение наиболее эффективной медицинской помощи и пробелам в законодательном регулировании эффективности и доступности лекарственных препаратов и медицинских изделий. Рассмотрены основные гражданско-правовые принципы и условия ограничения гражданских прав в целях защиты здоровья жителей России с последующим обоснованием приоритета в гражданско-правовых отношениях, в том числе в патентном праве выделенных конституционно-значимых принципов, раскрывающих сущность конституционного права на охрану здоровья. Также доказано, что необходимость обеспечения условий реализации права на охрану здоровья россиян, например, доступности лекарственных препаратов и медицинских изделий, может служить основанием для ограничения исключительных прав в патентных правоотношениях (в частности, соответствующих иностранным патентообладателям в условиях недоступности либо недостаточной доступности медицинской продукции в условиях зарубежных санкций).

Ключевые слова

право интеллектуальной собственности, патенты, право на охрану здоровья, конституционные принципы, конституционно-значимые принципы, принципы гражданского права, ограничение прав, пробелы в законодательстве

Для цитирования

Латынцев А.В. Учет приоритетности принципов охраны здоровья в патентных правоотношениях // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 287-294. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-287-294>

Accounting the priority of health protection principles in patent legal relations

© Alexander V. LATYNTSEV,

PhD (Law), Director, Science and Research Institute of Legal and Integrated Studies, 3 bldg, 9 Geroev Panfilovtsev St., Moscow, 125480, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-5698-6302>, info@niilex.ru

Abstract

The correlation aspects of civil rights, in particular, in the field of intellectual property, and the constitutional law to health care and medical care are analyzed. Thus, the constitutionally significant principles that reveal the essence of this constitutional law and contained in the sectoral legislation in the healthcare field, including the need to ensure principle the availability of medicines, are concretized. At the same time, a significant gap in Russian legislation is indicated in lack terms of a clear principle specification of the need to ensure the availability of medical devices. Special attention is paid to the issues of ensuring the right of citizens to receive the most effective medical care and gaps in the legislative effectiveness and availability regulation of medicines and medical devices. The main civil law principles and conditions for restricting civil rights in order to protect the health of Russian residents are considered, followed by a priority in civil law relations justification, including in patent law, of the identified constitutionally significant principles that reveal the constitutional law essence to health care. It has also been proved that the need to ensure the conditions for the right realization to health protection of Russians, for example, the availability of medicines and medical devices, can serve as a basis for limiting exclusive rights in patent legal relations (in particular, the relevant foreign patent holders in the conditions of inaccessibility or insufficient availability of medical products in conditions foreign sanctions).

Keywords

intellectual property right, patents, right to health protection, constitutional principles, constitutionally significant principles, principles of civil law, restriction of rights, gaps in legislation

For citation

Latyntsev, A.V. (2023). Accounting the priority of health protection principles in patent legal relations. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 287-294 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-287-294>

Введение. Постановка проблемы

По мнению А.А. Мохова, распределение «особо чувствительных» для граждан товаров, работ и услуг по рыночным законам для медицины и здравоохранения в социально ориентированных государствах неприемлемо. В этой связи в профессиональном и экспертном сообществе, политических кругах имеется запрос на формирование новой государственной модели здравоохранения. У нас имеет место некий крен в обеспечении прав личности на здоровье и жизнь, но не общественное здоровье. Этот недостаток нужно устранять [1, с. 86].

Необходимо отметить достаточно слабый учет требований, направленных на охрану здоровья, при регламентации в российском праве гражданско-правовых отношений, в частности, в сфере осуществления интеллектуальных прав, что приводит к подав-

ляющему доминированию, например, в патентном праве гражданско-правовых принципов, закрепленных в статье 1 Гражданского кодекса РФ, и, как следствие, приоритетности в судебной и иной правоприменительной практике интересов патентообладателей при недостаточном учете общественных интересов, в частности, по вопросам национального здравоохранения.

Впрочем, как и наоборот, имеет место слабый учет особенностей гражданско-правовых механизмов при регламентации правоотношений в сфере здравоохранения, что достаточно подробно отражено в работах С.А. Сеницына, О.В. Гутникова и других российских правоведов (см., например, [2, с. 133; 3, с. 150]).

Фактически параллельное развитие гражданского законодательства и нормативного регулирования правоотношений по охране

здоровья может приводить к недостаточной эффективности действующих и внедряемых правовых механизмов, а также к недостаточному взаимному учету целевых потребностей происходящих изменений в указанных сферах.

С учетом вышеизложенного, являются актуальными межотраслевые исследования в части соотношения гражданско-правовых принципов и принципов охраны здоровья, а также поиск справедливого баланса частных и общественных интересов.

Результаты исследования

1. Конкретизация конституционного права на охрану здоровья и связанных с ним конституционно-значимых принципов в сфере здравоохранения

По точному замечанию С.А. Сеницына, именно право, сохраняя баланс частных и публичных интересов, создает новые принципы и основы регулирования развивающихся социально-экономических отношений, облекая их в форму правоотношений. При этом нельзя не учитывать, что надстроженные категории в отличие от базиса по большей части сохраняют следы политизации при интерпретации правового регулирования конкретной эпохи, которое строится на основе соблюдения баланса частных и публичных интересов [4, с. 139].

Согласно определению, разработанному С.С. Алексеевым, под принципами права понимаются выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание (основы) и закреплённые в нем закономерности общественной жизни [5, с. 102].

В.И. Леушин предлагает следующее определение: «принципы права – это руководящие идеи, характеризующие содержание права, его сущность и назначение в обществе, которые выражают закономерности права и представляют собой наиболее общие нормы, обеспечивающие единство права и правового регулирования для права в целом, его отдельных отраслей и крупных правовых институтов» [6, с. 237].

О.Н. Садиков характеризует принципы права как исходные начала, важные для понимания юридической сущности всякой крупной области права, способствующие совершенствованию правового регулирования

в этой области и облегчающие правоприменительную деятельность, особенно при наличии пробелов в законах [7, с. 20].

Т.Н. Радько определяет принципы права как основополагающие, исходные положения, определяющие содержание воздействия права на общественные отношения и выступающие критериями его ценности для субъектов права [8, с. 65].

С.Н. Братусь особо подчеркивал, что принцип, как ведущее начало, закон движения материи, явлений или общества, можно познать и с его помощью совершенствовать те или иные общественные отношения [9, с. 135].

Правоведы обычно различают непосредственно закреплённые в законодательных актах нормы-принципы права (особое место в данной категории занимают конституционные принципы), которые имеют прямое действие, и принципы права, вытекающие из смысла правовых норм.

Также обычно принято подразделять принципы на общие и отраслевые [10, с. 186].

При этом в современной правовой системе иногда достаточно сложно четко регламентировать правоотношения, руководствуясь только положениями одной отрасли права. Особенно много возникает вопросов о соотношении правовых принципов различных отраслей права в ситуациях, когда из одной отрасли права вычлняются несколько новых отраслей (подотраслей), каждой из которой присущи свои уже отраслевые (подотраслевые) правовые принципы, либо новые отрасли формируются на границе публичных и частных интересов (в качестве примера можно привести законодательство об охране здоровья граждан), а также в иных подобных ситуациях.

Для системности исследований в части необходимости учета соотношения отраслевых правовых принципов в правоприменительной практике в сфере охраны здоровья важно, в первую очередь, конкретизировать конституционные принципы.

В контексте проводимых исследований необходимо выделить:

1) конституционное право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (часть 1 статьи 41 Конституции РФ);

2) непосредственно корреспондирующую с указанным выше конституционным правом одну из базовых конституционных обязанностей Российской Федерации, как социального государства, по охране здоровья (часть 2 статьи 7 Конституции РФ).

Как отмечается Всемирной организацией здравоохранения, понимание здоровья в качестве одного из прав человека налагает на государства юридическое обязательство обеспечить доступ к своевременной, приемлемой и доступной по стоимости медицинской помощи надлежащего качества, а также соответствующие детерминанты здоровья, такие как безопасная питьевая вода, санитария, пищевые продукты, жилье, связанная со здоровьем информация и санитарное просвещение и гендерное равенство¹.

В силу части 1 статьи 15 Конституции РФ перечисленные выше конституционные нормы имеют высшую юридическую силу и прямое действие. Однако российская конституция не конкретизирует аспекты права граждан права на охрану здоровья и медицинскую помощь, в частности, право на доступную и качественную медпомощь, доступность лекарств и т. п.

Для воплощения на практике права на охрану здоровья (впрочем, как и большинства иных видов конституционного права) существенную роль играет его детализация в отраслевых законодательных актах, а также закрепление в них способов и правовых механизмов его реализации. При этом конституционная основа рассматриваемого права предопределяет особый статус и приоритетность раскрывающих его правовых институтов в системе правового регулирования, в том числе гражданско-правовых отношений.

И.В. Тимофеев и Д.А. Лисовицкий указывают на взаимосвязь принципов доступности и качества медицинской помощи с положениями Конституции РФ, предлагая понимание указанных принципов как конституционно значимых [11, с. 36].

Соглашаясь с данной правовой позицией, необходимо указать, что доступность и качество медицинской помощи является

обязательной частью конституционного права на охрану здоровья, но данное право далеко не исчерпывается данными категориями.

Для эффективной реализации конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь существенную роль играет точная и полная конкретизация их в отраслевом законодательстве.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (именуемый далее также – Закон об основах охраны здоровья) в статье 4 конкретизирует основные принципы охраны здоровья, а в части 2 статьи 19 категории, посредством которых обеспечивается право на охрану здоровья.

Так, согласно части 2 статьи 18 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» обеспечение права на охрану здоровья включает:

1) учет широкого спектра внешних и социальных детерминант (охрану окружающей среды, создание безопасных и благоприятных условий труда, быта, отдыха, воспитания и обучения);

2) требования к производству и реализации качественных продуктов питания;

3) требования к производству и реализации качественных, безопасных и доступных лекарств;

4) требования к оказанию доступной и качественной медпомощи.

При этом к конституционным значимым принципам, формирующим обеспечение конституционного права на охрану здоровья, следует отнести не только соблюдение требований на доступную и качественную медицинскую помощь, но также иных указанных выше категорий. Внимания заслуживает, что в состав обязательных категорий, посредством которых обеспечивается право на охрану здоровья, включено требование доступности качественных и безопасных лекарств.

2. Право на получение наиболее эффективной медицинской помощи

В части 5 статьи 19 Закона об основах охраны здоровья перечисляется достаточно широкий спектр прав пациентов (от права выбора врачей и медицинских организаций

¹ Права человека и здоровье // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/human-rights-and-health> (дата обращения: 10.02.2023).

до права на допуск адвоката и священнослужителя). Однако закрепленные в указанной правовой норме права пациента в основном носят своеобразный процессуальный характер, связанный с процессами оказания медицинских и иных связанных с ними услуг.

В данной правовой норме практически отсутствуют сущностные права пациентов, например, связанные с правом на получение наиболее эффективных (в том числе подтвержденных способами доказательной медицины) методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации.

Данное право включает в себя право на получение пациентами в доступной форме информации о наиболее эффективных методах, а также соблюдение требований к максимально-возможной доступности данных методов при получении пациентами медицинской помощи.

Не трудно предположить, что невключение указанных прав пациентов в рассматриваемые положения законодательства во многом связано с тем, что многие современные эффективные способы оказания медицинской помощи являются наиболее дорогостоящими и требуют существенного увеличения бюджетных затрат на здравоохранение в случае их гарантированности на законодательном уровне.

С необходимостью учета данного фактора трудно спорить, но при этом в условиях указанных финансовых ограничений отсутствие законодательной фиксации права пациента на получение наиболее эффективных методов оказания медицинской помощи дает широкий спектр для злоупотреблений со стороны недобросовестных участников сферы охраны здоровья.

Компромиссным вариантом может стать оптимальное развитие дуализма медицинской помощи:

1) расширение спектра бесплатно оказываемой медицинской помощи в гарантированном объеме, в том числе в соответствии с указанной выше программой государственных гарантий, с учетом бюджетных возможностей и максимальной нацеленностью на возможный охват наиболее эффективных методов оказания медицинской помощи;

2) закрепление права пациента на получение наиболее эффективных методов оказания медицинской помощи (с учетом необходимых факторов в конкретных ситуациях) при оказании платных медицинских услуг, в том числе с применением механизмов финансирования и добровольного медицинского страхования.

Необходимо также учитывать, что часто далеко не все медицинские организации могут применять наиболее эффективные методы оказания медицинской помощи, поэтому, как указывалось выше, данное право пациентов должно включать в себя:

1) право на получение пациентами в доступной форме информации о наиболее эффективных методах оказания медицинских услуг в конкретных ситуациях.

Для закрепления данного права целесообразно, в частности, внесение изменений в статью 20 Закона об основах охраны здоровья в части включения требований о предоставлении медработником в составе полной информации перед оформлением информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и на отказ от медицинского вмешательства, в частности, информации в доступной форме о возможных более эффективных методах медицинской помощи, в том числе не оказываемых данной медицинской организацией.

Также требуется доступная любому пациенту и постоянно обновляемая (по мере одобрения в установленном порядке новых методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации) база данных, содержащая необходимую информацию об указанных методах, результатах клинических и иных исследований, подтверждающая их эффективности и безопасность, контактные данные, применяемые в медицинских организациях, и т. п.;

2) право на обеспечение максимально-возможной доступности наиболее эффективных методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации.

Обеспечение данного права является многоаспектным и включает финансовые, инфраструктурные, социально-политические, юридические и многие иные направления, большинство из которых требуют существенной модернизации.

3. Основные принципы гражданского права и условия ограничения гражданских прав

Основные принципы (начала) гражданского законодательства закреплены в статье 1 Гражданского кодекса РФ. При этом, закрепляя свободу и защиту гражданских прав, российское законодательство устанавливает требования к участникам гражданских правоотношений в части:

во-первых, соблюдения действующего законодательства;

во-вторых, добросовестности действий (часть 2 и часть 3 статьи 1 Гражданского кодекса РФ).

В продолжение данных требований в части 4 статьи 1 Гражданского кодекса РФ выделен запрет на извлечение преимуществ из недобросовестного или незаконного поведения.

Исключительно на основании федерального закона допускаются ограничения:

1) гражданских прав в той мере, в какой это необходимо в целях защиты, в частности, здоровья, прав и законных интересов других лиц (абзац 2 части 2 статьи 1 Гражданского кодекса РФ).

По мнению В.Ф. Яковлева, именно данная правовая норма содержит обоснование необходимости применения публично-правового регулирования в гражданском праве [12, с. 351];

2) перемещения товаров и услуг, если это необходимо, в том числе для защиты жизни и здоровья людей.

Также в контексте проводимого исследования важно учитывать положения части 2 статьи 6 Гражданского кодекса РФ, закрепляющего, что для случаев, при которых гражданско-правовые отношения прямо не урегулированы законодательством и договорами сторон и в отношении них неприменима аналогия закона, то права и обязанности участников правоотношений определяются исходя из:

1) рассмотренных выше общих начал (принципов) гражданского законодательства и его смысла (анalogии права);

2) требований добросовестности, разумности и справедливости.

Жизнь и здоровье являются нематериальными благами, принадлежащими челове-

ку от рождения. В силу статьи 150 Гражданского кодекса РФ данные нематериальные блага защищаемы в соответствии с законодательством, в том числе путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного нематериального права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо.

Заключение

С учетом вышеизложенного, в сфере охраны здоровья можно проследить следующую нормативно правовую последовательность соотношений конституционных, конституционно-значимых и отраслевых правовых принципов гражданского права.

1. Безусловно, конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь (часть 1 статьи 41 Конституции РФ), корреспондирующее с обязанностями государства по охране здоровья людей (часть 2 статьи 7 Конституции РФ), имеют приоритет (высшую юридическую силу) и прямое действие.

В силу статьи 55 Конституции РФ для достижения целей охраны здоровья людей не допускается отрицание или умаление иных общепризнанных прав и свобод, однако возможно их ограничение при одновременном наличии следующих условий:

– закрепление данных ограничений в федеральном законе;

– применение их только в необходимой мере.

При этом требуют конкретизации базовые принципы необходимости мер по рассматриваемому ограничению прав, а также возможные границы данного ограничения.

2. Конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь конкретизируется, в частности, в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», что позволяет выделить закрепленные в нем соответствующие конституционно-значимые принципы. Так, согласно части 2 статьи 18 данного федерального закона, право на охрану здоровья обеспечивается, в частности, производством и реализацией доступных лекарственных препаратов (соответственно, закрепляется конституционно-значимый принцип необходимости

обеспечения доступности лекарственных препаратов).

3. Таким образом, раскрывающие сущность конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь (часть 1 статьи 41 Конституции РФ) и конституционной обязанности государства по охране здоровья людей (часть 2 статьи 7 Конституции РФ) конституционно-значимые принципы, закрепленные в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», вытекающие из него, в частности, конституционно-значимые принципы необходимости обеспечения доступности лекарственных препаратов и медицинских изделий, имеют приоритет и прямое действие в гражданско-правовых отношениях. Данный приоритет, в первую очередь, проявляется в закреплённой в статье 55 Конституции РФ возможности ограничения прав и свобод в целях охраны здоровья, фактически продублированной в час-

ти 2 статьи 1 Гражданского кодекса РФ в контексте гражданских прав.

Таким образом, необходимость обеспечения закреплённых в части 2 статьи 18 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» условий реализации права на охрану здоровья (например, доступности лекарственных препаратов и медицинских изделий), может служить основанием для ограничения гражданских прав. Данные выводы в полной мере распространяются также на правоотношения, регулируемые законодательством об охране интеллектуальной собственности, в частности, патентным правом. Так, недоступность либо недостаточная доступность лекарственных препаратов или медицинских изделий на российском рынке в условиях зарубежных санкций может послужить достаточным основанием для ограничения исключительных прав соответствующих патентообладателей, в первую очередь, иностранных.

Список источников

1. *Мохов А.А.* Принципы правового регулирования государственной модели национального здравоохранения // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3 (124). С. 85-96. <https://doi.org/10.17803/10.17803/1994-1471.2021.124.3.085-096>, <https://elibrary.ru/rldkrx>
2. *Синицын С.А.* Сравнительное патентное право: актуальные проблемы. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 416 с. <https://elibrary.ru/lytasc>
3. Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства / отв. ред. О.В. Гутников, С.А. Синицын. М.: ООО «Юридическая фирма «Контракт», 2019. 208 с. <https://elibrary.ru/eumtmd>
4. *Синицын С.А.* Экономика и право: контуры взаимодействия в современном мире // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 2. С. 139-146. <https://doi.org/10.31857/S0869-5873892139-146>, <https://elibrary.ru/yzyspr>
5. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: Курс лекций: в 2 т. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т., 1972. Т. 1. 396 с.
6. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М.: ИНФРА-М, Норма, 1997. 570 с. URL: <https://ihtika.ru/book/teoriya-gosudarstva-i-prava-uchebnik-pod-red-vmkorelskogo-i-vdperevalova-m-infra-m-norma-1997-570-s/text/1>
7. *Садиков О.Н.* Принципы нового гражданского законодательства СССР // Советское государство и право. 1991. № 10. С. 20-29. <https://elibrary.ru/rwwcrt>
8. *Радько Т.Н.* Теория государства и права. М.: Проспект, 2010. 744 с.
9. *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1963. 197 с.
10. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права. М.: Юрайт-М, 2000. 432 с.
11. *Тимофеев И.В., Лисовицкий Д.А.* Доступность и качество медицинской помощи в Российской Федерации как конституционно значимые принципы // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 31-37. <https://elibrary.ru/xegksx>
12. *Яковлев В.Ф.* Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 2. М.: Статут, 2012. 976 с.

References

1. Mokhov A.A. (2021). Principles of legal regulation of the state model of national health care. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, vol. 16, no. 3 (124), pp. 85-96. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/10.17803/1994-1471.2021.124.3.085-096>, <https://elibrary.ru/rldkrx>
2. Sinitsyn S.A. (2022). *Sravnitel'noe patentnoe pravo: aktual'nye problemy* [Comparative Patent Law: Current Issues]. Moscow, Infotropic Media Publ., 416 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lytasc>
3. Gutnikov O.V., Sinitsyn S.A. (executive ed.). (2019). *Zashchita isklyuchitel'nykh prav na izobreteniya, ispol'zuemye v lekarstvennykh preparatakh: problemy pravovogo regulirovaniya i napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'stva* [Protection of Exclusive Rights to Inventions used in Medicines: Problems of Legal Regulation and Directions for Improving Legislation]. Moscow, Law Firm "Contract" LLC Publ., 208 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/eumtmd>
4. Sinitsyn S.A. (2019). Economics and law: interrelation in modern world. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, vol. 89, no. 2, pp. 139-146. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0869-5873892139-146>, <https://elibrary.ru/yzyspr>
5. Alekseev S.S. (1972). *Problemy teorii prava: Kurs lektsii: v 2 t.* [Problems of the Theory of Law: a Course of Lectures: in 2 vols.]. Sverdlovsk, Sverdlovsk Law Institute Publ., vol. 1, 396 p. (In Russ.)
6. Korel'skii V.M., Perevalov V.D. (eds.). (1997). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of the State and Law]. Moscow, INFRA-M Publ., Norma Publ., 570 p. (In Russ.) Available at: <https://ihtika.ru/book/teoriya-gosudarstva-i-prava-uchebnik-pod-red-vmkorelskogo-i-vdperevalova-m-infra-m-norma-1997-570-s/text/1>
7. Sadikov O.N. (1991). Printsipy novogo grazhdanskogo zakonodatel'stva SSSR [New Civil Legislation Principles of the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], no. 10, pp. 20-29. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rwwert>
8. Rad'ko T.N. (2010). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of the State and Law]. Moscow, Prospekt Publ., 744 p. (In Russ.)
9. Bratus' S.N. (1963). *Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava* [The Subject and System of Soviet Civil Law]. Moscow, State Legal Literature Publishing House, 197 p. (In Russ.)
10. Cherdantsev A.F. (2000). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of the State and Law]. Moscow, Yurait-M Publ., 432 p. (In Russ.)
11. Timofeev I.V., Lisovitskii D.A. (2016). Availability and quality of health care in the Russian Federation as principles of constitutional importance. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, no. 11, pp. 31-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xegksx>
12. Yakovlev V.F. (2012). *Izbrannye trudy. T. 2: Grazhdanskoe pravo: istoriya i sovremennost'. Kn. 2* [Selected works. Vol. 2: Civil law: history and Modernity. Bk 2]. Moscow, Statut, 976 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 14.03.2023

Поступила после рецензирования / Revised 27.05.2023

Принята к публикации / Accepted 16.06.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.222

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-295-302>

Шифр научной специальности 5.1.4

Теоретические аспекты вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости субъекта преступления

© МУРКШТИС Марюс Йокубо,

доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминалистики Юридического института, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклуха-Маклая, 6, <https://orcid.org/0000-0003-0010-5438>, murkshtis-my@rudn.ru

Аннотация

Изучены нормы, определяющие субъекта преступления и такое его свойство, как вменяемость, практика применения этих норм, а также научные подходы к изучению вменяемости как признака субъекта преступления. Предпринята попытка авторского подхода к ее разграничению от ограниченной вменяемости и невменяемости. Выделены возрастные, юридические и медицинские критерии вменяемости. Вместе с материалами правоприменительной практики в качестве эмпирических данных использованы сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019–2021 гг. в части применения принудительных мер медицинского характера, позволяющих выявить случаи установления невменяемости или ограниченной вменяемости. Установлено, что вменяемость представляет собой способность субъекта понимать свои действия и оценивать их соответствие нормам права. Если у субъекта специфические убеждения или психические проблемы, которые не влияют на его способность осознавать свои действия, то он признается вменяемым. В этом случае он не может использовать свои психические проблемы или иные обстоятельства в качестве оправдания для своих действий. Невменяемостью определяется состояние, когда субъект не отвечает критериям вменяемости в момент совершения преступления из-за психических проблем. Ограниченная вменяемость состоит в том, что субъект мог осознавать направленность своих действий, но из-за наличия отдельных психических проблем (например, аффективных или эмоциональных) он не мог понимать значение своих действий.

Ключевые слова

субъект преступления, вменяемость, невменяемость, ограниченная вменяемость, принудительные меры медицинского характера

Для цитирования

Муркшитис М.Й. Теоретические аспекты вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости субъекта преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 295-302. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-295-302>

Theoretical aspects of sanity, insanity and limited sanity of crime subject

© Maryus Y. MURKSHTIS,

Dr. habil. (Law), Associate Professor of Criminal Law and Forensics Department of Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0010-5438>, murkshtis-my@rudn.ru

Abstract

The norms that define the subject of a crime and such a property as sanity, the practice of applying these norms, as well as scientific approaches to the study of sanity as a sign of crime subject are studied. An attempt of the author's approach to its distinction from limited sanity and insanity is made. The age, legal and medical criteria of sanity are singled out. Together with the materials of law enforcement practice, summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2019–2021 is used as empirical data. In terms of the application of coercive measures of a medical nature, allowing to identify cases of establishing insanity or limited sanity. It is established that sanity is the ability of the subject to understand his actions and evaluate their compliance with the rule of law. If the subject has specific beliefs or mental problems that do not affect his ability to be aware of his actions, then he is recognized as sane. In this case, he cannot use his mental problems or other circumstances as an excuse for his actions. Insanity is defined as the state when the subject does not meet the criteria of sanity at the time of the commission of the crime due to mental problems. Limited sanity means that the subject could be aware of the direction of his actions, but due to the presence of certain mental problems (for example, affective or emotional), he could not understand the meaning of his actions.

Keywords

crime subject, sanity, insanity, limited sanity, coercive medical measures

For citation

Murkshtis, M.Y. (2023). Theoretical aspects of sanity, insanity and limited sanity of crime subject. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 295-302 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-295-302>

Введение. Постановка проблемы

На современном этапе развития отечественной юридической науки уже невозможно отрицать, что главным институтом уголовного права является уголовная ответственность, существование которой невозможно без ее основания – совершения противоправного деяния. Оно может считаться таковым только при наличии всех элементов состава преступления и его признаков, установленных уголовным законом. При этом главной и основополагающей его составляющей частью является субъект, так как от его действий и зависят все остальные элементы, поскольку именно виновное лицо является инициатором появления всех вытекающих из этого последствий.

Субъект преступления является центральным элементом не только в составе преступления, но и в уголовном праве, и с точки зрения теории, и с точки зрения законодательства и практики.

Согласно действующему уголовному законодательству, субъектом преступления является лицо, совершившее запрещенное под угрозой наказания преступное деяние и способное в силу присущих ему признаков нести соответствующий вид ответственности. Из этого определения вытекает тот факт, что для признания лица виновным необходимо установить его причастность к совершению общественно опасного деяния. Также следует отметить признак индивидуализации, согласно которому лицо должно лично осуществить действие или бездействие, направленные на нарушение основ уголовного законодательства.

Субъект преступления обладает определенным набором характерных для него признаков, в частности, физическое лицо, вменяемость, возраст уголовной ответственности. При совокупности данных признаков предполагается, что лицо, посягнувшее на общественные отношения, должно понести уголов-

ную ответственность, тогда как отсутствие одного из них делает невозможным признание лица субъектом преступления, вследствие чего ответственность не предусматривается.

Ключевым признаком субъекта преступления является вменяемость, то есть возможность осознавать свои действия и их последствия. В теории и на практике большую значимость имеют вопросы ее установления, разграничения от невменяемости, которая исключает уголовное наказание, и ограниченной вменяемостью, когда исполнение уголовного наказания совмещается с применением принудительных мер медицинского характера. Количество случаев применения принудительных мер медицинского характера в последние годы остается достаточно высоким: 8326 в 2019 г.¹, 7657 в 2020 г.² и 8234 в 2021 г.³ Установлено, что практически в четверти случаев рассматриваемые меры совмещены с совершением кражи: 2169 в 2019 г., 1998 в 2020 г. и 2200 в 2021 г. Для сравнения, при убийстве без отягчающих обстоятельств указанные меры применялись 542 раза в 2019 г., 501 в 2021 г., 485 в 2021 г. Вменяемость по своей сути выступает краеугольным камнем субъектности. С учетом предусмотренных принудительных мер медицинского характера в случаях, когда субъект признается невменяемым, но имеют место другие элементы состава, закон допускает специальные ограничительные меры, влекущие правовые последствия для лица, совершившего противоправное деяние. Вместе с этим каждый случай установления вме-

няемости или ее отсутствия выступает сложным процессом, требующим не только правовой квалификации, но привлечения специалистов, способных разрешить указанный вопрос и необходимость ограничения или исключения применения уголовного наказания.

Результаты исследования

На законодательном уровне субъект преступления закреплен как вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного уголовным законом. То есть современное уголовное законодательство в данном аспекте рассматривает субъект преступления как физическое лицо, совершившее преступление посредством действия или бездействия, достигшее установленного уголовным законом возраста и не имеющее оснований для освобождения от уголовной ответственности. При этом обязательным признаком является то, что носителем уголовной ответственности может являться лишь физическое лицо, что закрепляется в статье 19 УК РФ. В данном определении заключены и его ключевые признаки: физическое лицо, вменяемость, достижение определенного возраста. Наличие указанных характеристик предопределяет наступление уголовно-правовой ответственности в отношении того лица, которое совершило деяние, признанное законом преступным.

Особое внимание стоит уделить такому признаку субъекта преступления, как вменяемость, определение которой на законодательном уровне на сегодняшний день не установлено. Однако, исходя из определения понятия «невменяемость», закрепленного в статье 21 УК РФ, мы можем констатировать, что под вменяемостью лица следует понимать «возможность осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых деяний и руководить ими». По мнению О.А. Бекман и К.С. Брагина, «вменяемость характеризует способность лица быть виновным и ответственным за свои общественно опасные действия» [1, с. 147], при этом отдельно подчеркивается обязательность рассматриваемого признака.

Правовая природа вменяемости характеризуется психическим состоянием лица, его психическим здоровьем, социально-психическим развитием, отношением к объектам внешнего мира, а также возрастом, которые оказывают непосредственное влия-

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 г. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy--2019.xls (дата обращения: 05.01.2023).

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 г. URL: http://www.cdep.ru/userimages/F1-svod_vse_sudy-2020.xls (дата обращения: 05.01.2023).

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 г. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/F1-svod_vse_sudy--2021.xls (дата обращения: 05.01.2023).

ние на поведение лица. Исходя из этого, можно выделить возрастной, юридический и медицинский критерии.

Вменяемость субъекта преступления, связанная с возрастным критерием, характеризуется достаточным уровнем социального и психического развития личности, при котором имеется возможность осознавать и руководить своими поступками. Данный критерий непосредственно связан с тем, что лицо в силу достижения определенного возраста самостоятельно осуществляет выбор модели поведения, а также предусматривает и учитывает его последствия.

Таким образом, возрастная вменяемость является наличием достигнутого возраста, который, согласно закону, признает за физическим лицом способность осознавать фактический характер своих действия или бездействия, их последствий, а также возможности руководить ими. Наличие этого критерия имеет значение не только в контексте возраста как самостоятельного признака субъекта преступления, но и в значении признанного момента достижения вменяемости.

Л.М. Алтынбаева в своих трудах приходит к выводу о том, что «существующие презумпции возрастного порога ответственности позволяют говорить не столько о возрасте уголовной ответственности, сколько о возрастной вменяемости, базирующейся на обязательном учете интеллектуального и волевого развития лица» [2, с. 58], что также подчеркивает обязательность и важность такого признака, как вменяемость субъекта.

Следующим критерием вменяемости является юридический, который представляет собой совокупность интеллектуального и волевого отношения лица к совершаемым деяниям. В данном контексте стоит обратить внимание на то, что интеллектуальный критерий вменяемости представляет собой способность субъекта отдавать себе отчет о своем противоправном поведении, тогда как волевой критерий охарактеризован способностью лица руководить своими действиями или бездействием.

Следует иметь в виду, что понятие невменяемости носит юридический характер и не тождественно психическому расстройству, которое отражает медицинский критерий вменяемости.

Что касается медицинского критерия, то он непосредственно связывается с психиатрией и психическим состоянием субъекта. Так, В.А. Шуняева считает, что в рассматриваемом случае «вменяемость рассматривается как способность личности к правильному суждению, а также осмыслению своих поступков и возможность свободного выбора мотива своего поведения» [3, с. 29].

При анализе такого признака субъекта преступления, как вменяемость, стоит уделить внимание тесно связанному с ним понятию «невменяемость», которая существенным образом влияет на привлечение к уголовной ответственности. Согласно статье 21 УК РФ под невменяемостью лица понимается невозможность «осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний либо руководить ими вследствие хронического или временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики». Такое определение понятия «невменяемость» впервые было закреплено в Уголовном кодексе РФ 1996 г.

Лица, совершившие общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, не подлежат уголовной ответственности в традиционном представлении. Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6⁴ «к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, или к лицам, у которых в результате совершения преступления наступило психическое расстройство, применяются принудительные меры медицинского характера, которые заменяют непосредственное несение уголовной ответственности». Меры медицинского характера применимы и «к лицам, совершившим преступление и страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемость, в случае если они нуждаются в таком лечении».

Как отмечают А.В. Миликова, Ю.А. Белова и А.В. Вишнева, «применяемые меры медицинского характера не следует рассматривать как наказание за преступление, они лишь направлены на то, чтобы оградить обще-

⁴ О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 7.04.2011 № 6 // Российская газета. 2011. № 84.

ство от опасности и оказать лечение больному для его же блага» [4, с. 122].

Поэтому в литературе обосновано отмечается, что целесообразно разделять принудительные меры медицинского характера на две категории:

- принудительные меры, которые применяются «в качестве основной и единственной (самостоятельной уголовно-правовой) меры»;
- принудительные меры, которые являются «дополнительной мерой наряду с наказанием к лицам, совершившим преступления в состоянии вменяемости, но нуждающимся в лечении психических расстройств, не исключающих вменяемости» [5, с. 10].

Так, в соответствии с частью 2 статьи 99 УК РФ лицам, осужденным за преступления, совершенные в состоянии вменяемости, но нуждающимся в лечении психических расстройств, не исключающих вменяемости, в том числе лицам, указанным в пункте «д» части первой статьи 97 УК РФ, «суд наряду с наказанием может назначить принудительную меру медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях»⁵. Отметим, что для вынесения такого решения судом необходимо получение официальных результатов по судебно-психиатрической экспертизе. Эти результаты должны включать в себя «специальную рекомендацию о том, что к лицу, совершившему преступление, необходимо применить принудительную меру медицинского характера».

Необходимо подчеркнуть, что в литературе указывается на некоторые проблемы в реализации принудительной меры медицинского характера наряду с основным видом уголовного наказания, которые связаны с отсутствием полноты «статистического наблюдения в отношении находящихся на таком лечении лиц», что не позволяет сформировать необходимое представление о направлениях совершенствования порядка исполнения амбулаторного принудительно-

го наблюдения и наблюдения у психиатра наряду с наказанием [6, с. 22]⁶.

Подробно порядок реализации принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания, регламентируется в статье 104 УК РФ. Так, «принудительные меры медицинского характера исполняются по месту отбывания лишения свободы, а в отношении осужденных к иным видам наказаний – в медицинских организациях государственной системы здравоохранения, оказывающих психиатрическую помощь в амбулаторных условиях»⁷.

При изменении психического состояния осужденного, требующего лечения в стационарных условиях, помещение осужденного в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или иную медицинскую организацию производится в порядке и по основаниям, которые предусмотрены законодательством в сфере охраны здоровья. Относительно временного промежутка пребывания в медицинских организациях, то он засчитывается в срок отбывания наказания.

Прекращение применения принудительной меры медицинского характера, соединенной с исполнением наказания, производится судом по представлению органа, исполняющего наказание, на основании заключения комиссии врачей-психиатров.

Анализируя вопрос исполнения наказания наряду с принудительной мерой медицинского характера, необходимо подчеркнуть, что здесь используется только амбулаторное лечение лица, обладающего психическим расстройством. Очевидно, это позволяет говорить о некотором ограничении со стороны законодателя видов принудительного лечения, которые могут быть соединены с исполнением наказания. Как отмечает А.В. Васеловская, логика законодателя в данном случае раскрывается через призму двух аспектов:

⁶ Макушкина О.А., Полубинская С.В. Принудительные меры медицинского характера, назначенные наряду с наказанием: правовая регламентация и организация исполнения // Российский психиатрический журнал. 2013. № 6. С. 22.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

– в отношении лица, который был признан виновным в совершении преступления, должно в обязательном порядке реализовываться установленное наказание;

– принудительное амбулаторное лечение может осуществляться вне зависимости от того, изолирован ли человек от общества или нет [5, с. 11].

Одновременно с этим в науке и практике возникли серьезные и насыщенные дискуссии о понятии и значении ограниченной вменяемости, то есть таком состоянии, когда субъект мог осознавать направленность своих действий, но из-за наличия отдельных психических проблем (например, аффективных или эмоциональных) он не мог понимать значение своих действий. Под данной категорией в научной литературе предлагается понимать составную часть общей вменяемости, характеризующуюся неспособностью лица в силу психического расстройства в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний либо руководить ими [7, с. 104]. В этом случае субъект может рассчитывать на смягчение приговора, но он не получит оправдания за свои действия, а уголовное наказание может быть совмещено с применением принудительных мер медицинского характера. Исходя из этого, полагаем, что нет необходимости в выделении в УК РФ института ограниченной вменяемости, поскольку из смысла уголовного закона следует, что «лицо может быть либо вменяемым, либо невменяемым». При наличии оснований и признаков ограниченной вменяемости данные обстоятельства могут послужить основанием смягчения уголовной ответственности. Так как уголовный закон предусматривает открытый перечень обстоятельств, смягчающих ответственность, поэтому фактически внесение соответствующих изменений в УК РФ представляется обоснованным только в целях институционализации ограниченной вменяемости и разрешения образовавшихся дискуссий в уголовно-правовой науке.

Похожий подход к ограниченной вменяемости и оснований для признания лица невменяемым сложился и в зарубежной науке и практике. Так, законодательство США охватывает только такой вид невменяемо-

сти, который может повлиять на когнитивные способности человека, а действия, совершенные в результате воздействия воли или эмоций, выходят за рамки защиты, предусмотренной законом [8, р. 67].

Если анализировать судебную практику по данному вопросу, то следует признать, что она отличается многообразием и сложностью, поскольку в каждом конкретном случае судом по-разному определяется возможность назначения уголовного наказания или применения принудительных мер медицинского характера, или же назначения принудительных мер медицинского характера наряду с исполнением уголовного наказания. Так, например, в одном из дел Ширинского районного суда решался вопрос о назначении лицу наказания за совершение кражи с незаконным проникновением в иное хранилище. Суд, не отрицая на основании судебно-психиатрической экспертизы наличия психического расстройства лица в период инкриминируемого ему деяния, пришел к выводу о том, что оно подлежит уголовной ответственности. В связи с этим подсудимому было назначено наказание в виде лишения свободы, а также принудительная мера медицинского характера в виде «амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра в медицинской организации государственной системы здравоохранения, оказывающей психиатрическую помощь в амбулаторных условиях, по месту жительства осужденного»⁸.

Обратимся к еще одному делу Центрального районного суда. Так, согласно материалам дела, подсудимая, находясь в личных неприязненных отношениях с Т.П. Кузнецовой, решила причинить ей тяжкий вред здоровью, опасный для жизни с использованием ножа. Она нанесла ей удар по грудной клетке сзади и тем самым причинила ей телесные повреждения, которые рассматриваются в качестве тяжкого вреда здоровью. По итогам проведения судебно-психиатрической экспертизы было выявлено, что «женщина, совершившая преступление, обладает психическим расстройством в форме

⁸ Приговор № 1-60/2020 1-60/2021 от 21.06.2021 по делу № 1-60/2020 // Система СудАкт: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wqugGQoo0Xmm/> (дата обращения: 03.01.2023).

органической деменции в связи с перенесенными инсультами»⁹.

Поэтому в литературе неслучайно указывается на факт зависимости дифференциации принудительных мер медицинского характера от степени общественной опасности лица, к которому они применяются [9, с. 426]. Неслучайно отдельными зарубежными исследователями проводились комплексные исследования, посвященные отражению взаимосвязи между криминальным поведением и физиологическими особенностями личности [10, р. 87].

В практике встречаются различные случаи, содержание и последствия таких расстройств психического характера, которые делают невозможным назначение или исполнение наказания. Распространены случаи, когда лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, не может осознавать фактическое значение своих действий как в социально-бытовом плане, так и в рамках уголовного процесса, давать показания по фактам, имевшим место до наступления психического расстройства, а также в целом представлять пояснения и свою позицию относительно полноценной защиты прав и интересов, то есть исключается возможность реализации права на участие в уголовном судопроизводстве. Медицинским показанием к этому может быть, например, «органическое аффективное непсихотическое смешанное расстройство в связи со смешанными заболеваниями в стадии декомпенсации»¹⁰.

Заключение

Подводя итог проведенному рассмотрению, мы можем отметить, что вменяемость, невменяемость и ограниченная вменяемость — это три основные категории состояний психики, которые описывают возможность субъекта осознавать свои действия и нести за них ответственность в контексте совершения преступления.

Вменяемость — это способность субъекта понимать свои действия и оценивать их соот-

ветствие нормам права. Если у субъекта специфические убеждения или психические проблемы, которые не влияют на его способность осознавать свои действия, то он признается вменяемым. В этом случае он не может использовать свои психические проблемы или иные обстоятельства в качестве оправдания для своих действий.

Невменяемость — это состояние, когда субъект не отвечает критериям вменяемости в момент совершения преступления из-за психических проблем, таких как шизофрения или душевная болезнь. В этом случае субъект может не осознавать свои действия и нести за них ответственность. Вместо этого он может подвергаться лечению в специализированных медицинских учреждениях, что в целом составляет институт принудительных мер медицинского характера в уголовном праве.

Ограниченная вменяемость состоит в том, что субъект мог осознавать направленность своих действий, но из-за наличия отдельных психических проблем (например, аффективных или эмоциональных) он не мог понимать значения своих действий.

Различаются юридические и медицинские критерии вменяемости и ее разграничения от невменяемости. Юридические критерии при определении невменяемости лица имеют главенствующее значение, поскольку понятие невменяемости является понятием уголовно-правового характера, оно не равнозначно с понятием психического расстройства или недееспособности, которые являются отражением медицинских критериев. Невменяемость определяется судом на основе всестороннего анализа всех доказательств и сторон дела, а медицинские критерии являются лишь частью данного решения, которые могут свидетельствовать о хроническом или временном психическом расстройстве либо о слабоумии или ином болезненном состоянии психики.

Отсутствие вменяемости, в том числе частичное, тесно связано с применением принудительных мер медицинского характера, как исключаящих исполнение уголовного наказания, так и не совместимых с ним. В этом случае судами учитывается, прежде всего, такое психическое расстройство, которое определяет общественную опасность лица, совершившего деяние.

⁹ Постановление Центрального районного суда г. Тюмени от 26.07.2017 № 1-460/2017 // Система СудАкт: сайт. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/413599.html> (дата обращения: 03.01.2023).

¹⁰ Апелляционное определение СК по уголовным делам Тамбовского областного суда от 11.12.2015 по делу № 22-1318/2015. Доступ из СПС Гарант.

Список источников

1. Бекман О.А., Брагин К.С. Место вменяемости в структуре признаков субъекта преступления // Закон и право. 2022. № 7. С. 146-148. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-7-146-148>, <https://elibrary.ru/srerwm>
2. Алтынбаева Л.М. Возрастная вменяемость субъекта преступления // Сибирское юридическое обозрение. 2014. № 3 (24). С. 56-59. <https://elibrary.ru/sjitjv>
3. Шуняева В.А. Возрастная невменяемость: значение, содержание, причины // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 29-31. <https://elibrary.ru/ykxgps>
4. Миликова А.В., Белова Ю.А., Вишнева А.В. Вменяемость и невменяемость в уголовном праве России // Мир науки и мысли. 2023. № 1. С. 120-124. <https://elibrary.ru/iqakzh>
5. Васеловская А.В. Особенности принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания // Вестник Кузбасского института. 2019. № 1 (38). С. 9-15. <https://elibrary.ru/vwsbbn>
6. Макушкина О.А., Полубинская С.В. Принудительные меры медицинского характера, назначенные наряду с наказанием: правовая регламентация и организация исполнения // Российский психиатрический журнал. 2013. № 6. С. 18-23. <https://elibrary.ru/rxernp>
7. Щербakov А.В. Проблемы определения субъекта преступления в современном уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2013. № 2. С. 100-106. <https://elibrary.ru/qagsep>
8. LaFave W. Criminal law. St. Paul, MN: West Group, 2018. 1046 p.
9. Шеслер А.В., Васеловская А.В. Общественная опасность лица как основание применения к нему принудительных мер медицинского характера // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 4. С. 426-433. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(4\).426-433](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(4).426-433), <https://elibrary.ru/yqjune>
10. Bartol C.R. Criminal Behavior: a Psychosocial Approach. Upper Saddle River: Prentice Hall, 2008. 760 p.

Reference

1. Bekman O.A., Bragin K.S. (2022). The place of sanity in the structure of the signs of the subject of the crime. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, no. 7, pp. 146-148. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-7-146-148>, <https://elibrary.ru/srerwm>
2. Altynbaeva L.M. (2014). Age sanity of a crime committer. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*, no. 3 (24), pp. 56-59. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sjitjv>
3. Shunyaeva V.A. (2017). The age of insanity: value, content, reason. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, no. 6, pp. 29-31. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ykxgps>
4. Milikova A.V., Belova Yu.A., Vishneva A.V. (2023). Sanity and insanity in the criminal law of Russia. *Mir nauki i mysli = The World of Science and Ideas*, no. 1, pp. 120-124. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iqakzh>
5. Vaselovskaya A.V. (2019). Features of compulsory medical measures connected with the execution of punishment. *Vestnik Kuzbassskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, no. 1 (38), pp. 9-15. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vwsbbn>
6. Makushkina O.A., Polubinskaya S.V. (2013). Compulsory measures of medical nature combined with punishment: legal regulation and enforcement. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, no. 6, pp. 18-23. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rxernp>
7. Shcherbakov A.V. (2013). Problem of the definition of the perpetrator in the modern criminal law of Russia. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, no. 2, pp. 100-106. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qagsep>
8. LaFave W. (2018). *Criminal law*. St. Paul, MN, West Group Publ., 1046 p.
9. Shesler A.V., Vaselovskaya A.V. (2021). Public danger of a person as a basis for applying compulsory medical measures. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, no. 4, pp. 426-433. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(4\).426-433](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(4).426-433), <https://elibrary.ru/yqjune>
10. Bartol C.R. (2008). *Criminal Behavior: a Psychosocial Approach*. Upper Saddle River, Prentice Hall Publ., 760 p.

Поступила в редакцию / Received 26.04.2023

Поступила после рецензирования / Revised 02.06.2023

Принята к публикации / Accepted 16.06.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО PROCEDURAL LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.91

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318>

Шифр научной специальности 5.1.3

Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона

© ГАВРИЛЕНКО Владимир Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», Российская Федерация, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149; докторант юридического факультета, Университет Сапиенца, Италия, 00185, г. Рим, пл. Альдо Моро, 5, <https://orcid.org/0000-0002-7357-3526>, gv22@mail.ru

Аннотация

Исследованы вопросы подведомственности споров арбитражному разбирательству и компетенции арбитражных учреждений на рассмотрение определенных видов споров. Целью работы является полный и объективный сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона, таких как Соединенные Штаты Америки, Канада, Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия. Актуальность заключается в том, что исследована процедура арбитражного (третейского) разбирательства споров как средства защиты прав и интересов экономических субъектов в рамках правовой системы определенных государств. Проведен сравнительный анализ особенностей законодательства государств Арктического региона, а также проведено сравнение и проанализирована третейская практика различных арбитражей. Проанализировано правовое регулирование исследуемых вопросов и сформулированы выводы об основных проблемах и недостатках правовых актов в данной сфере. Результаты исследования могут быть реализованы в правотворческой работе над совершенствованием законодательства в сфере третейского разбирательства споров.

Ключевые слова

коммерческий арбитраж, третейское разбирательство споров, третейский суд, подведомственность, арбитрабельность споров, компетенция, государства Арктического региона

Для цитирования

Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 303-318. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318>

Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of the states of Arctic region

© Vladimir A. GAVRILENKO,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russian Federation; Doctoral Candidate of Law Department, Sapienza University of Rome, 5 Aldo Moro Sq., Rome, 00185, Italy, <https://orcid.org/0000-0002-7357-3526>, gv22@mail.ru

Abstract

We explore the issues of the jurisdiction of disputes to arbitration and the competence of arbitration institutions to consider certain types of disputes. The purpose of work is a complete and objective comparative analysis of legislation of the states of the Arctic region, such as the United States of America, Canada, Denmark, Norway, Sweden, Finland, Iceland. The relevance of the results is that the consideration of disputes in arbitration (referees) as a protection of the rights and interests of economic entities in the scope of the system for identifying states. We conduct a comparative analysis of the peculiarities of the legislation of the states of Arctic region, and also compare and analyze the arbitration practice of various arbitrations. The legal regulation of the issues under study is analyzed and conclusions are drawn about the main problems and shortcomings of legal acts in this area. The results of study can be implemented in law-making work on improving legislation in the field of arbitration of disputes.

Keywords

commercial arbitration, arbitration dispute proceedings, arbitral tribunal, jurisdiction, arbitrability of disputes, competence, states of Arctic region

For citation

Gavrilenko, V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of the states of Arctic region. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 303-318 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-303-318>

Введение

В настоящее время различные формы разрешения правовых споров, альтернативные государственному правосудию, в том числе коммерческий арбитраж приобретают все большее распространение в современном мире, что, прежде всего, связано с развитием экономического оборота и предпринимательской деятельности, а также увеличением объема внутренних и международных экономических связей.

Большое значение имеет вопрос подведомственности и компетенции арбитражей, которым подведомственны в основном споры между сторонами гражданско-правовых отношений, в том числе физическими и юридическими лицами, если иное не предусмотрено законами. Некоторые виды споров не могут быть рассмотрены арбитражами,

поскольку они содержат существенный публично-правовой элемент. Например, правоотношения в области административного и уголовного права не могут быть разрешены посредством процедуры арбитража, поскольку назначение административного и уголовного наказания является императивной процедурой, осуществляемой от имени государства уполномоченными органами исполнительной и судебной власти.

В настоящей публикации автор использует термин арбитраж как синоним термина третейское разбирательство споров в соответствии с общепринятой мировой практикой.

Укажем на различие терминов компетенция и подведомственность. Подведомственность споров арбитражному разбирательству означает совокупность видов спо-

ров, которые могут быть разрешены посредством арбитража в соответствии с законодательством страны. Компетенция – это право арбитражного учреждения на разбирательство конкретного спора и определенных видов споров.

Автор проводит сравнительный анализ законодательства в сфере коммерческого арбитража государств Арктического региона, которыми являются члены Арктического совета¹. Это Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Канада, Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия. Но в данной публикации автор не анализирует право Российской Федерации, поскольку это было сделано в предыдущей статье, исследующей вопросы арбитрабельности споров в странах БРИКС.

В рамках настоящей статьи автор рассматривает законодательное регулирование следующих вопросов, которые перечислим далее. Во-первых, определение арбитража в правовых актах.

Во-вторых, вопросы, связанные с регулированием и правовыми свойствами арбитражного соглашения. Укажем, что арбитражное соглашение сторон спора является основанием для разбирательства спора посредством арбитража. Данное соглашение исключает юрисдикцию государственного суда. Право сторон на заключение арбитражного соглашения является выражением принципа диспозитивности, который предполагает возможность выбора субъектами правоотношения любых законных мер и способов защиты собственных прав и интересов.

В-третьих, вопросы компетенции арбитражных учреждений на рассмотрение определенных видов споров и анализ видов споров, подлежащих рассмотрению исключительно в государственном суде.

В-четвертых, вопросы оспаривания и отмены арбитражного решения в связи с нарушением правил компетенции арбитражного учреждения на рассмотрение споров. Отметим, что вопросы признания и исполнения арбитражных решений регламентированы международно-правовыми конвенциями, ратифицированными большинством госу-

дарств мира². Вышеуказанные конвенции предусматривают единый для всех государств-участников механизм признания и приведения в исполнение решений с помощью определенных государственных судов, в определенном порядке.

Результаты исследования

1. Законодательство Соединенных Штатов Америки

Далее исследуем практику Соединенных Штатов Америки и «Федеральный арбитражный акт США», вступивший в силу 12 февраля 1925 г.³ (далее – FAA). Достаточно краткий документ, регулирующий лишь общие вопросы процедуры арбитражного разбирательства. В 1947 г. Федеральный арбитражный акт Соединенных Штатов был кодифицирован посредством включения в качестве девятого раздела в Свод законов США. Впоследствии в указанный правовой акт было внесено несколько поправок. Более подробно данные вопросы регулирует «Пересмотренный единообразный арбитражный акт» (Revised Uniform Arbitration Act)⁴ (далее – ЕАА), разработанный в 1955 г., последние поправки в который были приняты в 2000 г.

Арбитражное соглашение традиционно указывается как главное основание для проведения арбитражного разбирательства (Раздел 3 ЕАА, пункт а раздела 6 ЕАА). Причем государственный суд, как федеральный, так и суд штата, при направлении искового заявления в отношении спора, если установлено наличие арбитражного соглашения в письменной форме по отношению к данному спору, предусматривающее его разбирательство в арбитраже, должен приостановить рассмотрение указанного искового заявления до проведения арбитражного

² Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958. 10 июня). URL: <https://www.new-yorkconvention.org> (дата обращения: 08.10.2022); Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже (Женева, 1961. 21 апр.). URL: <https://treaties.un.org> (дата обращения: 08.10.2022).

³ United States Federal Arbitration Act, United States Code Title 9, Enacted February 12, 1925, Codified July 30, 1947. URL: <https://www.lexadin.nl/wlg/legis/nofr/legis.php> (accessed: 08.10.2022).

⁴ Uniform Arbitration Act (Last Revisions Completed Year 2000). URL: <https://www.lexadin.nl/wlg/legis/nofr/legis.php> (accessed: 08.10.2022).

¹ Arctic Council: website. URL: <https://arctic-council.org/> (accessed: 08.10.2022).

разбирательства, предусмотренного соглашением (§ 3 FAA). Обратим внимание, что устанавливается требование о письменной форме арбитражного соглашения или оговорки (§ 2, § 3 FAA).

Также указывается, что при заключении арбитражных соглашений применяются обычные правила заключения договора (§ 2 FAA).

Вопросы компетенции арбитража регулируются Разделом 6 и Разделом 7 ЕАА. Причем данные вопросы разрешаются как арбитром (арбитрами), так и компетентным государственным судом, а таким является суд, в территориальной юрисдикции которого находится арбитражное учреждение.

Арбитр должен принять решение, является ли конкретный спор арбитрабельным, имеется ли арбитражное соглашение, надлежащим образом оформленное и подлежащее исполнению (пункт С раздела 6 ЕАА).

Также государственный суд уполномочен принять решение о наличии арбитражного соглашения и его действии (пункт В раздела 6 ЕАА). Причем одна из сторон спора имеет право в государственном суде оспорить арбитражное соглашение или компетенцию арбитража. Суд может приостановить арбитражную процедуру до вынесения своего решения, но может этого и не делать, и рассмотрение спора арбитражем будет продолжаться, по крайней мере, до вынесения решения государственным судом (пункт D, раздела 6 ЕАА). И далее, государственный суд либо устанавливает отсутствие арбитрабельности спора, который впоследствии может быть рассмотрен в рамках государственной судебной системы (стороны также имеют право заключить новую арбитражную оговорку или разрешить спор мировым соглашением), либо принуждает стороны к разбирательству спора в арбитражном учреждении в соответствии с арбитражным соглашением. То есть возможно принудительное исполнение арбитражного соглашения или оговорки (§ 4 FAA).

Но государственный суд не имеет права на принудительное исполнение арбитражного соглашения, если были установлены обстоятельства, препятствующие его законному исполнению (пункт С раздела 7 ЕАА). Если вышеуказанные обстоятельства не установлены, то государственный суд не мо-

жет исключительно по собственному усмотрению отказать в проведении арбитражного разбирательства (пункт D раздела 7 ЕАА).

В целом государственная политика, в том числе политика органов судебной власти, благоприятна в пользу института арбитража. Как правило, государственные суды принимают решение об отсутствии арбитрабельности спора, если сторона, оспаривающая арбитражную процедуру, самостоятельно несет бремя доказательств⁵. Но если сторона, которая оспаривает арбитрабельность спора, до вынесения решения государственным судом признает арбитрабельность и отказывается от иска, суд автоматически прекращает производство и априори признает право арбитражного учреждения на разбирательство дела.

Обратим внимание также на применение так называемой доктрины отделимости, которая выражается в том, что процедура оспаривания арбитражной оговорки касается только ее и не влечет пересмотр всего договора.

Если говорить о подведомственности споров арбитражному разбирательству, то приходим к заключению, что исследуемое законодательство практически не содержит никаких указаний по данному вопросу. Исключением является арбитражное разбирательство споров, связанное с трудовыми договорами моряков, железнодорожников или иного вида рабочих, занятых в международной торговле или торговле между штатами (§ 1 FAA).

По сути, в рамках оценки арбитрабельности спора вопросы подведомственности споров решает компетентный государственный суд, используя различные судебные прецеденты, как принято в системе общего права.

После вынесения арбитражного решения компетентный государственный суд имеет право вынести постановление, его подтверждающее по ходатайству одной из сторон, если указанное арбитражное решение не подверглось процедуре дополнения, изменения или отмены (§ 9 FAA, раздел 22 ЕАА).

Компетентный государственный суд также имеет право вынести постановление об отмене арбитражного решения по хода-

⁵ Sedillo v. Campbell, 5 S. W. 3d 824 (Tex. Ct. App. 1999). URL: <https://pacer.uscourts.gov> (accessed: 08.10.2022).

тайству одной из сторон (§ 10 FAA, раздел 23 ЕАА). Причем если ходатайство отклонено, государственный суд должен вынести постановление о подтверждении решения (пункт D(6) раздела 23 ЕАА).

Одним из оснований для отмены арбитражного решения является превышение арбитром своих полномочий или их ненадлежащая реализация (пункт 4 § 10 FAA, пункт 4 раздела 23 ЕАА). Но содержание термина превышение полномочий не раскрывается и отдается на усмотрение суда по каждому конкретному делу. Суд устанавливает превышение полномочий или его отсутствие с использованием прецедентов.

Другим основанием для отмены арбитражного решения является отсутствие арбитражного соглашения. Но сторона спора должна подать заявление об этом не позднее начала арбитражного разбирательства (пункт 5 раздела 23 ЕАА). В американском праве имеются Соответствующие признанные прецеденты. Выяснение того, существует ли соглашение об арбитраже, не может быть заявлено впервые после вынесения арбитражного решения⁶. Сторона спора, которая участвует в разбирательстве без представления возражений против действительности арбитражного соглашения, не может впоследствии оспаривать арбитражное соглашение⁷.

2. Законодательство Канады

Далее рассмотрим вопросы регулирования арбитража в Канаде Законом «О коммерческом арбитраже» 1985 г., вступившим в силу 17 июня 1986 г.⁸. (Далее – Закон 1985 г.). Наиболее интересно Приложение 1 к настоящему закону – Кодекс коммерческого арбитража, содержащий основные положения процессуального регулирования разбирательства споров. Отметим, что текст Закона 1985 г. составлен на двух официальных языках страны – английском и французском.

Также в исследовании использованы Закон «Об арбитраже» провинции Онтарио 1991 г. и Закон «Об арбитраже» провинции Британская Колумбия 2020 г.⁹ (Далее – Закон Онтарио и Закон БК).

В целом, правовое регулирование коммерческого арбитража Законом 1985 г. и законами провинций Канады не имеет принципиальных разночтений. Тем не менее, имеются различия в регулировании статуса арбитра, правил апелляции и некоторых процессуальных вопросов. Также имеются некоторые различия в регулировании подведомственности споров, о чем расскажем ниже.

Начнем с определений. Под понятием «арбитраж» понимается любое арбитражное разбирательство спора, независимо от того, проводится ли оно постоянно действующим арбитражным учреждением или в рамках разового арбитража *ad hoc* (статья 2(а) Приложения 1 Закона 1985 г.). Понятие арбитражный трибунал означает единоличного арбитра или коллегия арбитров (статья 2(б) Приложения 1 Закона 1985 г.).

Арбитражное соглашение является основанием для арбитражного разбирательства споров. Оно может представлять собой как самостоятельный документ, так и арбитражную оговорку (пункт 1 статьи 7 Приложения 1 Закона 1985 г., параграф 1 статьи 5 Закона Онтарио, статья 5 Закона БК). Стороны имеют право заключить арбитражное соглашение как до, так и после возникновения спора.

Но далее имеются разночтения в исследуемых правовых актах. Арбитражное соглашение заключается в письменной форме, которая также признается при обмене письмами, телексом, телеграммами или другими видами связи, либо при обмене исковыми заявлениями, содержащими информацию об арбитражном соглашении, если последняя не оспаривается другой стороной (пункт 2 статьи 7 Приложения 1 Закона 1985 г.). Также ссылка в договоре на документ, содержащий арбитражную оговорку, приравнивается к арбитражному соглашению при условии, что договор составлен в письменной

⁶ Borg, Inc. v. Morris Middle Sch. Dist. No. 54, 3 Ill. App. 3d 913, 278 N.E. 2d 818 (1972). URL: <https://pacer.uscourts.gov> (accessed: 08.10.2022).

⁷ Spaw-Glass Constr. Serv., Inc. v. Vista De Santa Fe, Inc., 114 N.M. 557, 844 P. 2d 807 (1992). URL: <https://pacer.uscourts.gov> (accessed: 08.10.2022).

⁸ Commercial Arbitration Act (1985, c. 22, assented to 17th June, 1986). URL: <https://laws.justice.gc.ca/> (accessed: 08.10.2022).

⁹ Arbitration Act, S.O. 1991, Ch. 17, Ontario, Canada. Arbitration Act, SBC 2020, British Columbia, Canada. URL: <https://laws.justice.gc.ca/> (accessed: 08.10.2022).

форме (пункт 2 статьи 7 Приложения 1 Закона 1985 г.). Законодательство провинций Канады регулирует данные вопросы несколько иначе. Письменная форма арбитражного соглашения не является обязательным условием (§ 3 статьи 5 Закона Онтарио, пункт а § 5 статьи 5 Закона БК).

Переходим к вопросу подведомственности споров. Законодательство Канады об арбитраже четко не оговаривает виды споров, которые имеют право рассматривать арбитражные учреждения. Видимо, подразумевается общепринятая практика подведомственности арбитражному разбирательству споров, вытекающих из гражданских правоотношений и экономического оборота. Вопросы подведомственности конкретных споров определяет само арбитражное учреждение и, при необходимости, компетентный государственный суд. Последний, как принято в традиции общего права, использует судебные прецеденты.

Но, имеется небольшое исключение. Законы об арбитраже провинций Канады Онтарио и Британская Колумбия, которые предусматривают право арбитражей на разбирательство споров в области семейных правоотношений, оговариваясь, что данное разбирательство должно быть основано на законодательстве в области семейного права (пункт а статьи 1, пункт 1 статьи 2, пункт 1 статьи 50 Закона Онтарио и пункт 1 статьи 19,2 Закона БК).

Подведомственность федерального законодательства и региональных законов в сфере арбитражного разбирательства также разделяется. Первое применяется, если хотя бы одна из сторон спора является государственным учреждением, государственной корпорацией или если имеет место спор в области морского права или попадает под действия международных торговых соглашений (параграф 5 Закона 1985 г.).

Арбитражное учреждение вправе принять решение о собственной компетенции на разбирательство конкретного спора, о чем выносит соответствующее постановление (пункт 1 статьи 13 Закона 1985 г., статья 17 Закона Онтарио, статья 23 Закона БК). Отметим также, что одна из сторон спора имеет право обратиться в компетентный государственный суд с заявлением об оспаривании

компетенции арбитража, но не позднее начала разбирательства спора (пункт 2 статьи 16 Приложения 1 Закона 1985 г.). Также возможна подача жалобы в государственный суд при превышении арбитрами своих полномочий во время разбирательства спора (пункт 2 статьи 16 Приложения 1 Закона 1985 г.).

Компетентный государственный суд – это суд, на территории подлежащей юрисдикции которого расположено арбитражное учреждение и (или) непосредственно разбирается спор (параграф 6 Закона 1985 г.).

Если одна из сторон направляет заявление о разбирательстве спора в государственный суд, а спор, в соответствии с соглашением, подлежит арбитражному разбирательству, суд отказывает в рассмотрении дела и направляет стороны в арбитраж. Исключением является признание арбитражного соглашения недействительным или спор не подлежит арбитражному разбирательству в соответствии с законодательством (пункт 1 статьи 8 Приложения 1 Закона 1985 г., статья 7 Закона Онтарио).

Также обратим внимание на следующее положение Закона Британской Колумбии. Арбитражное соглашение или оговорка независимы от других условий договора и признание договора недействительным не влечет автоматического признания недействительным арбитражного соглашения (статья 23 Закона БК).

Далее рассмотрим основания для оспаривания арбитражных решений в праве Канады. Основания стандартные, такие как недействительность арбитражного соглашения, несоответствие разбираемого спора арбитражному соглашению, предмет спора не может быть рассмотрен в арбитраже, в соответствии с действующим законодательством (статья 34 Приложения 1 Закона 1985 г., статья 46 Закона Онтарио, статья 58 Закона БК). Отметим также, что федеральное законодательство Канады отдельно предусматривает основания для государственных судов для отказа в принудительном исполнении арбитражных решений. Основания идентичны вышеназванным (статья 36 Приложения 1 Закона 1985 г.).

Также Закон 1985 г. предусматривает основание для оспаривания арбитражного решения и отказа в его принудительном ис-

полнении, такое как противоречие арбитражного решения публичному порядку Канады (статьи 34 и 36 Приложения 1 Закона 1985 г.). Доктрина публичного порядка или основополагающих принципов права достаточно распространена в современном праве и служит поддержанию приоритета национального права по отношению к иностранному и международному праву [1].

Проблема в том, что четкое и непротиворечивое понятие публичного порядка не закреплено в законодательстве как Канады, так и других государств. То есть вопрос соответствия арбитражного решения публичному порядку решает суд в каждом конкретном случае, что естественно для стран, принадлежащих к системе общего права, но не очень естественно для стран континентальной правовой системы. Представляется целесообразным наиболее возможно четкое закрепление термина «публичный порядок» в законодательстве. В своих работах автор предлагал следующую формулировку указанного термина. «Публичным порядком следует считать основополагающие правила и принципы, регулирующие жизнедеятельность государства и общества, закрепленные в законодательных актах». Данное определение не является окончательным и может быть темой юридических дискуссий. Главным является не сама формулировка определения публичного порядка, а наличие ее в законодательстве страны. Законодатель должен дать четкое и непротиворечивое определение публичному порядку, чтобы это понятие не вызывало различных толкований. Соответственно признаки противоречия третейского решения публичному порядку будут очевидны сразу, что поможет избежать излишней путаницы в процедуре признания и исполнения решения арбитража, либо его отмены» [1, с. 99].

Продолжим рассмотрение законодательства Канады. Отметим, что обращение любой из сторон спора в компетентный государственный суд для оспаривания арбитражного решения возможен не позже трех месяцев с даты получения данного решения (пункт 3 статьи 34 Приложения 1 Закона 1985 г.).

Обратим также внимание на положение Закона Онтарио, согласно которому государственный суд может остановить арбитраж

и признать его недействительным на любой стадии разбирательства спора. Основанием к этому служат недействительность арбитражного соглашения, недееспособность одной из сторон (или отсутствие полномочий сотрудников юридического лица), подписавших соглашение, несоответствие разбираемого спора арбитражному соглашению, а также если предмет спора не может быть предметом арбитража. Выдается судебный запрет на проведение арбитража (статья 48 Закона Онтарио).

3. Законодательство Финляндии

Далее исследуем законодательство Финляндии и Закон «Об арбитраже» № 967/1992, принятый 23 октября 1992 г.¹⁰ (далее – Закон Финляндии).

Укажем следующее. Закон Финляндии не указывает различий между постоянно действующими арбитражными учреждениями и арбитражами *ad hoc*, их правовой статус одинаков. Закон Финляндии можно разделить на две части. Первая часть (статьи 2–50) регулирует арбитражное разбирательство, которое проводится на территории Финляндии. Вторая часть (статьи 51–55) регулирует арбитражное разбирательство споров за пределами Финляндии и вопросы признания и исполнения иностранных арбитражных решений (статья 1 Закона Финляндии).

Арбитражное соглашение между сторонами признается как повод к разбирательству спора в арбитражном суде, причем указываются непосредственно гражданские и хозяйственные споры (статья 2 Закона Финляндии). Не имеется ограничений по заключению арбитражного соглашения как в отношении существующего спора, так и в отношении спора, который может возникнуть в будущем.

Вообще вопросы подведомственности споров арбитражному разбирательству указаны поверхностно. Повторимся, упомянуты споры в сфере гражданских и хозяйственных (экономических правоотношений). Также указан признак арбитрабельности спора, такой как возможность его урегулирования

¹⁰ Laki välimiesmenettelystä. Annettu Helsingissä 23 päivänä lokakuuta. 1992. URL: <https://www.finlex.fi/> (käsitä: 08.10.2022).

мирным путем, по соглашению сторон (статья 2 Закона Финляндии).

Разберем вопрос об арбитражном разбирательстве споров акционеров в отношении инициации процесса ликвидации компании. Имеется интересный практический пример. В 2003 г. два миноритарных акционера обратились в суд к открытому акционерному обществу. В конечном итоге Верховный суд Финляндии указал, что арбитражная оговорка в Уставе общества устанавливает, что все споры между обществом и акционерами должны быть отнесены на рассмотрение арбитража. Суд отметил, что споры по искам акционеров к обществу с требованием о ликвидации не выходят за рамки компетенции коммерческого арбитража [2, с. 8-9].

Закон Финляндии устанавливает требования и условия к арбитражному соглашению. Предусмотрена его обязательная письменная форма. Соглашение может содержаться как в отдельном документе, так и в переписке между сторонами (в том числе электронной) и в ссылке на другой документ, содержащий положения об арбитраже (статья 3 Закона Финляндии).

Кроме того, предусмотрено, что арбитражные оговорки, включенные в завещания, дарственные, коносаменты и подобные документы, в уставные документы ассоциаций, фондов, компаний и иных юридических лиц, имеют ту же силу, что арбитражное соглашение (статья 4 Закона Финляндии).

Если в государственный суд подается иск по спору, регулируемому действительным арбитражным соглашением, последний отказывается от разбирательства дела и направляет его в арбитраж (статья 5 Закона Финляндии).

Но, если одна из сторон активно отказывается от арбитражного разбирательства спора, например, уклоняется от назначения арбитра и несения расходов, то другая сторона может, несмотря на наличие арбитражного соглашения, подать исковое заявление в компетентный суд (статья 6 Закона Финляндии). То есть в праве Финляндии не предусмотрено право государственных судов на принуждение к арбитражу.

Компетентным государственным судом в разрешении всех вопросов, связанных с арбитражным разбирательством спора, при-

знается суд первой инстанции, которому подведомственно по территориальности место проведения арбитража (пункт 1 статьи 50 Закона Финляндии). Исключение составляют компетентные государственные суды, рассматривающие вопросы, связанные с арбитрами (статьи 14, 15, 16, 19 Закона Финляндии), разбираемые в суде, расположенном по месту жительства одной из сторон, либо в Окружном суде Хельсинки (пункт 2 статьи 50 Закона Финляндии).

Кроме того, стороны в арбитражном соглашении могут договориться о другом суде первой инстанции, компетентном рассматривать все вопросы, связанные с разбирательством спора арбитражем (пункт 3 статьи 50 Закона Финляндии).

Вопросы компетенции арбитража и определения арбитрами собственной компетенции в Законе Финляндии не прописаны. Процессуальное регулирование данных вопросов прописывается в регламентах конкретных арбитражных учреждений.

Интересно регулирование процедуры признания недействительным арбитражного решения компетентным государственным судом. Отметим такие причины для признания арбитражных решений недействительными, как принятие решения по спору, который не входит в компетенцию арбитражей согласно действующему законодательству или арбитражное решение противоречит публичному порядку Финляндии (пункт 1 статьи 40 Закона Финляндии). Соответственно, спор не может в дальнейшем быть разрешен с помощью арбитража. Имеет место оговорка о публичном порядке, аналогичная с правом Канады. Вопросы публичного порядка были рассмотрены выше.

Возможна отмена арбитражного решения, которая не означает невозможности арбитражного разбирательства данного спора в дальнейшем. Отмена арбитражного решения осуществляется компетентным государственным судом на основании заявления одной из сторон, причем сторона не вправе подать заявление, если в процессе арбитражного разбирательства она не заявляла протестных требований на обстоятельства, являющиеся основаниями отмены решения (пункты 1–2 статьи 41 Закона Финляндии).

Отметим такое основание для отмены арбитражного решения, как превышение арбитрами своих полномочий (пункт 1 статьи 41 Закона Финляндии). Представляется, что в понятие превышения полномочий входит и определение составом арбитража собственной компетенции на разбирательство спора, если для того не было законных оснований.

Решение о принудительном исполнении арбитражного решения принимается компетентным государственным судом Финляндии первой инстанции (статья 43 Закона Финляндии). Причем государственный суд может отказать в принудительном исполнении, если арбитражное решение отменено или признано недействительным (статья 44 Закона Финляндии).

4. Законодательство Швеции

Рассмотрим право Швеции. Закон «Об арбитраже» № SFS 1999:116, вступивший в силу 1 апреля 1999 г.¹¹, регулирует вопросы арбитражного разбирательства (Далее – Закон Швеции).

В Законе Швеции указано прямо, что споры, касающиеся вопросов, которые стороны вправе урегулировать между собой, могут быть переданы на разрешение в арбитраж на основании соглашения. Арбитражное соглашение может касаться как уже возникших споров, так и споров, которые могут появиться в будущем (статья 1 Закона Швеции). Положения Закона Швеции сформулированы достаточно лаконично.

Отметим, что в законодательстве отсутствует требование об обязательной письменной форме арбитражного соглашения. «Арбитражное соглашение может быть заключено в письменной или устной форме» [3, с. 18].

Если решается вопрос о действительности арбитражного соглашения или оговорки, входящей в состав другого договора, то арбитражное соглашение или оговорку следует рассматривать как самостоятельное соглашение (статья 3 Закона Швеции). То есть признание договора недействительным не влечет автоматического признания недействительности арбитражной оговорки.

В случае если шведский государственный суд установит наличие действительного арбитражного соглашения между сторонами, он не принимает дело к производству, а предлагает сторонам исполнить данное соглашение. Но при этом необходимо заявление позиции одной из сторон о наличии арбитражного соглашения и намерении разбирательства спора в арбитраже (статья 4 Закона Швеции).

Арбитры имеют право самостоятельно решить вопрос о своей компетенции рассматривать конкретный спор. Но любая из сторон может оспорить данное решение в государственном Апелляционном суде в срок не позже 30 дней с момента получения решения арбитража о собственной компетенции (статья 2 Закона Швеции).

Вопросы подведомственности споров арбитражному разбирательству практически не отражены в Законе Швеции, что, на взгляд автора, является упущением законодателя и недостатком исследуемого закона. К сожалению, данные недостатки свойственны не только шведскому законодательству.

В правовой доктрине Швеции считается, что «спор является арбитрабельным, если стороны вправе заключать по такому спору мировое соглашение» [4, с. 59]. Такое положение исходит из толкования статьи 1 Закона Швеции. Термины – споры, «которые стороны вправе урегулировать между собой» и «споры, по которым стороны могут заключать мировое соглашение» можно считать идентичными.

Отметим, что «согласно шведскому материальному праву стороны в целом свободны заключать мировые соглашения по спорам, если такие споры проистекают из чисто коммерческих правоотношений. Однако существуют исключения. Споры, касающиеся наказания за правонарушение, в отличие от договорных убытков и штрафов, которые выплачиваются одной из сторон договора, не являются арбитрабельными» [4, с. 63]. По сути, общепринятый постулат о том, что арбитрабельны споры в области гражданских, экономических и частных правоотношений.

Единственное прямое указание в Законе Швеции об арбитрабельных и неарбитрабельных видах споров следующее. Арбитражное соглашение между предпринимате-

¹¹ Lag om skiljeförfarande (SFS 1999:116). URL: <https://www.riksdagen.se/sv/> (åtkomst: 08.10.2022).

лем и потребителем в отношении споров о товаре, услуге или ином благе, предназначенном для личного потребления, является недействительным, если оно было заключено до возникновения спора (статья 6 Закона Швеции).

Также установлено ограничение в отношении арбитражных соглашений в отношении споров в области найма и аренды. Функции состава арбитража по таким спорам должны выполняться комиссией по делам найма и аренды (статья 6 Закона Швеции).

Кроме того четко указано, что арбитры вправе рассматривать вопросы о гражданско-правовых последствиях законодательства о конкуренции, не выходящие за рамки правоотношений сторон (статья 1 Закона Швеции). Это означает, что «арбитры не вправе давать квалификацию правоотношениям на предмет их соответствия нормам антимонопольного права, однако вправе разрешить вопрос о гражданско-правовых последствиях нарушения таких норм» [3, с. 41].

В других законодательных актах Швеции также имеются положения об арбитрабельности споров.

Не разрешается арбитражное разбирательство по спорам, «касающимся действительности патентов, товарных знаков и прочих объектов интеллектуальной собственности. Соглашения, влекущие нарушение прав миноритарных акционеров, считаются неарбитрабельными в силу того, что затрагивают интересы третьих лиц. Неарбитрабельны в Швеции также и трудовые, семейные и уголовные дела» [5, р. 64].

Но, обратим внимание, что «в то время как вопросы уголовного наказания не являются арбитрабельными, вопросы компенсации ущерба, наступившего вследствие совершения преступления, вполне могут быть предметом исследования арбитража» [3, с. 40].

«В силу специального законодательства (lex specialis) арбитраж может иметь место в Швеции в определенных случаях без фактического согласия сторон на разрешение их споров посредством арбитража» [4, с. 35]. Например, статья 5 главы 22 Закона Швеции «О компаниях» (2005:551) устанавливает, что споры, касающиеся принудительного приобретения миноритарных акций (minority squeeze out), подлежат разрешению в ходе специальной формы арбитража.

Рассмотрим вопрос о недействительности арбитражного решения. Арбитражное решение признается недействительным, если оно принято по спору, не подлежащему арбитражному разбирательству в соответствии с законодательством Швеции, и если арбитражное решение или процедура его принятия, очевидно, несовместимы с основными принципами шведской правовой системы. Причем недействительной может быть признана часть арбитражного решения (статья 33 Закона Швеции). То есть вопросы арбитрабельности и публичного порядка.

Вопрос публичного порядка также поднимается при указании оснований отказа в приведении в исполнение иностранного арбитражного решения. Основания следующие: решение содержит постановление по вопросу, который не может быть передан на рассмотрение арбитров в соответствии с правом Швеции, или признание и приведение в исполнение иностранного решения явным образом противоречило бы основам шведской правовой системы (статья 55 Закона Швеции), т. е. установлен приоритет национального законодательства над иностранным.

Далее рассмотрим основания для оспаривания и отмены арбитражного решения, точнее те из них, которые интересуют в рамках настоящего исследования. Если арбитражное решение не охватывается действительным арбитражным соглашением сторон, имеет место превышение полномочий арбитрами или их действия за пределами своих полномочий (статья 34 Закона Швеции). Также обратим внимание на то, что сторона спора не вправе ссылаться на указанные обстоятельства, если она их не заявила при участии в арбитражном разбирательстве. Назначение стороной арбитра не должно рассматриваться как ее согласие с компетенцией арбитров разрешать переданный им спор (статья 34 Закона Швеции).

5. Законодательство Норвегии

В Норвегии институт арбитража регулирует Закон «Об арбитраже» № LOV-2004-05-14-25 от 14 мая 2004 г., вступивший в силу с 01 мая 2005 г.¹² (далее – Закон Норвегии).

¹² Lov om voldgift. № LOV-2004-05-14-25. URL: <https://lovdata.no/> (tilgået: 08.10.2022).

Настоящий Закон обеспечивает юридическую основу для проведения арбитражного разбирательства в Норвегии. Он является основным источником права Норвегии, относящегося к арбитражному разбирательству споров, а также к признанию и приведению в исполнение арбитражных решений после завершения разбирательства. Его применение уместно в тех случаях, когда местом арбитража является Норвегия, и применяется как к урегулированию споров в Норвегии, так и к международным арбитражным разбирательствам независимо от гражданства сторон.

Обратим внимание на отражение терминологии в научной доктрине Норвегии. «Термин «арбитраж» является производным от слова «арбитраж», что означает уступить что-то в интересах или позиции другого — предоставить другому решать или выполнять что-либо для одного. Нет необходимости оперировать каким-либо точным определением термина «арбитраж», например, такого определения нет в Законе об арбитраже» [6, s. 32].

Закон Норвегии применяется к арбитражу, который был согласован сторонами или определен законодательством, независимо от национальной принадлежности сторон спора (статья 1 Закона Норвегии).

Основанием для арбитражного разбирательства спора является арбитражное соглашение сторон в отношении любых споров, которые могут возникнуть в конкретных правоотношениях (статья 10 Закона Норвегии). Отметим, что в Законе Норвегии ничего не говорится об обязательной письменной форме арбитражного соглашения, оставляя данный вопрос на усмотрение сторон. Арбитражное соглашение, являющееся частью договора независимо от других условий договора. Признание договора недействительным не влечет за собой автоматического признания недействительности арбитражного соглашения (статья 18 Закона Норвегии).

Рассмотрим вопрос компетенции арбитражей. Общее правило таково, что арбитражи самостоятельно определяют свою компетенцию на рассмотрение конкретного спора. Причем возражение о компетенции арбитража на рассмотрение спора должно быть заявлено не позднее, чем при первом пред-

ставлении одной из сторон по существу иска. Также имеется возможность оспаривания компетенции арбитража в государственном суде (статья 18 Закона Норвегии).

Отметим также, что государственные суды не принимают к производству спор, являющийся предметом арбитражного разбирательства, за исключением недействительности арбитражного соглашения или других причин, препятствующих арбитражному разбирательству спора (статья 7 Закона Норвегии).

Вопросы подведомственности споров арбитражному разбирательству и виды споров, которые не подлежат рассмотрению в арбитражах, в Законе Норвегии не прописаны. Данное обстоятельство является, на взгляд автора, недостатком настоящего закона и недоработкой законодателей.

Соответственно, вопросы подведомственности (или отсутствия подведомственности) спора арбитражному разбирательству содержатся в отраслевом законодательстве. Обратимся к юридической литературе. «Ясно, что арбитраж не обладает юрисдикцией в отношении учредительных судебных решений, таких как раздельное проживание супругов, развод, усыновление, установление отцовства, установление родственных связей, предоставление гражданства, уголовных наказаний, опеки и попечительства, проживания детей и права на воспитание. С другой стороны, дела о распределении имущества и финансов между супругами обычно считаются полностью диспозитивными, и, на наш взгляд, имеется возможность арбитража по делам такого типа» [6, s. 233].

Также обратим внимание, что «дела, подлежащие императивному правовому регулированию, находятся вне свободы выбора сторон, так как стороны вне процедуры судебного разбирательства не вправе урегулировать правоотношения в области императивных правовых норм» [6, s. 234]. То есть вопросы, связанные с государственным принуждением, прежде всего связанные уголовными, административными и налоговыми правоотношениями, подлежат разбирательству в рамках государственной судебной системы. «Государство не может предоставить третейскому суду право принимать административные решения» [6, s. 245].

Также «свобода сторон на арбитражное разбирательство спора может быть ограничена в специальном законодательстве, см., например, § 44 Закона о дорожных грузовых перевозках, § 10–38 Закона о гражданской авиации и главу 17 Закона о рабочей среде» [7, s. 65]. То есть определенные вопросы в области использования транспорта и трудовых правоотношений также могут быть неарбитрабельны.

Также «§ 63 Закона о патентах, в соответствии с которым определенные дела, касающиеся патентов, должны передаваться в окружной суд Осло. Такие дела не подлежат арбитражу. Но причина этого не в том, что эти дела отнесены к обязательному рассмотрению, а в том, что они касаются вопросов отклонения решений, вынесенных в публичном реестре, который стороны не вправе регулировать соглашением» [6, s. 238].

Следует указать, что Закон Норвегии обращает особое внимание на споры, одной из сторон которых является потребитель. Данные споры арбитрабельны, но имеются некоторые ограничения. Арбитражное соглашение, заключенное до возникновения спора, не является обязательным для потребителя. Такое соглашение должно заключаться уже после возникновения спора и оформляться как отдельный документ, подписанный обеими сторонами. Также если потребитель не осведомлен о правилах пересмотра арбитражного решения и свойстве необязательности арбитражного соглашения, заключенного до возникновения спора, может отказаться от арбитражного разбирательства спора на любой его стадии (статья 11 Закона Норвегии). Процедура осведомления потребителя о данных условиях не прописывается. Представляется, что указанная информация должна включаться в арбитражное соглашение.

Рассмотрим далее вопросы оспаривания и отмены арбитражного решения. Возможна отмена арбитражного решения как недействительного по предъявлению иска одной из сторон спора (статья 42 Закона Норвегии). Причем исковое заявление должно быть подано в государственный суд не позднее трех месяцев после получения арбитражного решения (статья 44 Закона Норвегии).

Далее назовем некоторые основания недействительности арбитражного решения, такие как недееспособность (и неправопособность) одной из сторон, недействительность или отсутствие арбитражного соглашения, решение принято с нарушением пределов компетенции арбитража (статья 43 Закона Норвегии).

Отметим также, что государственный суд имеет право даже без искового заявления сторон самостоятельно инициировать разбирательство вопроса об отмене арбитражного решения и принять решение об его отмене в следующих ситуациях. Спор не может быть разрешен в арбитражном порядке в соответствии с норвежским законодательством, или арбитражное решение противоречит государственной политике (*ordre public*) (статья 43 Закона Норвегии). Снова используется доктрина публичного порядка, которую мы разбирали выше.

Арбитражное решение может быть признано и принудительно исполнено государственным судом (статья 45 Закона Норвегии). Но имеются основания для отказа в признании и исполнении арбитражных решений, практически идентичные основаниям их отмены. Недееспособность (и неправопособность) одной из сторон, недействительность или отсутствие арбитражного соглашения, или нарушение пределов компетенции арбитража являются основаниями для отказа в принудительном исполнении арбитражных решений (статья 45 Закона Норвегии). Кроме того, государственный суд имеет право по собственному желанию, вне зависимости от обращения к нему сторон спора, отказать в признании и исполнении арбитражного решения, если спор не может быть разрешен в арбитражном порядке в соответствии с норвежским законодательством или арбитражное решение противоречит государственной политике (*ordre public*) (статья 45 Закона Норвегии).

6. Законодательство Дании

Рассмотрим далее право Дании¹³. В этой стране арбитраж регулирует Закон «Об арбитраже» № 553 от 24 июня 2005 г. (далее – Закон Дании). Настоящий закон по своему

¹³ Lov om voldgift, № LOV nr 553 af 24.06.2005. URL: <https://www.retsinformation.dk/> (tilgået: 08.10.2022).

содержанию очень похож на исследованный ранее Закон Норвегии, что подчеркивает схожесть правовых систем этих двух государств. Отметим, что «Дания имеет давние традиции арбитража. Уже в датском законе 1683 г. было подтверждено общее право граждан обращаться к третьим сторонам для разрешения споров между собой с обязательной силой решения арбитров» [7, s. 42].

Закон Дании применим к арбитражному разбирательству споров, как внутреннему, так и международному, если само разбирательство происходит на территории Дании (статья 1 Закона Дании).

Арбитражное соглашение прописано в исследуемом законе. Стороны могут договориться о передаче в арбитраж споров, которые возникли между ними или могут возникнуть в будущем. Арбитражное соглашение может быть заключено как в форме арбитражной оговорки, так и в форме самостоятельного соглашения. Арбитражное соглашение, одной из сторон которого является потребитель, заключенное до возникновения спора, для потребителя не является обязательным (статья 7 Закона Дании). Арбитражная оговорка является самостоятельной по отношению к другим условиям договора, и недействительность договора не влечет автоматически недействительность арбитражной оговорки (статья 16 Закона Дании).

Форма арбитражного соглашения Законом Дании не оговаривается.

Если в государственный суд подается исковое заявление по спору, в отношении которого имеется арбитражное соглашение, спор должен быть рассмотрен в арбитраже, за исключением ситуации недействительности арбитражного соглашения или невозможности его исполнения (статья 8 Закона Дании).

Арбитраж в лице арбитра или коллегии арбитров самостоятельно принимает решение о собственной компетенции на разбирательство конкретного спора. Любая сторона спора может подать возражение, в котором обосновать отсутствие компетенции арбитража, даже если до того сторона участвовала в процедуре формирования состава арбитража. Также сторона может подавать возражение о превышении арбитрами своих полномочий и своей компетенции, когда в про-

цессе разбирательства спора обнаружен данный факт (пункты 1–2 статьи 16 Закона Дании).

Вопросы подведомственности споров арбитражному разбирательству решаются следующим образом. Споры, касающиеся правоотношений, в отношении которых стороны имеют неограниченное диспозитивное право, то есть право выбора любого законного способа защиты собственных прав и интересов, может быть передано в арбитраж (статья 6 Закона Дании). Формулировка достаточно общая.

Если говорить о подведомственности споров арбитражному разбирательству, то мы видим, что данный вопрос в исследуемом Законе Дании четко не прописан.

Можно указать норму, определяющую, что Закон Дании не применяется к спорам, которые в соответствии с коллективным трудовым договором или Законом Дании «О трудовом суде» подлежат разбирательству, регулируемому Сводом правил для разрешения трудовых споров (*faglig strid*). Также Закон Дании не применяется к спорам, переданным в арбитражные суды, учрежденные законодательством для разрешения споров по отдельным вопросам (статья 5 Закона Дании). То есть некоторые трудовые споры и споры в отдельных отраслях, где созданы специальные арбитражи, выводятся законодателем из общих правил арбитрабельности.

Оспаривание арбитражного решения по датскому праву возможно. Любая сторона спора может подать заявление об оспаривании в компетентный государственный суд в срок не позднее трех месяцев со дня получения арбитражного решения. В исследуемом Законе не конкретизируется подсудность указанных дел. Представляется, что компетентный государственный суд – это суд первой инстанции, в территориальную юрисдикцию которого входит место проведения арбитражного разбирательства или расположение арбитражного учреждения.

Установлены четкие основания для оспаривания арбитражного решения. Среди них: недействительность арбитражного соглашения, арбитражное решение принято по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением, или оно содержит вопросы, которые не входят в арбитражное соглаше-

ние (статья 37 Закона Дании). Кроме того, государственный суд имеет право отменить арбитражное решение даже без обращения сторон спора, если предмет спора не может быть разрешен в арбитражном порядке, в соответствии с действующим законодательством, или арбитражное решение явно противоречит публичному порядку государства. В указанных двух ситуациях возможно дальнейшее разрешение спора только в рамках государственной судебной системы. Что касается остальных оснований для оспаривания арбитражных решений, их наличие не препятствует арбитражному разбирательству спора в будущем при наличии воли сторон.

Возможно принудительное исполнение государственным судом арбитражного решения при направлении соответствующего заявления одной из сторон (статья 38 Закона Дании). Имеются основания для отказа в принудительном исполнении, которые тождественны основаниям для оспаривания арбитражных решений. Еще раз отметим недействительность арбитражного соглашения, нарушение арбитрами вопросов компетенции, а также неарбитрабельность споров по датскому законодательству и противоречие решения публичному порядку страны (статья 39 Закона Дании).

7. Законодательство Исландии

В Исландии арбитраж регулирует Закон «О договорном арбитраже» № 53/1989 от 24 мая 1989 г.¹⁴ (далее – Закон Исландии). Напомним, что данный закон характеризуется лаконичностью, в законе только 15 статей, регламентирующих небольшое количество основных вопросов арбитражного разбирательства. Основное регулирование процедуры арбитражного разбирательства споров осуществляется регламентами арбитражных учреждений.

Закон Исландии применяется в отношении к договорному арбитражу и предусматривает право сторон заключить арбитражное соглашение, как основание для арбитражного разбирательства споров, как уже имеющих место, так и потенциальных (статья 1 Закона Исландии).

Арбитражное соглашение заключается в письменной форме. В нем должно быть четко указано, что это соглашение о разбирательстве спора посредством арбитражных процедур, наименование сторон соглашения и четкое определение спора, подлежащего разрешению (статья 2 Закона Исландии).

В ситуации передачи спора, в отношении которого имеется действующее арбитражное соглашение, в государственный суд, последний может не принимать к рассмотрению или прекратить рассмотрение дела, если одна из сторон арбитражного соглашения направит соответствующее заявление (статья 3 Закона Исландии).

Вопросы подведомственности споров подробно не расписаны. Упоминается правило арбитрабельности споров, по которым стороны могут прийти к мировому соглашению (статья 1 Закона Исландии). Толковать данное положение можно как подведомственность арбитражному разбирательству частноправовых споров. Но, как мы говорили ранее, целесообразно четкое указание в правовых актах, регулирующих институт арбитража, видов споров, не подлежащих арбитражному разбирательству.

Закон Исландии обходит вниманием процедуру разрешения арбитражем вопросов о собственной компетенции на разбирательства споров. Данный вопрос может быть конкретизирован в арбитражном соглашении или регламентах арбитражных учреждений.

Арбитражное решение может быть признано недействительным компетентным государственным судом по определенным основаниям. В частности, недействительность арбитражного соглашения, превышение полномочий арбитрами (в том числе в сфере своей компетенции), существенные нарушения процессуального законодательства, противоречие арбитражного решения публичному порядку страны (статья 12 Закона Исландии). Представляется, что существенным нарушением процессуального законодательства можно считать арбитражное разбирательство спора, если предмет спора не может быть разрешен арбитражем в соответствии с действующим законодательством.

Отметим, что компетентный государственный суд представляет собой суд первой

¹⁴ Lög um samningsbundna gerðardóma. 1989. № 53. 24 Maí. URL: <https://www.althingi.is/> (nágast: 01.10.2022).

инстанции, как правило, под территориальную юрисдикцию которого попадает место проведения арбитражного разбирательства или место расположения арбитражного учреждения.

Возможно принудительное исполнение арбитражных решений с помощью государственной судебной системы. Приведение в исполнение арбитражных решений регулируется теми же правилами, которые применяются к решениям, вынесенным исландскими государственными судами (статья 13 Закона Исландии). Иностранные арбитражные решения признаются и исполняются в Исландии так же, как и собственные. Имеется условие, что иностранные арбитражные решения не должны противоречить положениям исследуемого Закона (статья 14 Закона Исландии). Данное положение можно расширительно толковать как соблюдение принципа публичного порядка государства, которому должны соответствовать признаваемые и исполняемые иностранные решения как государственных судов, так и арбитражей.

Заключение

Автор исследовал вопросы подведомственности или арбитрабельности видов споров. Арбитражное разбирательство споров возможно, как правило, в рамках гражданско-правовых отношений. Право некоторых государств также позволяет арбитражное разбирательство определенных видов семейных и трудовых споров, что было указано в предыдущих разделах.

Необходимо еще раз упомянуть, что правоотношения в области административного и уголовного права не могут быть разрешены посредством процедуры арбитража ни при каких обстоятельствах. Назначение административного и уголовного наказания является императивной процедурой, осуществляемой от имени государства уполномоченными органами государственной власти. Арбитраж представляет собой «альтернативу государственной юстиции и осуществляется негосударственными независимыми организациями» [8, р. 3].

Институт арбитража не уполномочен налагать императивных наказаний в отличие от институтов государственной власти.

Правоотношения, связанные с публичным правом и деятельностью органов госу-

дарственной власти в рамках собственных полномочий, также не являются предметом арбитражного разбирательства. Исключением являются правоотношения в рамках гражданско-правовых договоров между государственными или муниципальными органами и субъектами хозяйственной деятельности.

В рассмотренном законодательстве различных государств, причем в той или иной степени это касается всего исследованного выше законодательства, нет четкого определения видов споров, подведомственных арбитражному разбирательству, а определения, которые имеются, часто неконкретны и способствуют противоречивому толкованию законов. Еще, как правило, в законодательстве четко не указываются виды споров, не подлежащие арбитражному разбирательству.

Далее кратко укажем особенности регулирования правом государств, рассмотренном нами ранее, вопросов подведомственности видов споров арбитражному разбирательству.

Законодательство Финляндии устанавливает, что споры в сфере гражданско-правовых отношений могут быть предметом арбитражного разбирательства.

Право Финляндии Швеции и Исландии содержит такой признак арбитрабельности споров, как возможность по данному спору заключения сторонами мирового соглашения. Отметим недостатки данной формулировки. В Российской Федерации возможно заключение мирового соглашения даже по уголовным делам небольшой тяжести, разрешаемым мировыми судами. Подобная практика также свойственна другим государствам. Но уголовные дела не могут быть предметом арбитражного разбирательства. Следовательно, рассматриваемый признак арбитрабельности споров является несовершенным.

Право Дании предусматривает такой признак арбитрабельности споров, как неограниченное диспозитивное право сторон, то есть право выбора любого законного способа защиты прав и интересов. Формулировка очень неконкретная и может иметь много толкований.

Законодательство США и Канады четко не оговаривают подведомственность видов споров арбитражному разбирательству,

лишь упоминая отдельные виды споров, к арбитрабельности которых имеются различные условия.

Право Норвегии не оговаривает вопросы подведомственности вообще.

Отметим, что США и Канада принадлежат к правовой системе общего права, характеризующейся использованием прецедентов и, как правило, ограниченным объемом вопросов, регулируемых непосредственно законодательством. То есть, что не регулирует закон, то регулируют прецеденты. Норвегия же страна классического континентального права, и вышеуказанный про-

бел в правовом регулировании следует считать упущением законодателей.

Автор полагает необходимым предусмотреть указание всех видов споров, не подлежащих арбитражному разбирательству и не подведомственных третейским судам в одном правовом акте, регулирующем институт коммерческого арбитража, при необходимости делая на него ссылки в иных правовых актах. С точки зрения научных положений юридической техники, реализация данного предложения существенно увеличит удобство работы с правовыми актами и в итоге качество законодательства.

Список источников

1. Гавриленко В.А. Третейское разбирательство споров. Великий Новгород, 2007. 166 с.
2. Зыков Р.О. Коммерческий арбитраж в Финляндии. Хельсинки: Hannes Snellman, 2008. 66 с. URL: <http://arbitrations.ru/userfiles/file/Publications/Publications/Arbitration%20in%20Finland%20Zykov%20Roman.pdf>
3. Зыков Р.О. Международный арбитраж в Швеции: Право и практика. М.: Статут, 2014. 283 с.
4. Андерссон Ф., Исаксон Т., Юханссон М., Нильссон У. Арбитраж в Швеции / под ред. Дж. Херре. М.: Статут, 2014. 304 с. URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/Арбитраж-в-Швеции.pdf>
5. Sundin P., Wernberg E. The scope of arbitrability under Swedish law // Global Arbitration Review. 2007. P. 63-65.
6. Woxholth G. Voldgift. Oslo: Gyldendal Juridisk, 2013. 1239 s.
7. Voldgiftsloven med kommentarer / red. B.H. Berg. Oslo: Gyldendal Akademisk, 2006. 534 s.
8. Anisimov A., Gavrilenco V. Modern problems of arbitration in land disputes // Conflict Studies Quarterly. 2019. Issue 28. P. 3-15. <https://doi.org/10.24193/csqr.28.1>

References

1. Gavrilenco V.A. (2007). *Treteiskoe razbiratel'stvo sporov* [Arbitration of Disputes]. Veliky Novgorod, 166 p. (In Russ.)
2. Zykov R.O. (2008). *Kommercheskii arbitrazh v Finlyandii* [Commercial Arbitration in Finland]. Helsinki, Hannes Snellman Publ., 66 p. (In Russ.) Available at: <http://arbitrations.ru/userfiles/file/Publications/Publications/Arbitration%20in%20Finland%20Zykov%20Roman.pdf>
3. Zykov R.O. (2014). *Mezhdunarodnyi arbitrazh v Shvetsii: Pravo i praktika* [International Arbitration in Sweden: Law and Practice]. Moscow, Statut Publ., 283 p. (In Russ.)
4. Andersson F., Isaksson T., Yukhansson M., Nil'sson U. (2014). *Arbitrazh v Shvetsii* [Arbitration in Sweden]. Moscow, Statut Publ., 304 p. (In Russ.) Available at: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/Арбитраж-в-Швеции.pdf>
5. Sundin P., Wernberg E. (2007). The scope of arbitrability under Swedish law. *Global Arbitration Review*, pp. 63-65.
6. Woxholth G. (2013). *Voldgift*. Oslo, Gyldendal Juridisk Publ., 1239 s. (In Norw.)
7. Berg B.H. (ed.). (2006). *Voldgiftsloven med kommentarer*. Oslo, Gyldendal Akademisk Publ., 534 s. (In Norw.)
8. Anisimov A., Gavrilenco V. (2019). Modern problems of arbitration in land disputes. *Conflict Studies Quarterly*, issue 28, pp. 3-15. <https://doi.org/10.24193/csqr.28.1>

Поступила в редакцию / Received 14.11.2022

Поступила после рецензирования / Revised 23.02.2023

Принята к публикации / Accepted 14.04.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-319-330>

Шифр научной специальности 5.1.4

Эффективность применения к несовершеннолетним мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста

© МЕДВЕДЕВА Светлана Валентиновна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 106, <https://orcid.org/0000-0002-7972-5893>, Sv-medvedeva@mail.ru

© МЕНТЮКОВА Мария Алексеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0001-8639-2559>, mariya_men2003@mail.ru

© ПОПОВ Алексей Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции, декан факультета подготовки следователей, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», Российская Федерация, 125080, г. Москва, ул. Врубеля, 12, <https://orcid.org/0000-0003-1747-4088>, pamtambov@yandex.ru

Аннотация

Проблема совершения несовершеннолетними большого количества преступлений в последние годы становится все более и более серьезной, чему способствует снижение социальной ответственности подростков, распространение легких наркотических средств, отсутствие моральных и нравственных ориентиров. С развитием же цифровых технологий у подростков возрастает степень зависимости от гаджетов, соцсетей, мнения популярных в их среде личностей, подростковых субкультур. Все это способствует увеличению числа разного рода преступлений, совершаемых несовершеннолетними. В связи с этим зачастую возникает вопрос о необходимости применения к несовершеннолетним тех или иных мер пресечения, в частности, заключения под стражу и домашнего ареста. Заключение под стражу, избираемое в качестве меры пресечения, преследует три главных цели: обеспечение контроля за местонахождением лица, в адрес которого выдвинуты обвинения в совершении преступления; предотвращение новых преступных деяний, совершение которых возможно при сохранении им свободы перемещения; исключение вероятности совершения действий, направленных на препятствование следствию и уход от ответственности. Рассматриваемая авторами мера пресечения представляет собой одну из форм уголовно-процессуального принуждения, что обуславливается применением подобных мер в тех случаях, когда существует вероятность осуществления подозреваемым или обвиняемым попытки препятствования свершению правосудия. Эмпирическую основу исследования составили материалы следственной и судебной практики. Цель исследования: проанализировать степень эффективности применения к несовершеннолетним таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний арест.

Ключевые слова

домашний арест, заключение под стражу, меры пресечения, несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый

Для цитирования

Медведева С.В., Ментюкова М.А., Попов А.М. Эффективность применения к несовершеннолетним мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 319-330. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-319-330>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-319-330>

The effectiveness of the application of measures of restraint to minors in the form of detention and house arrest

© Svetlana V. MEDVEDEVA,

PhD (Law), Associate Professor “Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence” Department, Tambov State Technical University, 106 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7972-5893>, Sv-medvedeva@mail.ru

© Maria A. MENTUKOVA,

PhD (Law), Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department, Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-8639-2559>, mariya_men2003@mail.ru

© Alexey M. POPOV,

PhD (Law), Associate Professor, Colonel of Justice, Dean of Investigators Training Faculty, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 12 Vrubel St., Moscow, 125080, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-1747-4088>, pamtambov@yandex.ru

Abstract

The problem of minors committing a large number of crimes in recent years has become more and more serious, which is facilitated by the decrease in the social responsibility of adolescents, the spread of soft drugs, and the lack of moral and moral guidelines. With the development of digital technologies, adolescents are increasingly dependent on gadgets, social networks, the opinions of popular personalities among them, and teenage subcultures. All this contributes to an increase in the number of various kinds of crimes committed by minors. In this regard, the question often arises of the need to apply certain preventive measures to minors, in particular, detention and house arrest. Detention, chosen as a measure of restraint, pursues three main goals: ensuring control over the whereabouts of the person against whom charges of a crime have been brought; prevention of new criminal acts, the commission of which is possible while maintaining their freedom of movement; exclusion of the probability of committing actions aimed at obstructing the investigation and avoiding responsibility. The measure of restraint considered by the authors is one of the forms of criminal procedural coercion, which is due to the use of such measures in cases where there is a possibility that the suspect or the accused will attempt to obstruct the administration of justice. The empirical basis of the study was the materials of investigative and judicial practice. The purpose of the study: to analyze the degree of effectiveness of the application of such preventive measures to minors as detention and house arrest.

Keywords

house arrest, detention, measures of restraint, minor, suspect, accused

For citation

Medvedeva, S.V., Mentukova, M.A., & Popov, A.M. (2023). The effectiveness of the application of measures of restraint to minors in the form of detention and house arrest. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 319-330 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-319-330>

Введение. Постановка проблемы

Рассмотрена эффективность применения отдельных видов мер пресечения в отношении несовершеннолетних, обвиняемых в совершении преступлений. Мера пресечения выступает в уголовном процессе средством временного ограничения законодательно закрепленных прав и свобод лица, в отношении которого она применяется. Применение меры пресечения в отношении несовершеннолетнего – крайне важный вопрос для законодателя, правоприменителя и общества в целом, так как несет за собой ограничение прав и законных интересов лица, к которому данная мера пресечения применяется. Учитывая особенности рассматриваемого нами субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, а именно несовершеннолетнего лица, применение к нему мер процессуального принуждения должно соответствовать требованиям эффективности и обоснованности. Так как излишне строгая мера пресечения может повлиять на личность подростка, который проходит через сложный процесс взросления, и повлечь неблагоприятные последствия как для него самого, так и для окружающих его людей.

Г.Е. Омельченко и В.А. Рогожин отмечали, что «правильно примененная мера пресечения в отношении несовершеннолетнего воздействует на волю, сознание и эмоции подростка, помогает ему критически оценивать свои действия, в связи с которыми избрана эта мера, вызывает у него неприятные переживания и тем самым стимулирует потребность в изменении своего ненадлежащего характера» [1, с. 120].

На сегодняшний день в научном сообществе не раз обсуждались проблемы обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), особенности их правового статуса и гарантии его обеспечения, а также проблемы, связанные с применением мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), имеющие место на практике. Данные вопросы в своих научных работах рассматривались такими авторами, как У.Н. Ахмедов, Д.П. Бурков, В.В. Вандышев, О.В. Гладышева, С.В. Гурдин, Н.А. Курмаева, К.Б. Калиновский, Е.В. Марковичева, Г.Е. Омельченко, И.Н. Озеров,

А.В. Смирнов, С.В. Тетюев, О.В. Химичева и др.

Цель исследования – определить дальнейшее развитие мер пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства.

Используемые методы исследования – анализ, синтез, диалектический, логико-юридический, формально-юридический, статистический методы.

Результаты исследования

Сегодня УПК РФ содержит перечень мер принуждения, объединенных в разделе IV и разбитых на три подгруппы, каждой из которых соответствует одна глава уголовно-процессуального закона. Что же понимается под мерами принуждения в уголовном процессе?

А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский характеризуют институт мер принуждения через его признаки, к которым ученые относят: а) осуществление мер принуждения помимо воли и желания участников процесса; б) субъект принуждения – только уполномоченное должностное лицо или государственный орган, наделенный соответствующими полномочиями по применению указанных мер; в) регулирование только уголовно-процессуальным законом; г) автономность мер и их отличие от уголовно-процессуальных санкций и уголовно-процессуальной ответственности [2, с. 181].

В.В. Вандышев приводит довольно краткое определение мер уголовно-процессуального принуждения, под которыми, по мнению ученого, понимаются способы и средства принудительного воздействия на личность и поведение участников уголовного судопроизводства [3, с. 165].

Рассмотрим самую строгую меру пресечения – заключение под стражу. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ¹ применение данной меры пресечения регламентировано

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: [принят Государственной Думой 22.11.2001; одобрен Советом Федерации 5.12.2001] (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

статьями 91, 97, 99, 100 и 108. Отдельной статьи, которая бы полностью посвящалась особенностям назначения и применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, в Кодексе нет.

В главе 50, раскрывающей производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, есть статья 423, которая закрепляет несколько особенностей, относящихся к избранию меры пресечения. Эти особенности не регламентируют заключение под стражу детально и оставляют несколько пробелов, вызывающих проблемы и ошибки на практике. В остальном регулирование данного процесса идет в соответствии с общими нормами УПК РФ.

Несмотря на то, что рассматриваемая мера пресечения является самой строгой в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, она применяется чаще всего, а 88 % представляемых в суд ходатайств удовлетворяются. Так, в 2022 г. суды общей юрисдикции из представленных 98558 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу удовлетворили 87687 ходатайства, из них 714 в отношении несовершеннолетних; об избрании домашнего ареста – 8653 поступило, удовлетворено – 7407, из них в отношении несовершеннолетних – 204². По данным Следственного Комитета Российской Федерации, в 2018 г. было всего задержано подозреваемых 1314, из них избрана мера пресечения в виде заключения под стражу 873, домашний арест – 302. В 2019 г. было задержано 19409, из них избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних 882, избран домашний арест – 2615, в отношении несовершеннолетних 354. В 2020 г. эти показатели составили 18938, в отношении несовершеннолетних – 809; и домашний арест – 2911 и 379 в отношении несовершеннолетних. В 2021 г. – 19827, 755 в отношении не-

совершеннолетних, и домашний арест – 3013 и 398 несовершеннолетних³.

Понятия «заключение под стражу» уголовно-процессуальный закон не содержит. Но данная мера пресечения связана с изоляцией подозреваемого (обвиняемого) от общества, полным физическим ограничением свободы и помещением его в специальное учреждение, занимающееся реализацией данной меры пресечения.

Законодатель закрепил в части 2 статьи 108 УПК РФ круг несовершеннолетних лиц, которым может быть назначена мера пресечения в виде заключения под стражу. Согласно данной норме «заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если несовершеннолетний подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести»⁴.

В соответствии с частью 3 статьи 423 УПК РФ процессуальной особенностью данной меры пресечения является обязательное уведомление законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) о факте заключения под стражу. Данная норма направлена на повышенное внимание к реализации обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних, так как ограничивается одно из конституционных прав подростка. Законный представитель должен быть уведомлен об этом своевременно, чтобы убедиться в обоснованности и законности применения к подозреваемому (обвиняемому) такой строгой меры пресечения.

Одним из самых дискуссионных вопросов в научном сообществе является трактовка словосочетания «исключительные случаи» при применении данной меры пресече-

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год // Судебный департамент при Верховном суде РФ: [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения 20.02.2023).

³ Аналитический обзор Следственного комитета России за 2018–2021 г.г. (официально опубликован не был).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: [принят Государственной Думой 22.11.2001; одобрен Советом Федерации 5.12.2001] (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

ния в отношении несовершеннолетних лиц, совершивших преступление средней тяжести. Законодатель так и не уточнил, что именно следует рассматривать под исключительным случаем, не закрепил перечень возможных ситуаций, которые могли бы расцениваться в качестве таковых. Безусловно, закрепить в законе исчерпывающий перечень таких обстоятельств невозможно ввиду регулярного возникновения новых общественных отношений и ситуаций, чье многообразие не знает границ. Однако отсутствие вообще каких-либо ориентиров и примеров исключительных случаев в законе, по нашему мнению, недопустимо. Такой пробел в законодательстве приводит к ситуации, в которой следователь или дознаватель должен сам определять, является ли расследуемая им ситуация исключительным случаем, и опираться только на собственные представления об исключительности. И обратиться в данном случае он может главным образом к своему личному опыту и мнению касательно необходимости в изоляции несовершеннолетнего лица от общества.

Мнения ученых о том, какие именно случаи следует относить к исключительным, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления средней тяжести, различны.

С.В. Тетюев и И.А. Макаренко считают, что «применительно к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) в целях благоприятствования процессуальному положению данных лиц в уголовном процессе, следует в качестве исключительных случаев учитывать обстоятельства, закрепленные в части 1 статьи 108 УПК РФ» [4, с. 198; 5, с. 85].

Законодатель в части 1 статьи 108 УПК РФ указывает исключительные обстоятельства, в связи с которыми может быть применена мера пресечения в виде заключения под стражу. Как нам кажется, данные обстоятельства нельзя рассматривать в отношении несовершеннолетних, так как в большинстве случаев они к данной категории лиц не применимы в силу специфики личности несовершеннолетнего.

Постановление Пленума ВС РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламенти-

рующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» в пункте 6 закрепляет положение о том, что «избрание меры пресечения в виде заключения под стражу не допускается в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, который подозревается или обвиняется в совершении преступлений небольшой или средней тяжести впервые, а также в отношении остальных несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой тяжести впервые»⁵. Данное положение противоречит части 2 статьи 108, которая закрепляет возможности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего лица в исключительных случаях. УПК РФ говорит только о преступлениях средней тяжести, а Постановление Пленума допускает применение заключения под стражу лицу, которое совершило преступление небольшой тяжести, например, во второй раз. Это противоречие нуждается в разрешении со стороны законодателя. Ввиду того, что разъяснение содержится только в Постановлении, а нормативно в главе 50 УПК РФ так и не было закреплено, на практике суд делает ошибки при назначении меры пресечения, и в итоге заключены под стражу бывают лица, которые совершили преступление небольшой тяжести впервые, или подростки, которым еще не исполнилось 16 лет. Кажется логичным внести эту норму в Уголовно-процессуальный кодекс в целях искоренения подобных ошибок, допускаемых в отношении несовершеннолетних лиц. Так как последствия такой ошибки могут быть самыми непредсказуемыми ввиду специфики личности, умственного и физического развития несовершеннолетнего, который, отправившись под стражу, может получить серьезную психологическую травму.

Пункт 6 указанного выше Постановления также устанавливает, что «применение к несовершеннолетнему меры пресечения в виде заключения под стражу возможно только в том случае, если он является подоз-

⁵ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 1.02.2011 № 1 // Российская газета. 2011. 11 февр.

реваемым (обвиняемым) в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления»⁶. Пленум особенно подчеркивает, что при избрании данной меры пресечения обязательно указывать все правовые и фактические основания, послужившие причиной данного решения и выбора суда. Лица, занимающиеся предварительным расследованием, должны крайне внимательно подходить к возбуждению ходатайства об избрании данной меры пресечения в отношении несовершеннолетнего.

Ряд ученых (например, И.С. Тройнина) считает данную меру пресечения слишком жесткой и суровой и придерживается позиции исключить возможность применения ее в отношении несовершеннолетних лиц [6, с. 293]. С другой стороны, если допустить ситуацию, при которой законодатель закрепил запрет использовать данную меру пресечения в отношении несовершеннолетних, то такое нововведение может привести к негативным последствиям. Во-первых, очевидно, что при совершении особо жестокого преступления несовершеннолетним выбор в пользу изоляции данного лица на период предварительного следствия кажется обоснованным. Так как допущение его нахождения в обществе может повлечь за собой повторное совершение этим лицом преступления или иные опасные последствия. К тому же, если несовершеннолетний не будет заключен под стражу, в определенных случаях возможно оказание им давления на потерпевших, свидетелей с целью того, чтобы они изменили свои показания в его пользу, что крайне нежелательно для уголовного процесса и закреплено в качестве основания для избрания меры пресечения в статье 97 УПК РФ. Заключение под стражу может быть единственным средством сохранения контроля над несовершеннолетним лицом, склонным к регулярным побегам из дома и бродяжничеству. Иными причинами, аргументирующими использование данной меры пресечения в отношении несовершеннолет-

него лица, являются установление факта наличия прочной связи подростка с преступной средой, его повышенная социальная опасность, циничность совершенных им преступных действий. О необходимости ограничения свободы несовершеннолетнего на период предварительного расследования может свидетельствовать безуспешность проведенных в его отношении воспитательных усилий, отсутствие реакции подростка на меры общественного и административного воздействия. Конечно, заключение под стражу не должно применяться к подросткам с такой частотой, как это делается в нынешней практике. Но, безусловно, в ряде ситуаций использование такой жесткой меры процессуального принуждения обоснованно и необходимо в целях проведения детального и полного расследования, а также обеспечения безопасности как самого несовершеннолетнего (склонного к побегам), так и окружающих его людей (при высоком риске совершения им нового преступления).

Некоторые ученые выступают за то, чтобы данную меру не исключали из списка тех, что могут быть избраны несовершеннолетнему, но высказывают мнение о возможных послаблениях исполнения данной меры пресечения. Например, снизить предельные сроки содержания под стражей в отношении лиц, не достигших совершеннолетия. Данное предложение не кажется уместным, так как мера пресечения всегда может прекратить свое действие в отношении несовершеннолетнего, если появятся основания для того, чтобы снять с него статус подозреваемого (обвиняемого).

Интересно предложение об исключении возможности применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых и установление данной меры пресечения только для лиц, признанных обвиняемыми [7, с. 221]. Так как несовершеннолетний – это специфический субъект уголовного процесса, к которому необходим особый подход, и крайне важно защищать их права и законные интересы, то применение самой строгой меры пресечения в отношении тех лиц, которые уже признаны в рамках уголовного процесса обвиняемыми по уголовному делу, может быть уместным в рамках отечественного законодательства.

⁶ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 1.02.2011 № 1 // Российская газета. 2011. 11 февр.

Несовершеннолетний, который признан только подозреваемым по уголовному делу, и нет весомых доказательств для признания его обвиняемым, очевидно, не должен претерпевать лишения права на свободу в рамках уголовного процесса до момента, когда предварительное следствие точно установит факт совершения преступления данным лицом.

В научном сообществе нередко высказывается мнение о необходимости введения дополнительных мер пресечения, применяемых исключительно к несовершеннолетним лицам помимо отдачи под присмотр. Например, предлагается расширить перечень мерой пресечения в виде временного помещения лица, не достигшего восемнадцатилетия, в специальное учреждение – Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел. В пользу введения данной меры пресечения приводится ряд аргументов. Во-первых, в центрах временного содержания находятся исключительно несовершеннолетние лица, что делает невозможным совместное пребывание подростка с взрослым преступником, который может оказать на него неблагоприятное воздействие. При применении меры пресечения в виде заключения под стражу законодатель допускает совместное содержание несовершеннолетнего и взрослого с положительной характеристикой, однако это отнюдь не говорит о невозможности совершеннолетнего человека негативно влиять на лицо, не достигшее совершеннолетия. Подобное допущение со стороны закона видится весьма спорным, поэтому введение альтернативной меры пресечения могло бы решить данную проблему. Во-вторых, в центрах временного содержания оказывалось бы гораздо больше внимания индивидуальному воспитательно-му воздействию на несовершеннолетних. Обстановка была бы гораздо комфортнее, чем в изоляторах временного содержания, что соответствовало бы приоритету соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних лиц. Возможным стало бы осуществление индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) и сочетание этой работы с получением образования в центре. В-третьих, центры временного со-

держания уже функционируют, поэтому закрепление в законе данной меры процессуального принуждения было бы экономически эффективным и легко реализуемым, так как не привело бы к новым затратам для государства. Специфика личности несовершеннолетнего лица, особенности его психического и физического развития делают данную меру пресечения актуальной и способной на эффективное применение в нашем государстве, так как содержание в центре предполагает легкий режим в отличие от изоляторов временного содержания.

Причиной частого назначения именно данной меры пресечения подозреваемым (обвиняемым) несовершеннолетним является зачастую формальное отношение суда к данной процедуре. Суды, получая информацию от лиц, ведущих предварительное расследование, о тяжести преступления и обстоятельствах, сопутствующих его совершению, назначают меру пресечения в виде заключения под стражу, совсем не интересуясь личностью подозреваемого (обвиняемого), хотя это необходимо делать, если лицо не достигло совершеннолетия. На практике в своих постановлениях о назначении меры пресечения в виде заключения под стражу суды нередко вообще не указывают основания избрания именно этой меры пресечения, а не какой-либо другой. Вопрос отдачи под присмотр, который обязательно должен ставиться при процедуре назначения меры пресечения, часто так и остается вне обсуждения ввиду отсутствия подробной регламентации в законе, как именно должна реализовываться отдача под присмотр. Все это ведет к выбору сотрудниками предварительного следствия и судом заключения под стражу как самой оптимальной и действенной меры пресечения, что не раз подтверждалось статистическими данными. Зачастую подобный выбор продиктован интересами следствия, а также требованиями прокурора или суда. К тому же, для того чтобы принять обоснованное решение в отношении несовершеннолетнего, необходимо собрать всю характеризующую его и его близких информацию, что занимает время, которое в рамках назначения меры пресечения ограничено. Из-за недостатка времени следствию и суду легче избрать в отношении несовершеннолетнего

привычную и широко используемую меру пресечения в виде заключения под стражу, чем решать вопрос возможности отдачи подростка под присмотр и определять процессуальные особенности реализации этой меры пресечения. Законодателю необходимо стремиться к исправлению данной ситуации, чтобы следователи и суд при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу руководствовались не сложившимися в практике стереотипами о действенности и широком использовании этой меры пресечения, а иными, гораздо более весомыми процессуальными основаниями.

Суду надлежит проводить тщательную проверку оснований, предъявленных следователем, для применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего лица. Данная проверка не должна быть формальной, так как решается вопрос о мере пресечения, которая приводит к ограничению свободы, что является одним из ключевых конституционных прав человека. К тому же эта мера пресечения применяется в отношении лица, которое еще не достигло возраста совершеннолетия, что значительно усложняет уголовный процесс. Поэтому проверка всех обстоятельств со стороны суда должна быть содержательной и осмысленной, иначе постановление об избрании меры пресечения может быть отменено. Так, «Нижегородский областной суд отменил постановление Дзержинского городского суда от 19 октября 2014 г., в котором несовершеннолетнему К., совершившему преступление средней тяжести, предусмотренное пунктом «в» части 2 статьи 158 УК РФ, была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу продолжительностью 1 месяц. Так как суд не обосновал данный выбор меры пресечения наличием исключительных обстоятельств, не указал их в своем постановлении, то оно было отменено»⁷. Ни в коем случае при принятии решения об избрании меры пресечения не должен

ставиться вопрос о виновности лица. Суд должен самостоятельно углубиться в суть дела, а не «брать на веру» все то, что предоставил следователь в качестве весомых аргументов необходимости избрания этой меры пресечения. Следует закрепить в законе, что при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд должен рассматривать комплекс вопросов, относящихся к личности подростка: характеристику личности подростка, умственное развитие, наличие психических особенностей, условия его жизни и воспитания, какую роль выполнял подросток в совершенном преступлении, причины и условия совершенного преступления, как подросток вел себя до преступного деяния и после него, сотрудничает ли со следствием и как вообще ведет себя в процессе расследования. Эти вопросы помогут суду также решить вопрос о возможности отдачи подростка под присмотр родителей или иных законных представителей.

Предварительному следствию и суду надлежало бы подробно аргументировать необходимость продления срока содержания под стражей, так как даже один дополнительный день для несовершеннолетнего лица оказывает не самое благоприятное воздействие.

Еще одной проблемой, выделяемой учеными-юристами, является реализация меры пресечения в виде заключения под стражу, а именно допущение совместного содержания несовершеннолетнего и взрослого подозреваемого (обвиняемого) с положительной характеристикой [8, с. 154].

Данная норма регламентирована Федеральным законом от 15 июля 1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»⁸. Положения закона являются спорными, так как совместное содержание взрослых с несовершеннолетними в любом случае крайне нежелательно. Возможно оказание неблагоприятного воздействия на подростка, приучение его к ложным ценностям, жизненным

⁷ Обзор судебной практики применения судами Нижегородской области законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога за четвертый квартал 2014 года (утвержден президиумом Нижегородского областного суда 22.04.2015) // Бюллетень Нижегородского областного суда. 2015. № 3-4, март-апрель.

⁸ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2759.

ориентирам, а также передача опыта совершения преступных деяний. Как нам кажется, следует законодательно закрепить запрет на совместное содержание данных категорий лиц.

Перейдем к рассмотрению следующей меры пресечения – домашний арест. Вопросы применения и реализации домашнего ареста закреплены в статье 107 УПК РФ. Российский процессуалист Ф. Багаутдинов писал, что необходимость избрания домашнего ареста за совершение определенных видов преступлений и для определенной категории лиц очевидна. В то же время исследователь высказывал опасения о том, что отсутствие опыта применения данной меры в течение длительного периода станет препятствием для ее широкого использования следственными органами [9, с. 14].

Эта мера пресечения выступает в уголовном процессе как альтернатива заключению под стражу. Домашний арест воспринимается не таким жестким, так как подозреваемый (обвиняемый) вынужден находиться в доме, в знакомой обстановке с близкими ему людьми, а не в изоляторе временного содержания, где он никого не знает. К тому же лицу может быть разрешено судом выходить из жилого помещения на учебу, если суд сочтет это необходимым и допустимым. Домашний арест не ограничивает права и свободы лица, как это делает заключение под стражу.

Тем не менее, в соответствии с частью 7 статьи 107 УПК РФ «суд, учитывая данные о личности подозреваемого (обвиняемого), фактические обстоятельства уголовного дела и представленные сторонами сведения, может установить ряд запретов, например, на общение с рядом лиц, на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, на использование средств связи и Интернета»⁹.

Для целей исполнения домашнего ареста могут быть использованы такие средства, как электронный браслет, мобильное

контрольное устройство, персональный трекер, стационарное устройство аудиовизуального контроля и некоторые другие.

Исследователи отмечают, что сегодня применение технических средств контроля является действенным средством соблюдения лицами, ограниченными в свободе, необходимых ограничений и предупреждения преступлений и правонарушений. Например, Е.Л. Плющева указывает, что в Воронежской области прошел довольно успешно эксперимент, в ходе которого была введена электронная отметка лиц через видеотерминалы. Поэтому внедрение современных технических средств контроля в отношении лиц, которым избирается домашний арест, позволяет говорить об их эффективности [10, с. 46].

Но в зависимости от обстоятельств уголовного дела такие запреты могут и не назначаться в отношении несовершеннолетнего лица, если будет признано отсутствие необходимости в них.

Домашний арест применяется к несовершеннолетним лицам, которые подозреваются (обвиняются) в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Е.Ю. Манохина считает данную меру пресечения нецелесообразной для применения в отношении подростков, так как, по ее мнению, она не реализует в полной мере суть наказания. По ее мнению, такие послабления, как возможность ежедневного посещения учебного заведения, а также право на общение с педагогами на учебе и родителями дома недопустимы [11, с. 154].

Положительным моментом в домашнем аресте для несовершеннолетнего лица является то, что он не оказывает такое серьезное воздействие на личность и психику подростка, как это делает заключение под стражу. Несовершеннолетнее лицо находится в условиях «мягкой» изоляции, так как не меняет свое местонахождение на изолятор временного содержания, сохраняет возможность проживать в собственном доме, в знакомой обстановке. Ребенок не попадает в новую для него среду, несущую риск формирования у него неправильных ценностей и правил поведения, так как в изоляторах временного содержания содержатся такие же подозреваемые и обвиняемые, как и он, кото-

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: [принят Государственной Думой 22.11.2001; одобрен Советом Федерации 5.12.2001] (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

рым могут быть присущи не самые положительные черты характера и искаженные жизненные ориентиры. Так как у несовершеннолетнего еще небольшой жизненный опыт и он гораздо сильнее подвержен влиянию других людей, то крайне важно защитить его от негативного влияния преступной среды. Применение домашнего ареста, а не заключения под стражу может помочь избежать существенной деформации личности лица, не достигшего совершеннолетия.

К сожалению, статистика показывает, что домашний арест применяется гораздо реже, чем заключение под стражу. Хотя более активное использование со стороны сотрудников предварительного следствия или суда данной меры пресечения могло бы привести к ряду положительных последствий. Домашний арест сохраняет нормальное, психофизиологическое состояние подозреваемого (обвиняемого). Знакомая лицу обстановка обеспечивает наибольший воспитательный эффект для подростка. Помогает восстановить и сберечь связи несовершеннолетнего с семьей, а также способствует исправлению лица. Положительным моментом применения меры пресечения в виде домашнего ареста является возможность разгрузить следственные изоляторы, а также точно избежать совместного содержания несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) с совершеннолетними.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что для назначения мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста должны иметься весомые правовые и фактические основания, так как при применении данных мер процессуального принуждения ограничивается одно из ключевых конституционных прав человека – право на свободу. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы применение меры пресечения в виде заключения под стражу предвосхищало решение вопроса о виновности несовершеннолетнего лица в совершенном преступлении. Безусловно, применяемая к лицу мера пресечения должна отвечать целям наилучшего осуществления задач правосудия, но в силу специфики субъекта, к которому данная мера применяется, необходимо учитывать возможность наступления неблагоприятных по-

следствий для несовершеннолетнего в случае назначения ему такой жесткой меры пресечения. Важно соблюдение баланса правосудия и соблюдения интересов несовершеннолетнего. Предварительное следствие и суд должны стремиться к избранию наиболее гуманной меры пресечения. Применение таких строгих мер пресечения в отношении несовершеннолетних нежелательно само по себе, что подчеркивают международные правовые акты, акцентируя внимание на необходимости заключения под стражу в исключительных случаях и на максимально короткий период времени. Заключение под стражу следует воспринимать как единственно возможную меру, когда применение других мер по тем или иным причинам невозможно для обеспечения прав несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) и целей предварительного расследования.

Очевидна необходимость в усовершенствовании законодательной регламентации процедуры избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних. Статья 423 УПК РФ не раскрывает все особенности данной меры процессуального принуждения в отношении несовершеннолетних. В статье необходимо закрепить конкретные тяжкие и особо тяжкие составы преступлений, за которые может быть назначено заключение под стражу, определить перечень исключительных случаев избрания данной меры пресечения в ситуации совершения лицом преступления средней тяжести. Хотя сама возможность избрания самой жесткой меры пресечения в отношении несовершеннолетнего за совершение им преступления средней тяжести видится весьма спорной, что тоже требует дополнительного осмысления и обсуждения как со стороны научного сообщества, так и со стороны законодателя и правоприменителя.

Законодателю необходимо устранить обнаруженное нами противоречие, по которому в соответствии с Постановлением Пленума от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания совершеннолетних» допускается избрание меры пресечения в виде заключения под стражу подростку, который совершил преступление не-

большой тяжести не в первый раз, а УПК РФ такого права следствию и суду не предоставляет. Очевидно упущение законодателя в вопросе совместного содержания взрослых и несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), что, по нашему мнению, является недопустимым и может значительно нарушить права и законные интересы лица, не достигшего совершеннолетия.

Необходимо подробно регламентировать нормы, касающиеся избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста, чтобы правоприменитель ощущал себя уверенно при использовании этих мер и не совершал ошибок.

Во избежание множественных толкований следует определить на законодательном уровне перечень требований, предъявляемых в отношении формируемых следственными органами постановлений, содержащих ходатайство о назначении рассматриваемой меры. Подобное постановление, на наш взгляд, должно представлять не только аргументы, продиктованные соображениями представителей правоохранительных органов, но и факты – материалы доказательной базы, позволяющие обосновать необходимость применения исключительной меры,

выражающейся в форме заключения под стражу. К числу подобных доказательств могут быть отнесены показания, полученные от свидетелей или потерпевших, улики, обнаруженные на месте совершения преступления, личностные характеристики, позволяющие сформировать психологический портрет обвиняемого. Очевидно, что в отдельных ситуациях проведение подобной оперативной работы будет сопряжено с высокой нагрузкой на представителей стороны обвинения, однако данная мера позволит сократить количество необоснованных задержаний и снизить загруженность специальных учреждений, в которых пребывают заключенные под стражу.

На практике очевидно преимущество заключения под стражу над другими мерами процессуального принуждения, хотя данная мера является самой строгой в Уголовно-процессуальном кодексе. Важно стремиться к индивидуализации применения рассмотренных норм в отношении несовершеннолетнего лица и гуманизации всего процесса избрания меры пресечения в целом, что позволит чаще применять домашний арест вместо заключения под стражу.

Список источников

1. Омельченко Г.Е., Рогожин В.А. Некоторые вопросы применения мер пресечения к несовершеннолетним обвиняемым // Проблемы социалистической законности: Республиканский межведомственный науч. сб. Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1986. Вып. 17. С. 120-124. URL: <http://lawlibrary.ru/article1085619.html>
2. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс / под общ. ред. А.В. Смирнова. М.: Норма, Инфра-М, 2023. 784 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008680386>
3. Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части. М.: Контракт, Волтерс Клувер, 2017. 755 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004400700>
4. Тетюев С.В. Актуальные вопросы избрания меры пресечения «Заключение под стражу» в отношении несовершеннолетнего // Вестник ОмГУ. Серия Право. 2008. № 1. С. 197-201. <https://elibrary.ru/mnidax>
5. Макаренко И. К вопросу о применении меры пресечения в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. 2007. № 2. С. 85-88. URL: <http://lawlibrary.ru/article1230917.html>
6. Тройнина И.С. Уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 4 (35). С. 292-298. <https://elibrary.ru/yumlsx>
7. Емельянова А.А. К вопросу о заключении под стражу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 218-224. <https://doi.org/10.24411/2587-9820-2020-10045>, <https://elibrary.ru/attrwj>
8. Спесивов Н.В. Актуальные вопросы реализации в уголовно-процессуальном законодательстве и правоприменительной практике России требований международного стандарта о праве на свободу и

- личную неприкосновенность в отношении несовершеннолетних // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 1. С. 152-157. <https://elibrary.ru/zqidut>
9. Багаутдинов Ф. Новая мера пресечения в УПК РФ – домашний арест // Законность. 2002. № 9. С. 14-16.
 10. Плющева Е.Л. Теоретико-правовые аспекты контроля за осужденными без изоляции от общества // Российский следователь. 2015. № 13. С. 46-48. <https://elibrary.ru/ubfuwl>
 11. Манохина Е.Ю. Особенности избрания меры пресечения «домашний арест» в отношении несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86). С. 153-157. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-2-153-157>, <https://elibrary.ru/hmpmpl>

References

1. Omel'chenko G.E., Rogozhin V.A. (1986). Nekotorye voprosy primeneniya mer presecheniya k nesovershennoletnim obvinyаемym [Some issues of applying preventive measures to juvenile accused]. *Respublikanskii mezhdovedomstvennyi nauchnyi sbornik: Problemy sotsialisticheskoi zakonnosti* [Republican Interdepartmental Scientific Collection: Problems of Socialist Legality]. Kharkiv, Graduate School Publ., issue 17, pp. 120-124. (In Russ.) Available at: <http://lawlibrary.ru/article1085619.html>
2. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B. (2023). *Ugolovnyi protsess* [Criminal Process]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 784 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008680386>
3. Vandyshchev V.V. (2017). *Ugolovnyi protsess. Obshchaya i Osobennaya chaste* [Criminal Process. General and Special Parts]. Moscow, Kontrakt, Wolters Kluwer, 755 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004400700>
4. Tetyuev S.V. (2008). Aktual'nye voprosy izbraniya меры presecheniya «Zaklyuchenie pod strazhu» v otnoshenii nesovershennoletnego [Topical issues of choosing a measure of restraint "Detention" in relation to a minor]. *Vestnik OmGU. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series Law*, no. 1, pp. 197-201. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mnidax>
5. Makarenko I. (2007). K voprosu o primeneniі меры presecheniya v otnoshenii nesovershennoletnikh [On the question of the application of a measure of restraint in relation to minors]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], no. 2, pp. 85-88. (In Russ.) Available at: <http://lawlibrary.ru/article1230917.html>
6. Troinina I.S. (2018). Criminal procedure guarantees of ensuring the rights and legitimate interests minor suspected (defendants) during the electing and application of a measure of restraint in the form of detention. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, no. 4 (35), pp. 292-298. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yumlsx>
7. Emel'yanova A.A. (2020). On the issue of the detention of a juvenile suspect, accused. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*, no. 2 (14), pp. 218-224. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2587-9820-2020-10045>, <https://elibrary.ru/attrwj>
8. Spesivov N.V. (2019). Current issues of implementation in criminal procedure legislation and law enforcement practice of Russia for the requirements of the international standard on the right to protection of liberty and security of person of the matter. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, no. 1, pp. 152-157. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zqidut>
9. Bagautdinov F. (2002). Novaya мера presecheniya v UPK RF – domashnii arest [A new measure of restraint in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation – house arrest]. *Zakonnost'* [Legitimacy], no. 9, pp. 14-16.
10. Plyushcheva E.L. (2015). Theoretical-law aspects of control over convicts without isolation from society. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, no. 13, pp. 46-48. <https://elibrary.ru/ubfuwl>
11. Manokhina E.Yu. (2020). Features of the election of such preventive measure as house arrest in relation to minors. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2 (86), pp. 153-157. (In Russ.) <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-2-153-157>, <https://elibrary.ru/hmpmpl>

Поступила в редакцию / Received 27.03.2023

Поступила после рецензирования / Revised 05.06.2023

Принята к публикации / Accepted 16.06.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-331-337>

Шифр научной специальности 5.1.4

Вправе ли несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства давать показания изобличающего характера?

© ОВСЯННИКОВ Игорь Владимирович,

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», Российская Федерация, 390000, Рязань, ул. Сенная, 1; профессор кафедры уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Российская Федерация, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, <https://orcid.org/0000-0003-4226-5958>, ivover@mail.ru

Аннотация

Исследован проблемный для теории и практики вопрос о возможности применять нормы института досудебного соглашения о сотрудничестве к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым. Актуальность вопроса обусловлена тем, что указанный правовой институт успешно применяется в практике борьбы с групповой преступностью, а для несовершеннолетних характерен именно групповой способ совершения преступлений. Проанализирована правовая позиция Пленума Верховного суда Российской Федерации по исследуемому вопросу, отмечены ее недостатки. Критическому анализу подвергнут отказ от заключения соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним с целью исключить угрозу личной безопасности подростка со стороны изобличаемых лиц. По мнению автора статьи, для достижения указанной цели была бы необходима иная мера – запрет несовершеннолетним обвиняемым изобличать других лиц в причастности к совершению преступлений. С учетом того, что закон обязывает давать правдивые показания изобличающего характера несовершеннолетних, имеющих процессуальный статус потерпевшего или свидетеля, сделан вывод, что не следует отказывать в праве дать аналогичные показания и несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому. Заключение предварительного соглашения о сотрудничестве в интересах самого обвиняемого и всего общества.

Ключевые слова

несовершеннолетний обвиняемый, групповая преступность, досудебное соглашение о сотрудничестве, изобличение соучастников, особый порядок, законный представитель, угроза личной безопасности, несовершеннолетние потерпевший и свидетель

Для цитирования

Овсянников И.В. Вправе ли несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства давать показания изобличающего характера? // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 331-337. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-331-337>

Are juvenile participants in criminal proceedings entitled to testify incriminatingly?

© Igor V. OVSYANNIKOV,

Dr. habil. (Law), Associate Professor, Chief Research Scholar of Research and Scientific Department of Scientific Center, Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, 1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russian Federation; Professor of Criminal Procedure Department, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4226-5958>, ivover@mail.ru

Abstract

The problematic issue for theory and practice of the possibility of applying norms of the pre-trial agreement institute on cooperation to juvenile suspects and defendants is studied. The relevance of issue is due to the fact that the specified legal institution is successfully used in the practice of combating group crime, and for juveniles it is the group way of committing crimes that is typical. The legal position of the Plenum of Supreme Court on the issue under study is analyzed, its shortcomings are noted. The refusal to conclude a cooperation agreement with a juvenile in order to exclude a threat to the personal safety of a teenager from the exposed persons is subjected to critical analysis. In our opinion, in order to achieve this goal, another measure would be necessary – a ban on juvenile defendants to expose other persons of involvement in the commission of crimes. Taking into account the fact that the law obliges juveniles who have the procedural status of a victim or witness to give truthful testimony of a revealing nature, it is concluded that the right to give similar testimony to a minor suspect, accused should not be denied. The conclusion of a preliminary cooperation agreement in the interests of the accused himself and the whole society.

Keywords

juvenile accused, group crime, pre-trial cooperation agreement, accomplices exposure, special procedure, legal representative, threat to personal safety, juvenile victim and witness

For citation

Ovsyannikov, I.V. (2023). Are juvenile participants in criminal proceedings entitled to testify incriminatingly? *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 331-337 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-331-337>

Введение и постановка проблемы

Важнейшим приоритетом государственной политики России являются дети (часть 4 статьи 67.1 Конституции РФ).

В современном обществе проблема преступности несовершеннолетних, к сожалению, сохраняет свою актуальность. По данным МВД России, в 2022 г. среди расследованных преступлений каждое тридцать четвертое (2,9 %) совершено несовершеннолетними или при их соучастии; среди выявленных лиц, совершивших преступления, 26,3 тыс. (3,2 %) – несовершеннолетние¹.

На Координационном совещании руководителей правоохранительных органов России, состоявшемся 23 сентября 2020 г., отме-

чалось снижение уровня подростковой преступности, который сократился за предыдущее десятилетие более чем в 2 раза; однако несовершеннолетние все чаще совершают деяния насильственного характера, растет число тяжких и особо тяжких преступлений с их участием².

Как известно, для несовершеннолетних характерен групповой способ совершения преступлений. По данным Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, удельный вес числа несовершеннолетних, совершивших групповые преступления, в 2010–

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации [сайт]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 12.02.2023).

² Координационное совещание по вопросам профилактики, выявления, пресечения и расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении их // Генеральная прокуратура Российской Федерации [сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/protecting_children/news?item=56752099 (дата обращения: 18.02.2023).

2014 гг. колебался от 40,9 до 42,5 % [1, с. 77]. По данным Председателя Верховного суда РФ В.М. Лебедева, в 2022 г. 58 % несовершеннолетних совершили преступления в составе группы лиц³.

В последние годы в практике борьбы с групповой преступностью успешно применяется и положительно зарекомендовал себя институт досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) [2, с. 74; 3, с. 101; 4; 5, с. 165-166]. Условия и обязательства, предусмотренные подписанным прокурором, обвиняемым (подозреваемым) и его защитником соглашением, предполагают, в частности, необходимость содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, дачи обвиняемым (подозреваемым) показаний, изобличающих соучастников и иных лиц, совершивших преступления. В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (далее – Постановление № 16) разъясняется, что содействие подсудимого следствию может выражаться в даче показаний о соучастниках с указанием их роли, сообщении о других преступлениях, совершенных с участием и иных лиц⁴. Если же обвиняемый (подозреваемый) сообщит сведения только о собственном участии в деянии или откажется дать показания, изобличающие соучастников, прокурор вправе своим постановлением прекратить действие соглашения (часть 5 статьи 317.4 УПК РФ).

По таким делам предусмотрено, как общее правило, применение особого (упрощенного и ускоренного) порядка судебного разбирательства (часть 1 статьи 317.7 УПК РФ). Но в Постановлении № 16 указано на

возможность применения и ординарного порядка разбирательства, в том числе при установлении судом соблюдения лицом всех условий и выполнения всех обязательств, предусмотренных таким соглашением; наказание же должно назначаться по правилам части 2 или части 4 статьи 62 УК РФ⁵.

В случае соблюдения обвиняемым всех условий и выполнения всех обязательств, предусмотренных рассматриваемым соглашением, максимальный срок (размер) наиболее строгого вида наказания, предусмотренного УК РФ, может быть снижен наполовину (часть 2 статьи 62 УК РФ). Подсудимому могут быть назначены более мягкое наказание, чем предусмотрено УК РФ, условное осуждение, он может быть освобожден от отбывания наказания (часть 5 статьи 317.7 УПК РФ).

Но вопрос о возможности применять нормы данного правового института к несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым оказался спорным, в теории и на практике он решается неоднозначно. По результатам анкетирования 52 % респондентов ответили, что несовершеннолетнего следует признать субъектом досудебного соглашения о сотрудничестве, 48 % ответили отрицательно [6, с. 80].

Результаты исследования

По данным О. Плешановой, первоначальная редакция проекта Постановления № 16 допускала соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетними лицами⁶. Однако в принятом Постановлении сформулирована иная правовая позиция – дано разъяснение о невозможности применения положений главы 40.1 УПК РФ в отношении обвиняемых (подозреваемых), которые на момент совершения преступления восемнадцати лет не достигли; Пленум обосновывает это невозможностью принятия в отношении них судебного решения в особом порядке⁷.

³ Доклад Председателя Верховного суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева по итогам 2022 года. Ежегодное совещание судей 15 февраля 2023 г. // Верховный суд Российской Федерации [сайт]. URL: https://www.supcourt.ru/press_center/news/32142/ (дата обращения: 18.02.2023).

⁴ О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) (пункт 16) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2012. № 9.

⁵ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) ... (пункт 25).

⁶ Плешанова О. Торг здесь неуместен // Верховный суд РФ разъясняет порядок досудебных соглашений о сотрудничестве. URL: https://zakon.ru/discussion/2012/6/5/torg_zdes_neumesten_verhovnyj_sud_rf_razya_snyaet_poryadok_dosudebnyx_soglashenij_o_sotrudnichestve (дата обращения: 08.11.2022).

⁷ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) ... (пункт 4).

Такое разъяснение представляется не вполне логичным и убедительным. Одна из причин видится в том, что, как отмечалось во введении настоящей статьи, Пленум допускает возможность применения и ординарного порядка разбирательства по делу лица, заключившего соглашение.

Другая причина видится в том, что при содействии несовершеннолетнего в расследовании, изобличении и уголовном преследовании соучастников Пленум предлагает учитывать это при назначении ему наказания⁸. Но предлагаемый порядок позволяет снизить верхний предел наказания только на 1/3 от максимального срока (размера) наиболее строгого вида возможного наказания (часть 1 статьи 62 УК РФ), тогда как при соблюдении условий соглашения о сотрудничестве этот предел может быть снижен на половину (часть 2 статьи 62 УК РФ). То есть положение несовершеннолетних подсудимых становится хуже положения взрослых подсудимых [7; 8]. Возникает нарушение принципа равенства граждан перед законом (статья 4 УК РФ) [9, с. 94]. Отметим, что и правила ООН требуют от правосудия в отношении несовершеннолетних обеспечения для них социальной справедливости⁹.

С нашей точки зрения, чтобы правильно понять волю отечественного законодателя по рассматриваемому вопросу, необходимо учитывать, что в законе нет запрета на применение особого порядка разбирательства в отношении несовершеннолетних лиц. Законодатель проявляет в УПК РФ повышенное внимание к обеспечению прав и законных интересов участников судопроизводства (подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей), не достигших совершеннолетия. Поэтому, если бы законодатель считал необходимым исключить применение упрощенной и ускоренной формы судебного разбирательства в отношении несовершеннолетних лиц, то установил бы в разделе X УПК РФ

прямой запрет на это. Именно так законодатель поступил при регламентации процессуального порядка в главе 32.1 УПК РФ: несовершеннолетие подозреваемого указано в перечне обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, причем поставлено в этом перечне на первое место (часть 1 статьи 226.2 УПК РФ). Но ни в положениях раздела X УПК РФ, ни в других нормах уголовно-процессуального закона подобного запрета нет, то есть закон не запрещает принимать итоговое судебное решение в отношении несовершеннолетнего подсудимого в особом порядке.

Более того. Регламент особого порядка судебного разбирательства предусматривает, что при заявлении обвиняемым ходатайства об особом порядке пригласить защитника, присутствие которого обязательно, может законный представитель подсудимого (часть 1 статьи 315 УПК РФ). Эта норма помещена в главе 40 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением». Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подписывается и защитником, которого и в этой ситуации может пригласить законный представитель обвиняемого или подозреваемого (часть 1 статьи 317.1 УПК РФ). Данная норма помещена в главе 40.1 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

То есть особый порядок не исключает, а допускает возможность участия в деле законного представителя обвиняемого. Но законные представители призваны защищать права и интересы тех обвиняемых, которые не достигли совершеннолетия (пункт 12 статьи 5, статья 48, статья 428 УПК РФ). Это означает, что, с точки зрения законодателя, возможно несовершеннолетие обвиняемого при заявлении им ходатайств об особом порядке разбирательства, о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, возможно применение особого порядка в отношении него.

Однако с таким пониманием процессуального закона согласны не все правоприменители. Судья Верховного суда РФ Т.П. Хомицкая в качестве аргумента за исключение

⁸ Постановления Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) ... (пункт 4).

⁹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (правило 1.4). Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 07.02.2023).

несовершеннолетних из числа тех, с кем возможно заключение соглашения о сотрудничестве, указывает, что несовершеннолетний в случае заключения с ним соглашения подвергается угрозе личной безопасности со стороны изобличаемых им лиц, считает это еще большим фактором риска для подростка [10]. Указанный аргумент в рассматриваемом контексте – единственный, который привел уважаемый автор комментария Постановления № 16, рассмотрим этот аргумент подробнее.

Содержание данного аргумента говорит о том, что запрет заключать с несовершеннолетним досудебное соглашение о сотрудничестве преследует цель исключить угрозу личной безопасности подростка. Данная цель корреспондирует нормам уголовно-процессуального закона: порядок проведения судебного заседания и постановления приговора в отношении подсудимого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, предусматривает исследование степени угрозы личной безопасности, которой подвергались подсудимый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его родственники и близкие (пункт 4 части 4 статьи 317.7 УПК РФ). Пленум разъясняет: если в ходе исследования судом степени этой угрозы установлены основания, предусмотренные в части 3 статьи 11 УПК РФ, суд вправе применить к подвергшимся угрозе подсудимому, его родственникам и близким лицам любые предусмотренные законодательством меры государственной защиты участников уголовного судопроизводства, если такое решение не было принято органами предварительного расследования или прокурором¹⁰.

Но возникает вопрос: если несовершеннолетних обвиняемых исключить из числа тех, с кем возможно заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, то будет ли это означать, что несовершеннолетним обвиняемым не разрешается и давать показания, изобличающие других лиц в совершении преступлений? Если на этот вопрос ответить отрицательно, то есть разрешить несовершеннолетним обвиняемым изобличать других лиц, то угроза личной безопасности для несовершеннолетних обвиняемых не ис-

чезнет. Следовательно, запрет заключать с ними досудебное соглашение о сотрудничестве поставленной цели не достигнет и потеряет смысл.

По-видимому, чтобы запрет заключать с несовершеннолетними досудебное соглашение о сотрудничестве достиг поставленной цели, необходимо еще запретить несовершеннолетним обвиняемым изобличать других лиц. Но тогда будет логично из числа субъектов, от которых возможно получение показаний изобличающего характера, исключить не только несовершеннолетних обвиняемых, но и несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Ведь в случае изобличения потерпевшими или свидетелями лиц, причастных к совершению преступления, возможны такие же угрозы личной безопасности в отношении и этих участников уголовного судопроизводства.

Но законодатель, очевидно, исходит из другой правовой позиции. Так, процессуальным законом закреплено, что потерпевший, свидетель не вправе: уклоняться от явки по вызову дознавателя, следователя и в суд; давать заведомо ложные показания, отказываться от дачи показаний (часть 5 статьи 42, часть 6 статьи 56 УПК РФ). Более того, за дачу заведомо ложных показаний, за отказ от дачи показаний потерпевший, свидетель несет ответственность (статьи 307, 308 УК РФ; часть 7 статьи 42, часть 8 статьи 56 УПК РФ). В этих нормах не сделано каких-либо исключений для случаев, когда шестнадцатилетние или семнадцатилетние потерпевшие и свидетели отказываются от дачи изобличающих показаний по мотивам опасности этого.

Заключение

Можно сделать следующие выводы.

Если законодатель считает возможным и необходимым обязывать несовершеннолетних лиц, имеющих процессуальный статус потерпевшего или свидетеля, давать правдивые показания изобличающего характера, то было бы логично не отказывать в праве дать аналогичные показания и несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому. Тем более что в уголовном судопроизводстве обязательно участие защитника и законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемо-

¹⁰ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) ... (пункт 17).

го, существуют многие другие дополнительные гарантии защиты их прав и законных интересов. Содействие несовершеннолетнего обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, в изобличении и уголовном преследовании соучастников допускает и Пленум Верховного суда Российской Федерации¹¹.

Но тогда было бы неправильно и несправедливо отказывать несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому и в праве заключить предварительно досудебное соглашение о сотрудничестве. Заклю-

чение соглашения, во-первых, позволит ему получить назначаемое по льготным правилам наказание (более мягкое) или освобождение от отбывания наказания (часть 5 статьи 317.7 УПК РФ); во-вторых, такое соглашение будет дополнительно стимулировать подростка к сотрудничеству со следствием. Общество и государство заинтересованы в этом.

Обеспечивать же безопасность обвиняемого, желающего изобличить других лиц, логично не путем отказа от заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, а путем применения в отношении него мер безопасности (часть 3 статьи 11, статья 317.9 УПК РФ).

¹¹ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) ... (пункт 4).

Список источников

1. Законность: состояние и тенденции в 2010–2014 гг. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению: науч. докл. / под общ. ред. О.С. Капинус. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. 406 с. URL: <https://agprf.org/userfiles/ufiles/nii/2015-01.pdf>
2. Наумов А.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве как эффективное средство борьбы с организованной преступностью // Ученые записки. 2021. № 3. С. 71-75. <https://elibrary.ru/fqhhfy>
3. Наумов А.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве при совершении преступления группой лиц по предварительному сговору // Ученые записки. 2021. № 4. С. 90-101. <https://elibrary.ru/mgambh>
4. Наумов А.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве при совершении преступления организованной группой // Ученые записки. 2021. № 4. С. 102-114. <https://elibrary.ru/zkggxx>
5. Наумов А.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве при совершении преступления преступным сообществом (преступной организацией) (часть 1) // Ученые записки. 2022. № 2. С. 148-166. <https://elibrary.ru/uzafhl>
6. Бавсун М.В., Вишнякова Н.В., Салыкова А.К. Назначение наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве (соглашении о сотрудничестве) по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2022. 188 с. <https://elibrary.ru/xavjlb>
7. Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: разъяснения получены, но проблемы остались // Российский судья. 2013. № 2. С. 42-46. <https://elibrary.ru/uhviwb>
8. Овсянников И.В. Допустимо ли заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним? // Законность. 2016. № 6. С. 57-60. <https://elibrary.ru/weanxh>
9. Терегулова А.И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в контексте рационализации стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2019. 218 с. <https://elibrary.ru/amepfl>
10. Хомицкая Т.П. Комментарий к Постановлению от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Комментарий к постановлениям Пленума Верховного суда Российской Федерации по уголовным делам / под ред. В.М. Лебедева. М.: НОРМА, 2014. 816 с.

References

1. Kapinus O.S. (general ed.). (2015). *Zakonnost': sostoyanie i tendentsii v 2010–2014 gg. Deyatel'nost' prokuratury po ee obespecheniyu: nauch. dokl.* [Legality: Status and Trends in 2010–2014. The Activities of the Prosecutor's Office to Ensure It: Scientific Report]. Moscow, Academy of General Prosecutor's Office of RF Publ., 406 pp. (In Russ.) Available at: <https://agprf.org/userfiles/ufiles/nii/2015-01.pdf>
2. Naumov A.M. (2021). Pre-trial cooperation agreement as an effective means of combating organized crime: the commission of a crime by a group of persons by prior conspiracy. *Uchenye zapiski = Scientists Notes*, no. 3, pp. 71-75. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fqhhfy>

3. Naumov A.M. (2021). Pre-trial agreement on cooperation in the commission of a crime by a group of persons by prior conspiracy. *Uchenye zapiski = Scientists Notes*, no. 4, pp. 90-101. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mgambh>
4. Naumov A.M. (2021). Pre-trial agreement on cooperation in the commission of a crime by an organized group. *Uchenye zapiski = Scientists Notes*, no. 4, pp. 102-114. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zkggxx>
5. Naumov A.M. (2022). Pre-trial cooperation agreement for commission of a crime by a criminal community (criminal organization) (part 1). *Uchenye zapiski = Scientists Notes*, no. 2, pp. 148-166. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uzafhl>
6. Bavsun M.V., Vishnyakova N.V., Salykova A.K. (2022). *Naznachenie nakazaniya pri dosudebnom soglashe-nii o sotrudnichestve (soglashe-nii o sotrudnichestve) po ugovnomu zakonodatel'stvu Rossiiskoi Fede-ratsii i Respubliki Kazakhstan* [Sentencing under a Pre-Trial Agreement on Cooperation (Agreement on Co-operation) under the Criminal Legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan]. St. Petersburg, St.-Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 188 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xavjlb>
7. Novikov S.A. (2013). Dosudebnoe soglashe-nie o sotrudnichestve: raz"yasneniya polucheny, no problemy ostalis' [Pre-trial cooperation agreement: clarifications received, but problems remain]. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, no. 2, pp. 42-46. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uhviwb>
8. Ovsyanikov I.V. (2016). Is a pre-trial cooperation agreement with a minor permissible? *Zakonnost'* [Legiti-macy], no. 6, pp. 57-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/weanxh>
9. Teregulova A.I. (2019). *Obespechenie prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnikh podozrevaemykh, ob-vinyaemykh v kontekste ratsionalizatsii stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [En-suring the Rights and Legitimate Interests of Juvenile Suspects Accused in the Context of the Rationalization of the Preliminary Investigation Stage. PhD (Law) diss.]. Ufa, 218 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/amepfl>
10. Khomitskaya T.P. (2014). Kommentarii k Postanovleniyu ot 28.06.2012 № 16 «O praktike primeneniya su-dami osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva ugovnykh del pri zaklyuchenii dosudebnogo soglashe-niya o sotrudnichestve» [Commentary on Resolution no. 16 of June 28, 2012 "On the practice of application by courts of a special procedure for the trial of criminal cases when concluding a pre-trial cooperation agreement"]. In: Lebedev V.M. (ed.). *Kommentarii k postanovleniyam Plenuma Verkhovnogo suda Ros-siiskoi Federatsii po ugovnym delam* [Commentary on the Decisions of the Plenum of Supreme Court of Russian Federation on Criminal Cases]. Moscow, NORMA Publ., 816 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию / Received 25.02.2023

Поступила после рецензирования / Revised 12.05.2023

Принята к публикации / Accepted 16.06.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.13

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-338-347>

Шифр научной специальности 5.1.4

Вопросы совершенствования правовой регламентации института ходатайств в уголовном судопроизводстве России

© ПЕРЕТЯТЬКО Наталья Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Российская Федерация, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, <https://orcid.org/0000-0002-4156-4430>, naperetyatko@yandex.ru

© ФЕДЮНИН Антон Евгеньевич,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Российская Федерация, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, <https://orcid.org/0000-0002-1866-8629>, aef@bk.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена наличием ряда правовых проблем института ходатайств в уголовном судопроизводстве России, которые накопились за последние годы и требуют выработки мер по их скорейшему разрешению. Цель работы состоит в исследовании института ходатайств в уголовном процессе России, выявлении тенденций его развития и накопившихся правовых противоречий, препятствующих реализации прав участников процесса, а также разработке предложений и рекомендаций по решению найденных проблем. В работе использовались классические методы правовых исследований: анализ, синтез, обобщение практики правоприменения, логика. На основе анализа законодательства, решений высших судов и правоприменительной практики сделан вывод о необходимости принятия мер по реформированию правового регулирования института ходатайств, прежде всего связанных с реализацией прав и законных интересов участников уголовного процесса. Обоснован вывод, что эффективная модель взаимодействия между лицом, ведущим расследование, и участвующими в уголовном деле лицами предполагает законодательное закрепление права на заявление ходатайств в статьях, непосредственно посвященных их процессуальному статусу. Доказана необходимость реформирования института ходатайств и установления минимальных требований к их структуре и содержанию, а также закрепления обязанности лица, принявшего к своему производству уголовное дело, разрешать ходатайство путем вынесения мотивированного постановления и уведомления в установленный в законе срок о принятом решении заявителя.

Ключевые слова

институт ходатайств, право на заявление ходатайств, правовая регламентация, реализация прав участников уголовного процесса

Для цитирования

Перетятыко Н.М., Федюнин А.Е. Вопросы совершенствования правовой регламентации института ходатайств в уголовном судопроизводстве России // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 338-347. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-338-347>

Issues of improving the legal regulation of the institute of petitions in Russian criminal proceedings

© Natalya M. PERETYATKO,

PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of Criminal Procedure Department, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4156-4430>, naperetyatko@yandex.ru

© Anton E. FEDYUNIN,

Dr. habil. (Law), Associate Professor, Professor of Criminal Procedure Department, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov, 410056, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1866-8629>, aef@bk.ru

Abstract

The study relevance is due to the presence of a number of legal institute of petitions problems in criminal proceedings in Russia, which have accumulated in recent years and require the measures development for their prompt resolution. The purpose of the work is to study the petitions institution in the criminal process of Russia, to identify trends in its development and accumulated legal contradictions that impede the participants rights realization in the process, as well as to develop proposals and recommendations for solving the problems found. The work used classical methods of legal study: analysis, synthesis, generalization of law enforcement practice, logic. Based on the legislation analysis, decisions of higher courts and law enforcement practice, it was concluded that it is necessary to take measures to reform the legal regulation of the petitions institute, primarily related to the rights realization and legitimate interests of participants in the criminal process. The conclusion is substantiated that an effective model of interaction between the person conducting the investigation and the persons participating in the criminal case presupposes the legislative consolidation of the right to file petitions in articles directly devoted to their procedural status. The reforming necessity the petitions institute and establishing minimum requirements for their structure and content, as well as fixing the obligation of the person who accepted the criminal case for his proceedings to resolve the petition by issuing a reasoned decision and notifying the applicant about the decision taken by the law within the time period established by law is proved.

Keywords

petitions institution, right to file petitions, legal regulation, participants rights realization in criminal proceedings

For citation

Peretyatko, N.M., & Fedyunin, A.E. (2023). Issues of improving the legal regulation of the institute of petitions in Russian criminal proceedings. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 338-347 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-338-347>

Введение. Постановка проблемы

Значимость института ходатайств для уголовного судопроизводства проявляется одновременно в нескольких важнейших его областях. Посредством данного института обеспечивается более полное, объективное и всестороннее исследование доказательств, собранных по расследуемому уголовному делу. Важную роль играет то, что ходатайства такого рода подлежат удовлетворению, если устанавливаемые ими обстоятельства могут иметь значение для правильного и справедливого разрешения уголовного дела

(часть 2 статьи 159 УПК РФ). Кроме того, заявление подобных ходатайств представляет собой один из способов реализации права на защиту законных интересов ключевого участника процесса – подозреваемого (обвиняемого), а также потерпевшего и иных участников, имеющих заинтересованность в разрешении дела, что, в конечном счете, должно приводить к полной реализации назначения уголовного судопроизводства. С другой стороны, ограничение рассматриваемого права представляет собой грубое процессуальное нарушение, фактическое пре-

пятствование осуществлению правосудия, приводящее, как правило, к отмене приговора в порядке обжалования¹.

Методы исследований, использованные в работе, такие как анализ, синтез, обобщение практики правоприменения, логика, позволили обеспечить воспроизводимость его результатов, основанных на анализе законодательства, решений высших судов, правоприменительной практики и научных трудов, посвященных исследуемой сфере правоотношений и позволивших сделать выводы о необходимости законодательных изменений в области реформирования института ходатайств, связанных в первую очередь с реализацией прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Результаты исследования

Несмотря на весомость рассматриваемого института в реализации назначения уголовного судопроизводства, в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует определение ходатайства. Единой дефиниции не сформулировано и в научной литературе. Большинство авторов, работавших в направлении разрешения проблемных вопросов данного института, сводят суть ходатайства к официальному обращению заинтересованного лица к ответственному за расследование уголовного дела властному участнику процесса.

Вместе с тем имеются авторы, позиция которых отлична от приведенного суждения, в частности есть мнение, что «ходатайство – это процессуальное право, предоставленное законом определенному кругу лиц в целях обеспечения объективного, всестороннего и полного исследования обстоятельств дела, а также для защиты личного или представляемого интереса, выраженное в виде устной или письменной просьбы и обращенное к должностным лицам, органам, ведущим

производство по делу, о совершении ими определенного процессуального действия или принятии процессуально значимого решения» [1, с. 61].

Однако нам представляется, что если посредством предложенного правового определения толковать нормы современного уголовно-процессуального законодательства, то в соответствии с положениями статьи 119 УПК РФ получится, что участники уголовного процесса «вправе заявить право», что, конечно же, не прибавляет определенности данному понятию. Кроме того, защита, упоминаемая в вышеприведенном определении, как правило, необходима уже нарушенному праву, что в большей степени отвечает назначению института обжалования, чем ходатайств.

Однако и среди представителей большинства приверженцев точки зрения относительно понятия ходатайства как официального обращения нет единства. Одни полагают, что это официальное обращение с просьбой [2, с. 50; 3, с. 102; 4, с. 241], другие – с требованием [5, с. 46; 6, с. 23]. Так, например, Е.И. Желткова отмечает, что «ходатайство представляет собой официальное обращение участника уголовного судопроизводства к лицу, ведущему производство по уголовному делу, с требованием совершения определенных процессуальных действий, либо принятия определенных процессуальных решений» [5, с. 46].

Поддерживает позицию относительно того, что ходатайство – это обращение с требованием, и Э.Ф. Лугинец [6, с. 24]. Однако в последующих рассуждениях ученый отмечает, что в результате именноследователь (дознатель) будет принимать решение о том, имеет ли процессуальное значение для расследуемого им уголовного дела заявленное лицом ходатайство. Он также будет определять форму совершения процессуальных действий, направленных на эффективное разрешение ходатайства.

Полагаем, что если от усмотрения субъекта зависит удовлетворить или нет обращение, это все же просьба, а не требование. Об этом свидетельствует и лексическое значение данных слов. «Просьба» – обращение к кому-н., призывающее удовлетворить какие-н. нужды,

¹ См., напр., Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2021 № 77-1742/2021. URL: <https://судебныерешения.рф/63630949> (дата обращения: 10.02.2023); Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23.12.2021 № 7У-12149/2021. URL: <https://судебныерешения.рф/65871083> (дата обращения: 10.02.2023); Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.06.2021 по делу № 77-1363/2021. URL: <https://судебныерешения.рф/59565482> (дата обращения: 10.02.2023).

желания. «Требование» – правило, условие, обязательное для выполнения².

Нуждается в анализе и утверждение относительно того, что ходатайство как право предоставляется согласно статье 119 УПК РФ определенному кругу лиц: подозреваемому, обвиняемому; защитнику; потерпевшему (его законному представителю и представителю; частному обвинителю; эксперту; гражданскому истцу; гражданскому ответчику (их представителям); представителю администрации организации; государственному обвинителю; иным лицам. Всех перечисленных участников процесса объединяет заинтересованность в исходе дела и направленность на отстаивание своих либо защищаемых ими прав и законных интересов.

Иные лица в данном списке представлены свидетелем, переводчиком, специалистом и понятым. Так, например, свидетель, согласно статье 56 УПК РФ наделен процессуальным правом заявлять ходатайства и приносить жалобы. В исключительных случаях он также может ходатайствовать о применении мер безопасности. Заявить ходатайство властному участнику процесса, об ознакомлении с протоколом следственного действия, непосредственное участие в котором они принимали, могут специалист, переводчик и понятой. Однако их право ограничивается внесением в данный документ дополнений. В исключительных случаях, также как и свидетель, они могут требовать применения мер безопасности (пункты 2, 3 части 2 статьи 58, пункты 1, 2 части 2 статьи 59, пункты 1, 2 части 3 статьи 60 УПК РФ).

Однако законодательная регламентация права на заявление ходатайств этих участников процесса отличается от аналогичной применительно к тому же свидетелю, эксперту и выражена законодателем менее определено. Вместе с тем, учитывая значение процессуальной формы в механизме обеспечения прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, полагаем необходимым внести соответствующие изменения в статьи 58, 59 и 60 УПК РФ. Тем более, как справедливо заметила Н.А. Байгончикова, разъяснение процессуальных прав участвующим в

уголовном деле лицам осуществляется исходя из перечня наличествующих прав, закрепленных в статье, посвященной процессуальному статусу конкретного участника, а не общих норм [7, с. 73]. В уголовном процессе нет мелочей, надлежащая и детальная урегулированность соответствующих правоотношений служит залогом их реальной реализации. Тем более практика показывает, что правоприменитель чаще всего склонен толковать нормы изолировано, буквально, не учитывая системного единства соответствующих предписаний УПК РФ³.

Однако мнение о том, что право на заявление ходатайств присуще в равной степени участникам процесса, разделяется не всеми представителями юридической науки. Так, например, Н.И. Капинус отстаивает позицию о необходимости наделения таким правом переводчика и специалиста, но считает избыточным таковое применительно к понятому [8]. По мнению цитируемого автора, право на заявление ходатайства по ознакомлению с протоколом соответствующего следственного действия, в котором принимал участие понятой, есть его обязанность – понятой обязан ознакомиться с протоколом, а потому – право на заявление ходатайств излишне. Целесообразность же наделения правом на заявления ходатайств специалиста и переводчика связывается с наличием важных обязанностей, за ненадлежащее исполнение которых к тому же возможно привлечение к уголовной ответственности. Соглашаясь с мнением Н.И. Капинус относительно специалиста и переводчика, по поводу понятого отметим, что все те убедительные доводы, которые автор приводит в обоснование своей позиции по поводу специалиста и переводчика, в полной мере применимы и к этому участнику процесса [8, с. 76]. Понятой тоже несет уголовную ответственность по статье 310 УК РФ, следовательно, и у этого участника уголовного процесса возни-

² Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 3 т. М., 2001. Т. 3. С. 552.

³ См.: По жалобе гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части четвертой статьи 56, частью первой статьи 81, пунктом 2 части второй статьи 82, статьями 119 и 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 16.12.2008 № 1036-О-П // Вестник Конституционного суда РФ. 2009. № 2.

кает не только общественный, но и личный, частный законный интерес, порожденный его участием в производстве по определенному уголовному делу, в результате которого для него могут возникнуть последствия, уже выходящие за рамки этих уголовно-процессуальных отношений.

Право на заявление процессуальных ходатайств имеют не только рассмотренные ранее участники уголовно-процессуальной деятельности, но и лица без соответствующего процессуального статуса, закрепленного законодательно в виде перечня прав и обязанностей. Такое толкование закона вытекает из решения, сформулированного в определении Конституционного суда РФ по проверке жалобы А.А. Байкова: «все лица, законные интересы которых тем или иным образом затрагиваются в ходе уголовного процесса, имеют равное право заявлять ходатайства о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений»⁴. Следовательно, можно сделать вывод, что право на заявление ходатайства зависит не от наличия официального процессуального статуса у лица, а от наличия прав и фактического законного интереса, затронутого проводимым уголовным производством.

Законный интерес может быть отражен в объективном естественном праве либо вытекать из его формально-логического смысла. Данная философская категория в сфере рассматриваемых правоотношений актуальна в связи с тем, что частный интерес участников не в полной мере может быть обеспечен субъективными правами. Предусмотренные законом «интересы» имеют ряд схожих черт с «субъективными правами», но это не является тождественным данной категории [9, с. 28]. Интерес (законный) и права (субъективные) обладают разными возможностями реализации: право (субъективное) непосредственно записано в законе, а интерес (законный) всего лишь допускается, но не конкретизируется.

В то же время законный интерес является самостоятельным объектом правовой охраны, в силу чего любое заинтересованное лицо может обратиться в компетентные государственные органы за его защитой.

Законные интересы, как отраженные в правах, предоставленных уголовно-процессуальным законом, так и вытекающих из его смысла и системного толкования, могут быть у лиц, не обладающих действующим процессуальным статусом участника уголовно-процессуальной деятельности, таких как, например, залогодатель или лицо, владеющее имуществом, на которое судом наложен арест, личный поручитель, лицо, осуществляющее присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) и т. п. Они не являются объектами уголовного преследования, однако, при этом выполняют специфические обязанности и несут соответствующие виды ответственности. Все они вступают в уголовно-процессуальные правоотношения; решения, принимаемые властным субъектом этих правоотношений, порождают для них права, обязанности, влекут за собой последствия, в том числе и негативного характера, которые могут и выходить за рамки уголовно-процессуальных правоотношений, сложившихся в результате расследования конкретного уголовного дела. Обязанность и ответственность неотделима от прав, вследствие чего для их обеспечения указанные лица согласно закону могут заявлять ходатайства на всех стадиях процесса и влиять на принятие процессуальных решений⁵.

Очевидно, что сформулировать полный, закрытый перечень таких лиц в настоящее время не представляется возможным. Вследствие чего, как справедливо отмечает О.А. Максимов [10, с. 72], отсутствие соответствующего процессуального статуса и, как следствие, законодательно закрепленного права на обращение с ходатайством может быть основанием для того, что просьба будет расценена как внепроцессуальное обращение,

⁴ См.: По жалобе гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части четвертой статьи 56, частью первой статьи 81, пунктом 2 части второй статьи 82, статьями 119 и 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 16.12.2008 № 1036-О-П // Вестник Конституционного суда РФ. 2009. № 2.

⁵ См.: По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова: Постановление Конституционного суда РФ от 17.06.2021 № 29-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 26. Ст. 5044.

и механизмы уголовно-процессуальной защиты таких лиц будут сведены к нулю.

Определенный выход из данной ситуации видится в установлении законодательно закрепленных требований к структуре и содержанию ходатайства, в частности, в обязательном указании на уголовное дело, в рамках которого заявляется ходатайство; перечень действий или решений, о производстве или принятии (изменении, отмене) которых ходатайствует лицо; указание на то, какие именно права и предусмотренные законом интересы обеспечиваются с помощью ходатайства. В настоящий момент в законодательстве отсутствуют требования, которым должно соответствовать ходатайство. Исключение в части 2 статьи 235 УПК РФ сделано лишь применительно к ходатайству о признании доказательства недопустимым. Следовательно, минимальные требования, предъявляемые к ходатайству, должны быть закреплены законодательно, их перечень будет полезен как лицу, его подающему, так и субъекту, его разрешающему. Первому он поможет сформулировать и изложить просьбу убедительно, не злоупотребляя своим правом, второму не позволит произвольно его отклонить, расценить как внепроцессуальное обращение.

Наличие собственного личного законного интереса – основной критерий возможности реализации, предусмотренного в рамках рассматриваемого института заявления ходатайств как части механизма обеспечения прав заинтересованных участников уголовного процесса на досудебном производстве. Вследствие чего рассмотрение полномочий следователя как носителя публичного интереса в контексте статьи 119 УПК РФ [11, с. 112], как предлагается в научной литературе отдельными авторами, полагаем нецелесообразным. Вместе с тем отметим, что в суде следователь не имеет правомочий на разрешение возникшего правоотношения по ограничению прав обвиняемого, хотя и является его инициатором, он представляет сторону обвинения и как участник судебного заседания должен иметь возможность реализовать свое процессуальное право на заявление ходатайств. Следователь не имеет частного, собственного интереса, но он имеет процессуальный интерес, поскольку

представляет сторону обвинения. В этом же контексте следует толковать и часть 3 статьи 119 УПК РФ – в суде государственный обвинитель представляет интересы стороны обвинения – и как сторона процесса обладает правом на заявление процессуальных ходатайств.

Процессуальная форма ходатайств может быть как устной, так и письменной. Ходатайство, заявленное в письменной форме, согласно закону просто приобщается к материалам уголовного дела, а устное заносится лицом, ведущим расследование, в протокол следственного действия либо судьей в протокол судебного заседания (часть 2 статьи 120 УПК РФ). Полагаем, что ограничение фиксации ходатайства исключительно протоколом следственного действия неправильно, поскольку они могут заявляться не только в момент производства следственных, но и процессуальных действий, к которым, например, относится ознакомление с материалами уголовного дела. Противоречия между частью 2 статьи 218 и частью 2 статьи 120 УПК РФ необходимо устранить, уточнив в статье 120, что устное ходатайство заносится в протокол процессуального действия.

Таким образом, уточняя определение ходатайства, предложенное А.Я. Меженцевой, можно сказать, что ходатайство – это официальное обращение с устной или письменной просьбой участника уголовного судопроизводства либо иного лица, чьи права и законные интересы затронуты в ходе досудебного или судебного производства по уголовному делу, о принятии процессуальных решений либо производстве процессуальных действий в целях обеспечения своих прав и законных интересов.

Разрешив ходатайство, властный участник уголовного процесса выносит об этом постановление. Нельзя не указать на определенную противоречивость статей 122 и 159 УПК РФ. В статье 159 УПК РФ необходимость вынесения соответствующего постановления увязана с видом принимаемого решения. В случае полного либо частичного отказа в удовлетворении ходатайства властный участник уголовного процесса выносит постановление. Статья 122 УПК РФ диктует необходимость вынесения постановления вне зависимости от вида принятого решения.

Полагаем требования, предусмотренные в нормах статьи 122 УПК РФ, в большей степени соответствуют принципу обеспечения прав участвующих в деле лиц, поскольку в таком случае лицо, заявившее ходатайство, получает на него официальный ответ.

Любое постановление следователя, дознавателя должно соответствовать закону, быть обосновано и мотивировано (статья 7 УПК РФ). В полной мере данное требование относится и к постановлению, разрешающему заявленное ходатайство. Однако в практической деятельности все еще допускаются случаи вынесения решений, не обоснованных, не мотивированных должным образом, когда субъекты, ответственные за принятие решения, игнорируют общую норму, ссылаясь на отсутствие соответствующих требований в специальной⁶. В этой связи считаем, что в целях более эффективной реализации прав участвующих в уголовном деле лиц следует в статье 122 и статье 159 УПК РФ предусмотреть процессуальную обязанность следователя, а также дознавателя в случае полного и частичного отказа в удовлетворении ходатайства обосновывать и мотивировать свое решение.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости дальнейшего законодательного совершенствования института ходатайств в уголовном процессе. Эффективная модель взаимодействия между лицом, ведущим расследование, и участвующими в уголовном деле лицами предполагает законодательное закрепление права на заявление ходатайств в статьях, посвященных процессуальному статусу специалиста понятого, переводчика; установление минимальных тре-

бований к структуре и содержанию ходатайства; обязанность лица, принявшего к своему производству уголовное дело, разрешить ходатайство путем вынесения мотивированного постановления и уведомления в установленный в законе срок о принятом решении заявителя.

Предлагаем внести ряд изменений в УПК РФ.

Изложить следующим образом пункты 3 и 4 части 3 статьи 58 УПК РФ:

«3) знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, и делать заявления и замечания, которые подлежат занесению в протокол, ходатайствовать о внесении дополнений в протокол;

4) заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда в целях обеспечения и защиты его прав».

Дополнить пункт 5 статьи 58 УПК РФ:

«5) ходатайствовать о применении мер безопасности, предусмотренных частью третьей статьи 11 настоящего Кодекса».

Аналогичные изменения и дополнения внести в статьи 59, 60 УПК РФ.

Изложить следующим образом часть 2 статьи 119 УПК РФ:

2. Ходатайство заявляется дознавателю, следователю, принявшему уголовное дело к своему производству, либо в суд.

Ходатайство должно содержать:

1) указание на уголовное дело, в связи с расследованием которого подается ходатайство, либо наименование суда, в который подается ходатайство;

2) данные о лице, подавшем ходатайство, с указанием его процессуального положения (при наличии), места жительства или места нахождения;

3) просьбу лица с указанием на перечень процессуальных действий, о производстве которых ходатайствует лицо и (или) решений, о принятии, изменении, отмене которых оно ходатайствует;

4) доводы лица, подавшего ходатайство, с указанием того, какие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, требуют установления, проверки или оценки либо ка-

⁶ См.: По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 25.01.2005 № 42-О // Вестник Конституционного суда РФ. 2005. № 4; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кармановой Ирины Николаевны и Комягина Михаила Михайловича на нарушение их конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 22.04.2010 № 494-О-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision28805.pdf> (дата обращения: 10.02.2023).

кие права и законные интересы этого лица обеспечиваются посредством обращения;

5) подпись лица, подавшего представление.

Изложить следующим образом часть 3 статьи 119 УПК РФ:

3. Правом заявлять ходатайство в ходе судебного разбирательства обладает также государственный обвинитель, а при разрешении вопросов судом, указанных в частях 2 и 3 статьи 29 настоящего Кодекса, – следователь, дознаватель.

Изложить часть 1 статьи 120 УПК РФ следующим образом:

«1. Ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу. Письменное ходатайство приобщается к уголовному делу, устное – заносится в протокол процессуального действия или судебного заседания».

Изложить следующим образом статью 122 УПК РФ:

«Об удовлетворении ходатайства либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении дознаватель, следователь, судья выносят постановление, а суд – определение, которое доводится до сведения лица, заявившего ходатайство. При вынесении постановления об отказе в удовлетворении или частичном отказе в удовлетворении ходатайства следователь, дознаватель, судья обязаны привести аргументированные ответы на все доводы лица, заявившего ходатайство, и изложить мотивы, по которым эти доводы признаются несущественными, а обстоятельства, об установлении которых ходатайствует лицо, не имеющими отношения к уголовному делу. Решение по ходатайству может быть обжаловано в порядке, установленном главой 16 настоящего Кодекса».

Изложить следующим образом часть 3 статьи 159 УПК РФ:

«Об удовлетворении ходатайства либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении дознаватель, следователь выносят постановление».

Заключение

Подводя итоги исследования, следует отметить, что его научная новизна заключа-

ется в том, что авторами был проведен комплексный научный анализ проблем, накопившихся в сфере реализации института ходатайств в уголовном процессе России. Был освещен широкий спектр вопросов, касающихся понятия, содержания, формы ходатайств, а также обозначены проблемы, влекущие нарушение прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в нем новые научные положения, выводы и рекомендации способствуют более глубокому пониманию сущности института ходатайств, а также путей и способов решения проблем, возникающих в данной сфере правоотношений; развитию общих положений уголовно-процессуальной теории, расширению научной базы, объема знаний и созданию возможностей для дальнейших исследований в рассматриваемой области уголовно-процессуального права.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут применяться в правотворческой деятельности при совершенствовании института ходатайств и обеспечивая тем самым права и законные интересы участников уголовного процесса; в практической деятельности судей, должностных лиц органов дознания и следствия, оказания квалифицированной юридической помощи адвокатами.

Проведенное исследование позволяет наметить перспективы дальнейших научных разработок в данном направлении, которые должны быть сосредоточены на исправлении противоречий, неточностей и правовых пробелов правового регулирования института ходатайств с тем, чтобы привести его в соответствие с нормативными предписаниями УПК РФ, касающимися реализации назначения уголовного судопроизводства, защиты прав и законных интересов его участников. В частности, авторами отмечается важность детальной регламентации прав участников уголовного процесса в вопросах заявления и разрешения ходатайств, а также важность установления минимальных требований к их структуре и содержанию.

Список источников

1. Меженцева А.Я. Ходатайства в советском уголовном судопроизводстве // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1982. № 37. С. 57-66. URL: <http://lawlibrary.ru/article1091601.html>
2. Стецовский Ю.И. Уголовно-процессуальная деятельность защитника. М.: Юрид. лит., 1982. 174 с. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie3032.html>
3. Алиев Т.Т., Громов Н.А., Макаров Л.В. Уголовно-процессуальное доказывание: Участие обвиняемого и защитника. Собираение, проверка и оценка доказательств. Ходатайства и жалобы. М.: Книга-сервис, 2002. 128 с.
4. Уголовный процесс / В.Н. Григорьев, О.В. Мичурина, В.К. Бобров [и др.]. Вып. 2. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 376 с. <https://elibrary.ru/rzxeff>
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1278 с.
6. Лугинец Э.Ф. «Процессуальная свобода» в реализации правового института ходатайств и жалоб в уголовном судопроизводстве // Юрист-Правовед. 2018. № 1 (84). С. 22-26. <https://elibrary.ru/xnzelnz>
7. Байгончкова Н.А. Некоторые аспекты заявления ходатайств в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики и Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 2 (29). С. 70-75. <https://elibrary.ru/snefvd>
8. Капинус Н.И. Право заявлять ходатайства в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 6. С. 74-79. <https://elibrary.ru/kvvxsv>
9. Морозова Л.А. Теория государства и права. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. 510 с.
10. Максимов О.А. Статус участника уголовного процесса как условие реализации права на ходатайство и жалобу // Симбирский научный вестник. 2019. № 2 (36). С. 70-74. <https://elibrary.ru/inyvqe>
11. Кокорева Л.В. Перечень лиц, имеющих право заявить ходатайство в уголовном судопроизводстве, нуждается в уточнении // Наука и новация: современные проблемы теории и практики права: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. в рамках IV Междунар. Фестиваля науки. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2019. С. 111-113. <https://elibrary.ru/yupozd>

References

1. Mezhenstseva A.Ya. (1982). Khodataistva v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve [Petitions in Soviet Criminal Proceedings]. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Questions of the Fight against Crime]. Moscow, Legal Literature Publ., no. 37, pp. 57-66. (In Russ.) Available at: <http://lawlibrary.ru/article1091601.html>
2. Stetsovskii Yu.I. (1982). *Ugolovno-protsessual'naya deyatel'nost' zashchitnika* [Criminal Procedural Activity of the Defense Lawyer]. Moscow, Legal Literature Publ., 174 p. (In Russ.) Available at: <http://lawlibrary.ru/izdanie3032.html>
3. Aliev T.T., Gromov N.A., Makarov L.V. (2002). *Ugolovno-protsessual'noe dokazyvanie: Uchastie obvinяемого i zashchitnika. Sobiranie, proverka i otsenka dokazatel'stv. Khodataistva i zhaloby* [Criminal Procedural Evidence: Participation of the Accused and the Defense Counsel. Collecting, checking and Evaluating Evidence. Petitions and Complaints]. Moscow, Kniga-servis Publ., 128 p. (In Russ.)
4. Grigor'ev V.N., Michurina O.V., Bobrov V.K. (et al.). (2002). *Ugolovnyi protsess. Vyp. 2* [Criminal Procedure. Vol. 2]. Moscow, IMTs GUK MVD Rossii Publ., 376 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rzxeff>
5. Golovko L.V. (ed.). (2017). *Kurs ugovnogo protsessa* [Course of Criminal Procedure]. Moscow, Statut Publ., 1278 p. (In Russ.)
6. Luginets E.F. (2018). "Procedural freedom" in realization of legal institute of petitions and complaints in criminal proceedings. *Yurist"-Pravoved* [Lawyer-Legislator], no. 1 (84), pp. 22-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xnzelnz>
7. Baigonchokova N.A. (2014). Nekotorye aspekty zayavleniya khodataistv v ugovnom sudoproizvodstve Kyrgyzskoi Respubliki i Rossiiskoi Federatsii [Some aspects of filing petitions in criminal proceedings of the Kyrgyz Republic and the Russian Federation]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, no. 2 (29), pp. 70-75. (In Russ.) <https://elibrary.ru/snefvd>
8. Kapinus N.I. (2007). Right for application in criminal procedure. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, no. 6, pp. 74-79. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kvvxsv>
9. Morozova L.A. (2010). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of Government and Law]. Moscow, Eksmo Publ., 510 p. (In Russ.)
10. Maksimov O.A. (2019). Status of a participant in a criminal case as a condition for the enforcement of the right to petition and claim. *Simbirskii nauchnyi vestnik = Simbirsk Scientific Journal Vestnik*, no. 2 (36), pp. 70-74. (In Russ.) <https://elibrary.ru/inyvqe>

11. Kokoreva L.V. (2019). Perechen' lits, imeyushchikh pravo zayavit' khodataistvo v ugovnom sudoproizvodstve, nuzhdaetsya v utochnenii [The list of persons entitled to file a petition in criminal proceedings needs to be clarified]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh 4 Mezhdunarodnogo Festivalya nauki «Nauka i novatsiya: sovremennye problemy teorii i praktiki prava»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference within the Framework of the 4th International Science Festival "Science and Innovation: Modern Problems of Theory and Practice of Law"]. Moscow, Moscow Region State University Publ., pp. 111-113. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yupozd>

Поступила в редакцию / Received 10.03.2023

Поступила после рецензирования / Revised 07.06.2023

Принята к публикации / Accepted 16.06.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-348-356>

Шифр научной специальности 5.1.4

Значение психологического портрета в раскрытии неочевидных преступлений

© ПОТАПОВ Сергей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-4364-7694>, potapov.1995@yandex.ru

Аннотация

Актуальность статьи обусловлена комплексным исследованием значения психологического портрета, как метода, обеспечивающего раскрытие неочевидных преступлений. Цель статьи – проанализировать понятие и сущность психологического портрета и определить его значимость в решении задач уголовного судопроизводства. Реализация поставленной цели достигается использованием законов диалектики, формальной логики и применением общенаучных и частнонаучных методов исследования. Анализ статистики раскрытия и расследования показывает, что разработка эффективной методики составления портрета неустановленного преступника является актуальной задачей для правоохранительных органов. Исследованы существующие теоретические подходы определения связей между следами преступления и личностью преступника, в частности криминалистический, программно-целевой, психиатрический и психологический. Дана их краткая характеристика. Исследованы понятие и основные цели составления психологического портрета и его значение в раскрытии неочевидных преступлений. Рассмотрена история развития данного метода как за рубежом, так и в России. Сделан сравнительный анализ метода, применяемого за рубежом, в частности в ФБР, и в России, определены имеющиеся в них различия и особенности. Рассмотрено информационное содержание исследуемого метода и методика составления психологического портрета преступника. Сделан вывод, что психологический портрет как не традиционный метод познания и результат составления комплексной характеристики неизвестного преступника имеет определенную значимость в решении задач раскрытия и расследования неочевидных, безмотивных серийных преступлений. При этом он может использоваться в расследовании наравне и в сочетании с другими традиционными способами и средствами.

Ключевые слова

неочевидные преступления, портрет неустановленного преступника, психологический портрет неустановленного преступника, методика составления психологического портрета преступника

Для цитирования

Потопов С.А. Значение психологического портрета в раскрытии неочевидных преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 348-356. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-348-356>

The importance of a psychological portrait in unobvious crimes disclosure

© Sergey A. POTAPOV,

PhD (Law), Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4364-7694>, potapov.1995@yandex.ru

Abstract

The relevance of work is due to the complex study of the meaning of psychological portraiture in the detection of unobvious crimes. The purpose of work is to analyze the concept and essence of the psychological portrait and determine its significance in solving problems of criminal proceedings. The implementation of the purpose is achieved by the use of laws of dialectics, formal logic and the application of general scientific and private research methods. Analysis of disclosure and investigation statistics shows that the development of an effective and acceptable methodology for profiling an unidentified criminal is an urgent task for law enforcement agencies. Existing theoretical approaches to determine the links between the traces of a crime and the personality of a criminal, in particular, forensic, program-targeted, psychiatric and psychological, are explored. Their brief description is given. The concept and main purposes of drawing up a psychological portrait and its significance in the disclosure of unobvious crimes are investigated. The history of the development of this method both abroad and in Russia is considered. A comparative analysis of the method used abroad, in particular in the FBI, and in Russia is made, the differences and features in them are determined. The informational content of the method under study and the methodology for compiling a psychological portrait of a criminal are considered. It is concluded that a psychological portrait as a non-traditional method of cognition and the result of compiling a comprehensive description of an unknown criminal has a certain significance in solving the problems of revealing and investigating unobvious, unmotivated serial crimes. At the same time, it can be used in the investigation on an equal footing and in combination with other traditional methods and means.

Key words

unobvious crimes, unidentified criminal portrait, psychological portrait of unidentified criminal, drawing up methods of criminal psychological portrait

For citation

Potapov, S.A. (2023). The importance of a psychological portrait in unobvious crimes disclosure. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 2, pp. 348-356 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-348-356>

Введение. Постановка проблемы

Статистика современного состояния борьбы с преступностью показывает, что ежегодно остаются не раскрытыми около половины совершенных преступлений¹. В основном к ним относятся так называемые неочевидные преступления. Считается, что из всех совершаемых ежегодно преступлений они составляют 67 %, остальные 33 % относятся к очевидным преступлениям. При определении понятия неочевидного преступления, на наш взгляд, следует руководствоваться следующим общепринятым мнением:

«С точки зрения раскрытия преступлений они делятся на две группы в зависимости от содержания исходной информации. Первую группу составляют «очевидные» преступления, то есть такие, которые совершаются в условиях очевидности, когда исходная информация содержит данные и о событии, и о виновном. Вторая группа включает преступления, исходная информация о которых не содержит данных о событии и о виновном либо содержит лишь данные о событии преступления» [1, с. 141].

Процесс расследования неочевидного преступления носит ретроспективный характер, поэтому восстановление механизма данного преступления и установление лич-

¹ Состояние преступности: официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 23.12.2022).

ности преступника осуществляется следователем на основании имеющейся в его распоряжении следовой информации. Однако личность преступника нередко бывает скрыта в следах криминального события, и поиск ее признаков требует применения специальных методов познания. Поэтому разработка эффективной и приемлемой для решения этой задачи методики составления портрета неустановленного преступника является актуальной для правоохранительных органов.

В настоящее время в определении связей между следами преступления и личностью преступника существуют следующие криминалистические подходы: Л.Г. Видонова, который ввел понятие типовых версий, и программно-целевой метод Г.А. Густова.

Исследования Л.Г. Видонова послужили отправной точкой в практическом применении криминалистической характеристики преступлений, в составлении типовых версий, позволяющих устанавливать личность неизвестного преступника. Например, по этому поводу В.П. Бахин отмечает следующее: «...работа Л.Г. Видонова стала прообразом практической категории криминалистической характеристики преступлений» [2, с. 314]. В ней Л.Г. Видонов предпринял попытку типизировать личность преступника на основании данных, полученных из типовых ситуаций, характеризующих неочевидное преступление. В данном случае выявить закономерности, существующие в совокупности, соответственно, между способом совершения преступления, его местом, временем, жертвой и, с другой стороны, социально-демографическими признаками, характеризующими личность преступника, и местом его проживания. По утверждению Л.Г. Видонова, они обусловлены неким: «универсальным законом материальных процессов, происходящих в объективной действительности и отражающихся в других, так или иначе связанных с первым» [3, с. 10]. В частности Р.С. Белкин, характеризуя его концепцию, отмечал следующее: «...этот подход, с нашей точки зрения, методически верен, и разработка подобных программ должна основываться именно на нем. Именно подобным образом должны выглядеть программы построения типичных версий. Однако эти программы – не единст-

венный вариант программирования действий следователя» (цит. по: [4, с. 118]).

В настоящее время данное направление получило свое дальнейшее развитие с появлением компьютерных технологий, в частности программы «ФОРВЕР», которая позволяет в любой следственной ситуации сформировать портрет личности неизвестного преступника по результатам проведенного осмотра места происшествия и трупа жертвы [5, с. 74].

Предложенный Г.А. Густовым программно-целевой метод дает возможность в ходе расследования уголовного дела получать новую значимую информацию посредством применения криминалистических программ. Эти программы позволяют следователю анализировать и систематизировать информацию, находящуюся в уголовном деле. При этом они помогают ему выявить в ней данные, отсутствующие в материалах дела, что в свою очередь позволяет ему определять и скорректировать как общие, так и частные задачи расследования, в частности определение личности преступника, и искать пути их решения.

Однако практика показала, что преодолеть проблему раскрытия преступления и установления личности неизвестного преступника чисто криминалистическими методами не всегда представляется возможным ввиду сложности определения закономерностей, существующих между признаками, характеризующими событие преступления, и лицом, его совершившим. Поэтому данное исследование требует выхода за пределы криминалистических знаний и привлечения к данному процессу возможностей других наук и технических достижений.

Результаты исследования

1. История становления психологического портрета как метода установления неизвестного преступника за рубежом и в России

История развития метода портретирования неизвестного преступника свидетельствует о том, что поиск данной категории лиц по психологическим признакам пытались в разное время осуществить такие зарубежные ученые, как Ч. Ломброзо, Э. Хутон, Г. Гросс, С. Оттоленги и др. Однако достичь положительных результатов в этой деятельности им

не позволил низкий уровень развития таких молодых в то время наук, как криминалистика и психология. Только в 50-е гг. XX века, в связи с совершенствованием этих знаний, американскому психологу Дж. Брусселю удалось составить психологический портрет неизвестного преступника, давшего положительный результат в расследовании серийных преступлений, совершаемых на протяжении восьми лет. Этот успех позволил в середине 70-х гг. XX века открыть в Национальной академии ФБР США курсы для подготовки агентов по практическому применению криминальной психологии. В 1979 г. в данном учебном заведении открывается программа исследований по теме «Личностно-преступное профилирование». На основании положительных результатов ее реализации в 1984 г. при Академии ФБР создается Национальный центр изучения насильственных преступлений. Создание центра способствовало широкому внедрению метода в практическую деятельность и его совершенствованию. Для этого была создана единая национальная компьютерная система, в которую заносились данные всех совершенных в стране тяжких, раскрытых и не раскрытых, насильственных преступлений. В 1988 г. руководитель проекта Дж. Дуглас, обобщив итоги работы Центра, описал метод построения психологического профиля преступника в своей книге «Сексуальные убийства: мотивационная модель». В частности, с применением своего метода им были раскрыты более тысячи неочевидных преступлений [6, с. 94]. Считается, что данный метод способствует раскрытию преступлений только в тех следственных ситуациях, когда данные осмотра места происшествия и жертвы преступления указывают на определенную психопатологию, имеющуюся у преступника. Поэтому он наиболее эффективен при раскрытии таких преступлений, как ритуальные убийства, убийства с причинением посмертных колото-резаных ранений или манипуляций с трупом жертвы, убийства на сексуальной почве, нанесение жертве увечий, не имеющих мотивов поджогов и взрывов, изнасилований. Практика показывает, что применение данного метода считается нецелесообразным в случаях расследования убийств, совершенных с целью

ограбления, и преступлений, связанных с приемом наркотиков. Данный метод получил международное признание правоохранительных органов стран Европы и Америки.

В настоящее время за рубежом действуют несколько самостоятельных поисковых моделей, в разное время разработанных ФБР США, канадская географическая модель Д. Россмо, английская модель межличностного взаимодействия преступника и жертвы Д. Кантера.

В нашей стране разработка данной тематики так же началась в 70-е гг. XX века. Исследования осуществлял отдел психофизиологических проблем раскрытия преступлений и анализа преступного поведения НИИ МВД России.

На протяжении этого времени изучением данного вопроса занимались такие ученые, как Ю.М. Антонян, А.И. Анфиногенов, Р.Л. Ахмедшин, Н.Н. Богомолова, А.О. Бухановский, О.А. Логунова, Л.П. Конышева, Д.В. Миронов, В.А. Образцов, А.Р. Ратинов, Е.Г. Самовичев, Г.А. Густов и др.

В частности, А.И. Анфиногенов в своей работе отмечал, что для отечественной психологической концепции портретирования основополагающим является следующее положение: «...принцип выявления смыслового содержания элементов криминалистической характеристики преступления с целью определения личностных свойств преступника» [7, с. 56].

Впервые практическое применение данного метода дало положительный результат при расследовании серийных преступлений, совершенных Михасевичем (33 убийства) и Чикатило (53 убийства). В частности, в составлении портрета Чикатило принял участие известный российский психиатр А.О. Бухановский. Разработанный им портрет совпал с оригиналом на 85 %². В настоящее время созданный им психологический портрет серийного убийцы применяют в своей работе криминалисты и психиатры всего мира. В данном методе А.О. Бухановский формирует динамическую модель личности на основании взаимосвязи признаков

² Метод Бухановского: Как в соседе распознать Чикатило? 2021. 14 нояб. URL: <https://dzen.ru/a/YY-I4GysxxNY5AGD> (дата обращения: 23.11.2022).

преступного события с психологическими признаками совершившего его лица. При этом используются данные исследований уже осужденных по этим категориям дел преступников. Установив закономерные связи между отдельными элементами механизма совершенного преступления, по определенным критериям можно построить предполагаемую типологическую принадлежность личности преступника. По сути, определить признаки лица относительно признаков его поведения в исследуемом криминальном событии. По мнению ученых, база данных об этих преступных событиях и лицах, их совершивших, с регистрацией всего ряда признаков, должна постоянно формироваться и обрабатываться современными цифровыми технологиями.

На сегодняшний день при расследовании неочевидных преступлений так же используется отечественная модель психологического портрета, созданная Р.Л. Ахмедшиным и Н.В. Кубрак [8].

Сравнительный анализ метода, созданного за рубежом, в частности в ФБР, и в России показывает на следующие имеющиеся в них различия: метод ФБР основан в большей степени на анализе информации о жертве преступления, отечественный метод использует данные анализа механизма преступного деяния. При этом обнаруживается, что отечественная модель по сравнению с американской дает более информативный портрет неустановленного преступника.

2. Понятие и основные цели применения психологического портрета в раскрытии неочевидных преступлений

Практика показывает, что в основном психологический портрет неустановленного преступника применяется в расследовании неочевидных, безмотивных серийных преступлений. На начальном этапе их раскрытия может складываться разная следственная ситуация. Например, если имеющаяся следовая информация позволяет субъекту расследования идентифицировать личность преступника, то считается, что ситуация является благоприятной. При неблагоприятной ситуации следовая картина преступления не позволяет ему установить лицо, его совершившее. В данном случае в расследовании может применяться метод прогнозирования

личности преступника, позволяющий с определенной вероятностью определить направление его поиска. В данном случае мы согласны с Г.Н. Мухиным с соавт., которые в своей работе отмечают следующее: «О моделировании личности неустановленного преступника можно говорить лишь в случае, когда идентификационное исследование невозможно, а собранная информация (в том числе и следовая) будет использоваться для решения диагностических задач и задач установления групповой принадлежности, сужения круга поиска неустановленного преступника, прогнозирования его преступного поведения» [9, с. 55]. Именно для этой ситуации психологический портрет как метод, позволяющий с определенной вероятностью диагностировать лицо, совершившее преступление, и прогнозировать его преступное поведение в будущем, может способствовать раскрытию неочевидных преступлений. При этом данный, пока еще не традиционный метод познания используется в расследовании наравне с другими ставшими уже традиционными способами и средствами.

А.И. Анфиногенов в своем исследовании дал следующее определение психологического портрета: «Психологический портрет преступника – это психолого-криминалистический метод и результат познания криминального события, ориентированный на выявление комплекса сведений об индивидуальных признаках и особенностях личности субъекта преступления, проявившихся в совокупности обстоятельств и следах преступной деятельности, где лицо описывается в терминах его устойчивого психологического и гражданского состояния» [10, с. 38].

Основными целями составления психологического портрета являются выдвижение предположений (версий) о лицах, причастных к преступлению, что существенно ограничивает количество поисковых объектов, разработка тактики проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в отношении известных лиц данного типа, моделирование их преступного поведения как в прошлом, настоящем и будущем времени для его пресечения и предупреждения. Как видим, результаты портретирования могут с успехом использоваться следователями при решении поисковых,

тактических, организационных задач расследования неочевидных преступлений, в осуществлении общего и частного планирования, а также установления доказательств по делу.

3. Содержание и методика составления психологического портрета преступника

Необходимо отметить, что данный метод, несмотря на свое название, может включать в себя разную информацию, характеризующую личность, и только психологический подход в ее исследовании и реконструкции личности преступника с использованием специальной терминологии определяет его отношение к психологии. В частности, термин «психологический портрет» конкурирует с такими имеющимися в настоящее время понятиями, как «модель личности преступника», «перспективный портрет личности преступника», «криминалистическая модель виновного», «психологический профиль преступника» и т. п. [11, с. 78; 12–13]. Практика показывает, что только комплексный подход, основанный на использовании знаний различных наук, позволяет исследователям приблизиться к созданию полной и объективной модели личности преступника. Подтверждением данной позиции может служить структура психологического портрета правонарушителя. Содержание данной структуры в основном определяется социально-психологической структурой личности, но кроме этого она также включает в себя общую криминально-психологическую характеристику личности, социально-демографические характеристики известных преступников, медико-биологическую подструктуру личности, биопсихические свойства и качества, социально-психологические особенности поведения личности и т. д.

Методика составления психологического портрета преступника состоит из четырех этапов. При этом общим объектом методики здесь выступает само событие преступления, а непосредственным объектом являются проявляющиеся в условиях конкретной ситуации поведенческие особенности личности.

На первом этапе, на основании следов, обнаруженных на месте происшествия, и других обстоятельств дела профилистами формируется модель события преступления.

Необходимая для этого информация собирается из следующих источников: осмотра места происшествия, показаний свидетелей, характеристик личности жертвы, объекта преступления, заключения экспертиз. Из всех имеющихся сведений особое внимание здесь уделяется объекту, способу преступления, обстановке места происшествия, личности жертвы, лицам, причастным к совершению преступления. В целях установления объективной картины преступления большое значение уделяется фотографиям места преступления, жертвы, нанесенных ей ран и т. д. Большое значение имеет информация о личности жертвы, так как она тесно связана с личностью преступника. Материалы судебно-медицинской экспертизы вскрытия и исследования трупа позволяют сделать вывод о душевном состоянии убийцы в момент преступления, об отношениях между ним и жертвой. Исследование данной информации позволяет восстановить внешнюю, объективную сторону преступления, однако при этом установить ее субъективную сторону на практике бывает весьма затруднительно. В дальнейшем на основании этих объективных показателей исследуются психические явления преступника.

Целью второго этапа является моделирование поведения преступника. Данная работа осуществляется на основании информационной модели события преступления, полученной на предыдущем этапе методики. Практика показывает, что психологически значимые сведения можно получить в процессе мысленного моделирования поведения жертвы и преступных действий преступника, характера их взаимоотношений в предкриминальной и криминальной ситуации, проявления виктимности и провокаций со стороны жертвы.

Психологическая интерпретация поведения преступника является третьим этапом и заключается в выявлении элементов поведения преступника в целях описания его личностных особенностей, свойств и признаков, опираясь на существующие социально-психологические закономерности. Выявление индивидуального действия согласуется с использованием следующей выявленной закономерности: если при повторных ситуациях человек заметнее меняет свое поведе-

ние, тем в большей степени оно детерминировано его личностными факторами. При этом, чем однотипнее лицо действует в разнообразных ситуациях, тем сильнее его поведение обусловлено личностными особенностями. Этот этап выступает высшим уровнем анализа преступного события.

На заключительном этапе исследователь оформляет полученные результаты, составляет сам психологический портрет, моделирует его преступное поведение в будущем и т. д.

Заключение

В заключение обзора можно сделать вывод, что психологический портрет как метод и результат составления комплексной характеристики неизвестного человека имеет определенную значимость в решении задач раскрытия и расследования неочевидных, безмотивных серийных преступлений. При этом данный, пока еще не традиционный метод познания используется в расследовании наравне с другими ставшими уже традиционными способами и средствами. С его помощью можно решать как общие, так ча-

стные задачи расследования. К общим задачам здесь можно отнести поисковые, тактические, организационные направления расследования, прогнозирование преступной деятельности неустановленного лица, к частным – определение мотива совершения преступления, объединение уголовных дел в общее производство, планирование расследования, виктимологический анализ деликта, перспективное направление розыска и т. д.

В качестве недостатка следует отметить, что в настоящее время не существует отдельной науки, в рамках которой можно было бы изучать и обобщать знания о данном методе. Так же отсутствуют научно обоснованные подходы, определяющие закономерности взаимосвязи следов, оставленных на месте преступления, с поведением и личностными особенностями лица, его совершившего. Поэтому процесс портретирования в настоящее время является в большей степени искусством, чем наукой и существенно зависит от таланта и профессионализма профилера – лица, его составляющего.

Список источников

1. Потапов С.А. Значение криминалистической характеристики преступлений в расследовании неочевидных преступлений // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 4. С. 141-148. <https://elibrary.ru/zgzlxj>
2. Бахин В.П. Диссертационные исследования уже не дают повода для изобретения пороха и бумаги // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия Юридические науки. 2007. Т. 20 (59). № 2. С. 311-317. URL: http://sn-law.cfuv.ru/wpcontent/uploads/2016/12/47_bahin.pdf
3. Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев. Горький, 1978. 122 с. URL: <http://biblio.crimlib.info/www/read.php?mode=image&id=28&file=39&page=1>
4. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. М.: БЕК, 1996. 179 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001741203>
5. Толстолуцкий В.Ю. Использование информационных технологий в раскрытии и расследовании убийств. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2012. 151 с. URL: <http://www.unn.ru/pages/e-library/method-material/files/Tolstolutsky.pdf>
6. Ахмедшин Р.Л. К вопросу о доказательственном статусе заключения об установлении психологического портрета неизвестного преступника // Проблемы познания в уголовном судопроизводстве: материалы науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. С. 91-97. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000671807>
7. Анфиногенов А.И. Психологическое портретирование неустановленного преступника. М., 2002. 133 с.
8. Ахмедшин Р.Л., Кубрак Н.В. Содержание стадий методики построения «психологического портрета» неизвестного преступника // Проблемы познания в уголовном судопроизводстве: материалы научно-практической конференции. Иркутск, Изд-во ИГЭА, 2000. С. 98-105. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000671807>
9. Мухин Г.Н., Каразей О.Г., Исютин-Федотков Д.В. Криминалистическое моделирование личности неустановленного преступника и его преступного поведения / под общ. ред. Г.Н. Мухина. М.: Юрлитинформ, 2012. 204 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005434418>

10. Анфиногенов А.И. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления: дис. ... канд. психол. наук. М., 1997. 183 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000177494>
11. Образцов В.А., Богомолова Н.Н. Криминалистическая психология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 448 с. URL: https://www.studmed.ru/view/obrazcov-va-bogomolova-sn-kriminalisticheskaya-psihologiya_1910430f7f5.html
12. Составление психологического портрета преступника / авт.-сост. А.Ю. Лаговский, А.И. Скрыпников, В.Н. Тележникова, Л.А. Бегунова. М.: ВНИИ МВД России, 2000. 113 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/010003_000061_0d3c9003afe863c26577689accfbf329/
13. Тимофеева А.В. Криминалистическое моделирование неизвестного преступника по признакам и свойствам, отображаемым в следах преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 27 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004613531?page=1&rotate=0&theme=white>

References

1. Potapov S.A. (2017). Value of the criminalistic characteristic crimes in investigation of unevident crimes. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social-Economic Phenomena and Processes*, vol. 12, no. 4, pp. 141-148. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zgzlxlj>
2. Bakhin V.P. (2007). The dissertation investigations don't give reason for the invention of paper and powder. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya Yuridicheskie nauki* [Scientific Notes of the Taurida National V.I. Vernadsky University. Series Legal Sciences], Vol. 20 (59), no. 2, pp. 300-306. (In Russ.) Available at: http://sn-law.cfuv.ru/wp-content/uploads/2016/12/47_bahin.pdf
3. Vidonov L.G. (1978). *Kriminalisticheskie kharakteristiki ubiystv i sistemy tipovykh versii o litsakh, sovershivshikh ubiystvo bez ochevidtsev* [Forensic Characteristics of Murders and the System of Typical Versions about the Persons Who Committed the Murder without Eyewitnesses]. Gorky, 122 p. (In Russ.) Available at: <http://biblio.crimlib.info/www/read.php?mode=image&id=28&file=39&page=1>
4. Larin A.M. (1996). *Kriminalistika i parakriminalistika* [Criminalistics and Paracriminalistics]. Moscow, BEK Publ., 179 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001741203>
5. Tolstolutsii V.Yu. (2012). *Ispol'zovanie informatsionnykh tekhnologii v raskrytii i rassledovanii ubiystv* [The use of information technology in the disclosure and investigation of murders]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University Publ., 151 p. (In Russ.) Available at: <http://www.unn.ru/pages/elibrary/methodmaterial/files/Tolstolutsky.pdf>
6. Akhmedshin R.L. (2000). K voprosu o dokazatel'stvennom statuse zaklyucheniya ob ustanovlenii psikhologicheskogo portreta neizvestnogo prestupnika [To the question of the evidentiary status of the conclusion on the establishment of a psychological portrait of an unknown criminal]. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Problemy poznaniya v ugolovnom sudoproizvodstve»* [Proceedings of the Scientific and Practical Conference "Problems of Cognition in Criminal Proceedings"]. Irkutsk, ISEA Publ., pp. 91-97. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000671807>
7. Anfinogenov A.I. (2002). *Psikhologicheskoe portretirovanie neustanovlennogo prestupnika* [Psychological Portrayal of an Unidentified Criminal]. Moscow, 133 p. (In Russ.)
8. Akhmedshin R.L., Kubrak N.V. (2000). Soderzhanie stadii metodiki postroeniya «psikhologicheskogo portreta» neizvestnogo prestupnika [The content of the stages of the methodology for constructing a "psychological portrait" of an unknown criminal]. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Problemy poznaniya v ugolovnom sudoproizvodstve»* [Proceedings of the Scientific and Practical Conference "Problems of Cognition in Criminal Proceedings"]. Irkutsk, ISEA Publ., pp. 98-105. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000671807>
9. Mukhin G.N., Karazei O.G., Isyutin-Fedotkov D.V. (2012). *Kriminalisticheskoe modelirovanie lichnosti neustanovlennogo prestupnika i ego prestupnogo povedeniya* [Forensic Modeling of the Identity of an Unidentified Criminal and His Criminal Behavior]. Moscow, Uralinform Publ., 204 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005434418>
10. Anfinogenov A.I. (1997). *Psikhologicheskii portret prestupnika, ego razrabotka v protsesse rassledovaniya prestupleniya: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological portrait of a Criminal, Its Development in the Process of Investigating a Crime. PhD (Psychol.) diss.]. Moscow, 183 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000177494>

11. Obraztsov V.A., Bogomolova N.N. (2002). *Kriminalisticheskaya psikhologiya* [Forensic Psychology]. Moscow, UNITY-DANA Publ., 448 p. (In Russ.) Available at: https://www.studmed.ru/view/obrazcov-va-bogomolova-sn-kriminalisticheskaya-psihologiya_1910430f7f5.html
12. Lagovskii A.Yu., Skrypnikov A.I., Telezhnikova V.N., Begunova L.A. (compilers). (2000). *Sostavlenie psikhologicheskogo portreta prestupnika* [Drawing up a Psychological Portrait of a Criminal]. Moscow, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 113 p. (In Russ.) Available at: https://rusneb.ru/catalog/010003_000061_0d3c9003afe863c26577689accfbf329/
13. Timofeeva A.V. (2010). *Kriminalisticheskoe modelirovanie neizvestnogo prestupnika po priznakam i svoistvam, otobrazhaemym v sledakh prestupleniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Forensic Modeling of an Unknown Criminal on the Basis of Signs and Properties Displayed in the Traces of a Crime. PhD (Law) diss. abstr.]. Chelyabinsk, 27 p. (In Russ.) Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004613531?page=1&rotate=0&theme=white>

Поступила в редакцию / Received 23.01.2023

Поступила после рецензирования / Revised 10.04.2023

Принята к публикации / Accepted 19.05.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная